
ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

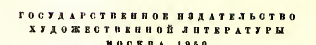

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Портрет работы художника
А. Яр-Кравченко

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ИЗБРАННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

(1883—1945)

1

Демьян Бедный — выдающийся советский поэт, боевая поэзия которого с честью служила социалистической революции и вдохновляла советский народ на строительство социализма.

Литературное наследие Д. Бедного чрезвычайно богато и многогранно. Но наиболее ярко в его творчестве выделяется революционная сатира. Опираясь на славные традиции русской передовой литературы, он выступил как один из родоначальников революционной сатиры рабочего класса.

В произведениях Демьяна Бедного ярко отразились революционные думы и чаяния русского народа, вставшего совместно с братскими народами на борьбу с самодержавием, одержавшего победу в октябре 1917 года и впервые в истории построившего социалистическое общество.

Ефим Алексеевич Придворов родился 13 апреля 1883 года в деревне Губовка б. Херсонской губернии, в бедной крестьянской семье. Детство поэта было тяжелым и безрадостным. Большое влияние на мальчика оказывал его дед Софрон Придворов, он рассказывал внуку сказки, былины и песни. Будущий поэт еще в детстве узнал произвол и угнетение помещиков, царских чиновников, полиции в дореволюционной деревне.

Мальчик учился в сельской школе, был первым учеником. Когда ему исполнилось тринадцать лет, отец увез его из деревни в Киев. Мальчику удалось поступить в киевскую военно-фельдшерскую школу. В свободное от занятий время будущий поэт много читал, старательно изучая произведения русских писателей. Еще в школе начал он писать стихи.

Осенью 1904 года Ефим Придворов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Первые стихи его появились в печати в 1908 году.

Отзвуки революции 1905 года слышатся в стихотворении «О Демьяне Бедном — мужике вредном». Герой стихотворения—крестьянин, поднявшийся на революционную борьбу.

Имя героя этого стихотворения «Демьян Бедный» с 1912 года стало псевдонимом поэта, всенародно известным его именем.

Царская цензура сразу насторожилась. Оценив поэтический талант Д. Бедного как талант революционный, она всячески старалась преградить поэту-революционеру путь в литературу. Но, несмотря на цензурные препятствия, Демьян Бедный вошел и утвердился в русской литературе силой своего поэтического слова и острой политической направленностью своего творчества.

Произведения Д. Бедного обладают доходчивой художественной формой. Его поэтическая речь оригинальна. Д. Бедный возродил басню, как традиционный вид русской передовой сатиры, а вместе с басней он не только возродил революционно-демократическую сатиру, но и развил ее дальше, поставив на службу рабочему классу и пролетарской революции.

Передовое русское общество сразу же отнесло басни Демьяна Бедного к важнейшим литературным явлениям современности.

В начале творческой деятельности Д. Бедный печатал свои стихи в журнале «Русское богатство». Это был журнал либерального народничества и выражал интересы кулачества. Подлинными хозяевами журнала были Пешехонов, Мякотин и прочие народники кадетского толка.

Демьяна Бедного встретили в журнале благожелательно как поэта крестьянского. В его баснях чувствовалось превосходное знание крестьянского быта, пленял чистый народный язык. Поэт писал о крестьянском горе, безысходной крестьянской нужде.

Но сделать из Д. Бедного нужного либералам «крестьянского» поэта «Русскому богатству» не удалось.

Политическая заостренность басен, их очевидная направленность против дворян-помещиков и кулаков-мироедов вскоре отпугнула редакцию журнала от своего талантливого сотрудника.

Поэт и сам почувствовал себя чужим в этой компании крестьянствующих либералов. С 1911 года он стал сотрудничать в большевистских газетах «Звезда» и «Правда», которые и явились для него школой революционно-поэтической мысли. Д. Бедный встал на боевой пост пролетарской социалистической литературы и остался на этом посту до последнего дня своей жизни.

2

Вся литературная деятельность Д. Бедного была связана с большевистской печатью, ставшей его поэтической трибуной. Поэт был постоянным сотрудником большевистских газет «Звезда» и «Правда», одним из видных членов редакционного коллектива.

Как поэт, Демьян Бедный постоянно находился в творческом напряжении, откликаясь на важнейшие события текущей жизни. Его стихи обладали ударной силой боевого, революционного слова. Конечно, такая литературная работа была не легкой и требовала большого мастерства. Но она давала поэту огромное удовлетворение.

Демьян Бедный любил газетную работу и гордился своим званием большевистского поэта-агитатора. Он писал:

Моих стихов лихая рота —
Я с нею весело иду.
Моя газетная работа
У всех свершалась на виду.

В отличие от реакционных и либерально-буржуазных газет, серых, тусклых, лишенных политической остроты, совсем иной по своему характеру, по своему складу и тону была большевистская печать. «Правда» вошла в историю русской журналистики, как газета нового типа. Новой была и поэзия «Правды».

Статьи, очерки, стихи «Правды» звали к революционной борьбе.

Демьян Бедный первый из поэтов пришел в газету пролетарской революции,— вскоре за ним последовали другие. Вырабатывался, отшлифовывался стиль боевой, революционной поэзии.

Большевистская газета воспитывала у поэтов самые ценные качества для их работы: беззаветное служение народу, строгую принципиальность, ясность мысли, непоколебимость революционной воли, свободу не только от корыстных интересов, но и от индивидуализма, от любования своей собственной персоной.

Партия Ленина — Сталина воспитывала и заботливо оберегала его могучий талант. Демьян Бедный занял в советской литературе видное и почетное место. Популярность Демьяна Бедного была очень велика.

3

Поэзия была для Демьяна Бедного ежедневным политическим трудом, его партийным долгом. Его произведения не равноценны по своим литературно-художественным достоинствам, но почти все они подчинены одной общей задаче: борьбе за социализм. Его

стихи можно назвать поэтической летописью социалистической революции.

Басня была его первым литературным оружием. Поэт мастерски владел плавной, образной речью рассказчика-баснописца. Революционную направленность своих басен Демьян Бедный умело облекал народными поэтическими метафорами. Читателю было ясно, и вместе с тем цензуре трудно придраться. Со времени Крылова русская басня не знала такой гибкости языка и доходчивости.

В «Правде» рабочий читатель оценил также эпиграммы и фельетоны Демьяна Бедного. Революционные события нарастали с 1912 года. Чувствовалось приближение новой, революционной грозы. Большевики звали к новому штурму самодержавия. Боевой орган печати требовал от поэта слов сильных и разящих, как молния. В Петербурге начались волнения на резиновой мануфактуре в связи с отравлением работниц свинцовыми белилами. На заводе «Вулкан» городовой во время демонстрации застрелил рабочего...

Демьян Бедный откликнулся на это четырьмя строками в газете «Правда»:

> На фабрике — отрава,
> На улице — расправа.
> И там свинец и тут свинец...
> Один конец!

Эти стихи действовали не хуже самой зажигательной прокламации. Они облетели всю страну, как сатира убийственной силы.

Эпиграммы Д. Бедного по существу являлись остро отточенными литературными памфлетами. Их удары поэт, руководствуясь политической линией борьбы партии, всегда стремился направить именно в ту цель, которая для данного исторического момента являлась самой существенной, первоочередной.

В 1917 году его сатирические удары градом сыпались на меньшевиков и эсеров. Демьян Бедный создал комический образ беспринципного политикана, танцующего под дудку капиталистов. Из двух фамилий, Либера и Дана, руководителей меньшевиков, Демьян Бедный создал комическую фигуру Либердана. Кличка «Либердан» быстро стала нарицательной.

Многие памфлеты Демьяна Бедного против США, написанные в середине 20-х годов, сохраняют всю свою жизненность и в наши дни. В них осмеяны характерные черты американского империализма.

Поводом к стихотворению «Мрак» послужило сообщение из США о запрещении книги Вольтера «Кандид».

> Недавно Дарвина кляли,
> Глядь — на Вольтера уж гоненье!

Теперь — вращение земли
Осталось взять лишь под сомненье!
Старорежимных дураков
Громил когда-то смех Вольтеров.
И вдруг теперь — пассаж каков!
В пещерный мрак каких веков
Идет страна миллиардеров?

Демьян Бедный быстро откликался на все важнейшие события своего времени как в области внутренней, так и внешнеполитической жизни. Боевая, газетная отзывчивость Демьяна Бедного на события текущего дня, ежедневная «перестрелка» с врагами способствовали его углубленной поэтической работе, обобщению фактов, наблюдению над глубинными процессами, происходящими в революционной жизни. Демьян Бедный зорко присматривался к новым явлениям, к новым людям. Он учился у жизни.

В годы гражданской войны и в годы нэпа Демьян Бедный много ездил по стране, бывал на фронтах. Его стихи, частушки, эпиграммы, песни живо подхватывались красноармейцами, рабочими... Вся страна распевала красноармейскую песню «Проводы».

Наряду с басней, эпиграммой и песней мы находим в творчестве Демьяна Бедного богато представленными и другие стихотворные жанры.

4

В ряде повестей, поэм он показывает процесс роста рабочего класса и крестьянства, процесс формирования большевика.

Повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю» о том, как батрак Лука пришел к большевикам, Демьян Бедный заканчивал 7 ноября 1917 года, в исторический день Октябрьской социалистической революции, когда на улицах шли бои пролетариата за власть.

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите,
Хоть могилку навестите...

Такова поэзия Демьяна Бедного. Она не только злободневна и политически актуальна, но и вся в непосредственном действии. Автор — не сочувствующий наблюдатель, а участник воспеваемых событий.

Демьян Бедный замечательный мастер боевого большевистского фельетона, гибкого и острого литературного оружия. Он в совер-

шенстве владеет и «большим», проблемным, обобщающим фельетоном, и «малым» — тонко отточенным откликом на текущие события.

Лирические стихи в поэзии Демьяна Бедного хотя и занимают небольшое место, но имеют существенное значение. Его лирика наполнена общественными, гражданскими чувствами и устремлениями.

Образцом такой лирики является стихотворение «Снежинки», созданное в ближайшие дни после кончины В. И. Ленина.

Волнующие стихи «Снежинки» начинаются поэтическим описанием погруженного в печаль леса:

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель...

Это Горки в тот день, когда советскую страну и все прогрессивное человечество посетило глубокое незабываемое горе:

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

Все стихи Демьяна Бедного о Ленине и Сталине проникнуты особою взволнованностью поэта-коммуниста, певца великих дел, исторических подвигов советского народа. «Жить и работать!» — так озаглавлены стихи на двухлетие исторической речи И. В. Сталина на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в 1929 году.

В точных, до предела сжатых образах поэт рисует успехи коллективизации в деревне.

Мы видим поэта на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году. Он слушает доклад товарища Сталина, и пред его глазами проходит «цветенье жизни». Так же называется и его стихотворение.

Поэт слушает историческую речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. Товарищ Сталин говорит: «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».

В стихотворении «Новая глава» с поэтической силой Демьян Бедный передает чувства, возникшие у слушателей этой речи:

О людях. Надо их беречь!
Взволнованный и потрясенный,
Крепяся, чтоб не дать слезам потечь,
Я голову склонил и слушал речь,
Воспоминаньями в былое унесенный...

Показав, как старый общественный строй губил человеческие жизни, поэт заканчивает стихотворение:

Беречь людей!..
Два слова. Только два.
Но эти краткие слова
Не говорят ли нам — сквозь вещие всполохи,—
Что открывается в них новая глава
Великой Сталинской эпохи?

Демьян Бедный считал себя певцом сталинской эпохи. В этом он видел свою основную поэтическую задачу.

За плодотворную деятельность поэта-революционера Демьян Бедный был награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

5

Поэтический язык Демьяна Бедного — это народный язык. Поэт сам так определял сильную сторону своей речи, обращаясь к читателю, «к рабочему и мужику»:

Язык — мое оружие,—
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас,
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,—
Такой язык не врет.

За такой язык, правдивый и народный, Демьян Бедный вел неустанный и непримиримый бой с поэтами-эстетами, формалистами, конструктивистами. Поэт не терпел литературного манерничанья, пустой игры словами, мистического заумия, нарочитого тумана,— всего того, что прикрывает самовлюбленность индивидуалистических поэтов, враждебных социалистическому реализму.

Демьян Бедный писал:

Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь, всем доступную, веду.
Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны...

В этой суровой правдивости, в большевистской честности сила стихов Демьяна Бедного. За это и полюбил его советский народ. Но в его литературно-творческой деятельности были и недостатки. Простота — это великое достоинство революционной, коммунистической поэзии. Но простота стихов Бедного иногда переходила в простоватость, в упрощенность

Упреки в грубоватости Д. Бедный признавал, однако относил их преимущественно к форме своих стихов, к их стилю. Он писал:

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.

Но дело заключалось не в форме. Как раз по блеску, гибкости, по силе поэтического выражения Демьян Бедный давал высокие образцы литературного мастерства.

В беседе с Горьким о Демьяне Бедном В. И. Ленин, любовно и бережно относившийся к его таланту, указал: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

И действительно, Демьян Бедный иногда откликался на явления жизни поверхностно и упрощенно. Отсюда и срывы поэта. Они имели место в работе Демьяна Бедного, — более серьезные и менее серьезные, и партия указывала своему поэту на его ошибки.

Наиболее серьезная ошибка была допущена Демьяном Бедным в 1936 году, в пьесе «Богатыри». В ней извращена картина Киевской Руси, грубо высмеяны былинные богатыри, в неверном свете представлено крещение Руси, для своего времени явление исторически прогрессивное.

В эти годы Демьян Бедный отстал от читателя. Он не заметил гигантской культурной революции, следовавшей за грандиозными успехами социалистического строительства. Вырос новый читатель и в городе, и на селе. Высоко поднялось чувство советского национального достоинства, укрепился советский патриотизм. Партия разгромила лжеисторическую школу Покровского, с ее буржуазно-нигилистическим отношением к освободительным, прогрессивным, революционно-демократическим традициям. А именно «покровщина» дала себя знать в неуместном осмеянии того, что было создано народом в былинном героическом эпосе.

Ошибка была серьезная, и Демьяну Бедному понадобилась большая внутренняя работа над собой, чтобы выправиться и снова занять свое почетное место певца социалистической революции.

В памятные дни Отечественной войны наша страна снова услышала боевой голос Демьяна Бедного. Он звучал со страниц

«Правды» и других советских газет. Это был голос прежнего Демьяна, столь знакомый читателям, сильный и страстный, проникнутый болью за свой народ, на который напали захватчики, исполненный непоколебимой веры в победу. Демьян Бедный снова писал почти ежедневно, осыпая врага язвительными насмешками, разоблачая его захватническую фашистскую сущность и человеконенавистничество, вдохновляя советских воинов на победу.

Его последние стихи написаны в День Победы. Поэт был тяжело болен, но твердо держал в руках боевое перо. Он славил героическую Советскую Армию, славил свой победивший народ.

25 мая 1945 года Демьян Бедный скончался. Ему довелось перед смертью быть свидетелем и участником величайшего исторического триумфа своего народа. В тех грандиозных достижениях социалистического труда, которые родили победу и обеспечили дальнейшее движение советской страны к коммунизму, есть и частица поэтического труда Демьяна Бедного. Это дает ему почетнейшее место в советской литературе.

БАСНИ

КАШЕВАРЫ

Хочет ли «Правда» вообще работать вместе с нами, так называемыми «ликвидаторами»? Мы ждем от «Правды» ответа.

«Новый голос»

Взялась за ум рабочая артель:
«Довольно быть нам сборищем случайным
Да путаться по кабакам и чайным,
Как все мы путались досель!»
Артель единогласно
К решению пришла:
Кормиться всем из общего котла!
Прекрасно.
Добыт котел, и выбран кашевар —
Кривой Захар.
А так как было ясно,
Что не управиться Захару одному,
Приставили к нему
Двух пареньков охочих
(Не дюже-то рабочих),
Ерему да Кузьму.
Так надо же греху случиться:
При первой же стряпне
Пришлося по нужде Захару отлучиться,
Когда со справою котел уж был в огне.
Кузьма с Еремой тары-бары
Да растабары:
«Мы тоже кашевары!»
«Ась, брат? Чай, надоть посолить».
«И поперчить да маслица расплавить».
«И молочком недурно б забелить».

«А опосля кваском заправить».
«Постой-ка, Кузя, виноват:
Забыл подбросить я салат».
Захар, вернувшися, не доглядел оплошки,
Что там сварилося — бог весть!
Артели ж довелося есть.
Едва успев хлебнуть по три-четыре ложки
Невиданной окрошки,
Ребята наши — кто куда!
Тошнит и рвет бедняг без меры,
Как от холеры.
Беда!
А поварам грозит расправа
За то, что вышла их еда —
Еще бы ничего — бурда!—
А то, как есть, отрава!

Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не сварить!

1912

КУКУШКА

Кукушка,
Хвастливая болтушка,
Однажды, сидя на суку
Перед собранием кукушечьим, болтала
О чем попало,
Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:
Врала, да знала меру.
Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что видела орла.
«Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой.—
Скажи ж скорей, каков орел собой?
Чать, туча тучей?!»
«Ну, это — как кому,— хвастуньи был ответ,—
Особого в орле, пожалуй, мало.
По мне, так ничего в нем нет,
Чего бы нам недоставало:
Те ж когти, клюв и хвост,
Почти такой же рост,
Подобно нам, весь сер,— и крылья и макушка...
Короче говоря,
Чтоб слов не тратить зря:
Орел — не более, как крупная кукушка!»

Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,
Лгун некий пробовал на-днях морочить свет,
Что, дескать, обсудить — так выйдет все едино.
И разницы, мол, нет:
Что Герцен — что кадет.

1912

РЫБОЛОВЫ

Бывают же дела!
Зовите это чудом,—
Но вслед за православным людом
Лиса посты блюла
И в пост жила лишь рыбным блюдом.
«Тут дело вкуса, мол, совсем не чудеса»,—
Мне скажут. Я не прекословлю.
Но дело в том: раз утречком Лиса
Пришла к реке на ловлю.
В струи прозрачные закинута леса
С наживкой — мухой золотистой.
Разнежилась Лиса на травушке росистой;
Ан глядь — напротив Волк сидит на берегу,
«Принес его нечистый!»
Сидит и ни гу-гу:
Тихонько рыбу удит.
Так делать нечего, себя Лисичка нудит
И куму шлет привет.
Кум корчит ей в ответ
Подобие улыбки:
«Желаем кумушке — наудить больше рыбки!»
А рыбки нет как нет!
В досаде Волк уж было забожился:
«Уловец-то какой здесь был, кума, вчерась!..»
И вдруг насторожился.
За ним — Лиса. В реке резвился
Меж двух крючков — Карась!
От жадности у Волка ни терпенья,
Ни совести,— он к рыбе держит речь:

«Миляга, подь сюда! От ложного движенья
Тебя хочу я оберечь.
Пусть рыбы немы, да не глухи...
Послушай-ка, держись подальше ты от мухи!
Не то как раз нарвешься на крючок.
Меж тем — гляди сюда: ну что за червячок
Перед тобою вьется!»
Лиса от бешенства трясется:
«А, серый черт!.. Так знай: ты больше мне не кум,
Подохнуть бы тебе от лихоманки!
Карасик, положись на собственный свой ум.
И муха и червяк — равно приманки.
Да разница все ж есть,
Какую съесть.
Голубчик мой, я так толкую:
Коль все равно тебе, какую
Кончину живота обресть,
Так выбирай из них любую:
В рыбачью сеть ты можешь влезть,
Узнаешь человечьи руки;
Иль можешь смерть принять от щуки,
Иль от другой какой помрешь ты штуки,
Иль можешь за ничто пропасть,
Живым попавши в волчью пасть!..
Сравни ж теперь, а в выборе ты волен!—
Таким концом ты можешь быть доволен?
А мне ты попадись — тебе почет какой!
Тебя я скушаю — уж похвалюсь заране!—
Не прежде, как, обсыпанный мукой,
Ты хорошо прожаришься в сметане!»

Карасик! Что тебе лукавый «рыболов»?!
Не слушая его коварно-льстивых слов,
Себе, а не врагу, в угоду,
Нырни поглубже в воду!

1912

ОПЕКУН

Такое диво в кои веки:
Совсем на-днях сановник некий
Сиротский посетил приют.
«Великолепно! Превосходно!
Ну, прямо рай: тепло, уют...
Детишки — ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?»
«Как угодно,—
По отделеньям и повзводно...»
«Быть может, «Славься» пропоют?
Восторг! Божественно! И этому виновник?..»
Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
«За всё вам русское мерси! — изрек сановник.—
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь — столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.
Как?! — вдруг вскипел наш гость: — Молочный
суп... Жаркое...
И это... это — в пост!
Чорт знает что такое!»
«Ваш Сясь! Питание... Малютки... Хилый рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли всё больше от чахотки...
Врачи...»
«Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!

С поста не мрут,
А мрут — с обжорства!»

«Ведь этакий вандал!» —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

1912

ДОМ

> В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.
>
> (*«Новое время», № 13056, 1912*)

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: «Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою».
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,

Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было насчет нутра огласки,—
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме все с заморских образцов:
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже
— Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.
Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне, впрямь, дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил,—
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!
Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.
Как только ж удалося свесть
Ему концы с концами,
К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать, и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.
Контрактов не было, так потому хитрец
Мог проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту без дальних разговоров.

А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам —
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел.
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

1912

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Однажды в барский особняк,
В роскошные приемные палаты,
Краснея за свои лохмотья и заплаты,
Пришел за помощью бедняк.
Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
Да барин — человек, по слухам, был хороший,
И впрямь — пред гостем он размяк.
Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
Казалось бы, пустяк!
Но филантроп вскипел:
«Ах, чортов ты тюфяк!
В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
И ты, невежа, мог,
Такою будучи неряшливой скотиной,
Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
Вон, хам! И не посмей сюда являться снова!»
Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно.
Калош не снял он — верно! —
Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

1912

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

(«Деревенские частушки». «Псковская жизнь», 1911, № 557)

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное и среди тружеников промышленного дела?

(«Россия», 17 августа 1912 г.)

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
«Ну, что, брат-лапоть, как делишки?»—
С соседом речь завел сапог.
«Не говори... Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки...
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проели животишки...»
«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»
«Не, мира не порочь.
Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!»
«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»
«Ох, не шути...
Мы — хуторяне».
«Ахти!
На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»
«Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: «Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно.
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай — не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатьё.
Поверили. Изведали житьё.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало, не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья».
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору,
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка,—
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору.
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!..
Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка, нас тронь.
Мы повоюем!»

1912

ГИПНОТИЗЕР

Помещик некий, быв изрядным фантазером,
Задумал стать гипнотизером,
Добыл из города два воза нужных книг,
Засел за них, читал не две — не три недели,
Едва ль не целый год, и, наконец, достиг
Желанной цели:
Любого мужика мог усыпить он вмиг!
Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
Так стоило ему явиться средь двора,
Как бабы, мужики и даже детвора
Валились наземь и храпели.
«Вот ум! Вот голова!—
Прошла про нашего затейника молва
Среди помещиков-соседей.—
Подумать лишь, хитрец каков!
Не надо больше тумаков:
Почище найдена управа на медведей!»
(То-бишь, на мужиков.)
И в первый праздничек соседи мчат к соседу.
Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу,
И преферанс — не в преферанс!
Им гипнотический подай скорей сеанс!
Без лишней канители
Желанью общему хозяин уступил:
Емелю-конюха в два слова усыпил.
Все гости онемели!
Хозяин, между тем, из сонного Емели,
Что хочет, то творит:
«Емеля,— говорит,—

Глянь, становой в деревню мчится!»
Мужик томится:
«Ой... братцы... ой...
Разбой!»
«Постой,
Никак — ошибка!
Не разглядел я, виноват,
К нам едет думский депутат!»
У мужика — улыбка:
«Вот будет рада... попадья...
Стал депутатом... поп Илья!»
Поповским голоском запел хозяин: «Чадо,
Скажи, чего первей просить для паствы надо,
Когда в столице буду я?»
И стоном вырвалось у бедного Емельки:
«Проси... земельки!»
«А про помещиков ты, вражий сын, забыл?!»
Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.
Емеля взвыл.
Стал у Емели дыбом волос,
И, засучив по локоть рукава,
Такие наш мужик понес слова,
Что гости с перепуга
Полезли друг на друга!
Скажу я господам иным
(Здесь места нет пока угрозам):
Мужик чувствителен всегда к своим занозам.
Не прикасайтеся к его местам больным,
Хоть он и под тройным
Гипнозом!

1912

ПОРОДА

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит,—
Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.
А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело:
«Тьфу,— говорит,— уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу.
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так, порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: «Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
Ума не приложу:
За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!»
«За что? — ответил пес, скрывая в сердце злость,—
За то, что ты — мужичья кость,
И должен чтить мою высокую породу!»

Забыл Аким: «По роду и удел!»
Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье!

1912

ЗАТЕЙНИК

У Прова-богатея
Опять затея:
На новый лад задумал Пров
Доить коров,
Всех заверяет он спесиво:
Коровы больше нет худой!
Любая даст ему удой
Такой,
Что просто диво.
И вот по вечерам
И по утрам,
Ну, словом, при подое,—
У Прова деется такое,
Что молвить срам:
Велит затейник наш Тимошке
Играть в загоне на гармошке:
«Тра-рам, тра-рам, тра-рам, тра-рам!
Повеселей играй, разбойник!»—
Так Пров твердит,
Сам не сидит,
Бежит, глядит
То здесь, то там — в подойник.
«Устроим,— говорит,— дела,
Да как и не устроить?
Слыхал я: музыка коровам так мила,
Что может с них удой... утроить!»
Проходит день, и два, и три...
Пищит, пищит, пищит гармошка.
Пров злится: «Тьфу, хоть не смотри!»
С затеей явная оплошка!

День за день — некуда скрывать —
Удою стало убывать,
Сошло почти наполовину.
Так, чтобы зло на ком сорвать,
    Схватив дубину,
В досаде стал утюжить Пров...
        Коров!

    Хозяин, будь здоров!
Аль ты сегодня из пеленок?
Спроси, так объяснит тебе любой теленок:
Чем музыкой коров томить,
Их лучше б сеном накормить!

1912

ОПЕКА

Помаялся вдовцом Фома немало,
    Когда жены не стало,—
Но жил, терпел: авось, бог детям даст судьбу.
Гадал, не чувствовал: век и его короток.
Сразила хворь Фому. Лежит Фома в гробу,
Покинув на беду двух малышей-сироток.
Толкуют мужики средь голого двора:
Как быть с детьми? У них, помимо крова,
    Всего сиротского добра
        Одна корова.
«Тьфу! — кто-то вдруг ругнулся сгоряча,—
Несет нелегкая к нам Прова Кузьмича,
    Нет на него провалу!»
    Все знали Прова-богача
    За кулака и обиралу.
        Войдя во двор,
    Кузьмич заводит разговор,
Что, дескать, для души он поработать хочет,
О похоронах он немедля похлопочет;
    А что касается детей,
То их хорошему вручить бы человеку,
И сам Кузьмич готов по доброте своей
С согласья общего малюток взять в опеку.
«Что ж, братцы! Погрешил я вдосталь на веку,
Так, может, грех какой я добрым делом смою.
    Уж я сироток опеку,
    Уж я их успокою!»
Дивятся все, такой увидя оборот,—
    Стоят, разинув рот,
И, кажется, упасть готовы в ноги Прову.
Меж тем, пока очухался народ,
Наш «опекун», не видевши сирот,
Уводит со двора сиротскую корову!

1912

БЕДА

Батрак Лука,
И сна лишившись и покою,
Вконец измаялся с рукою:
Бог весть с чего горит-горьмя рука,
Вся вздулась, почернела.
«Ты что же, чортов сын, слоняешься без дела
Из-за такого пустяка?»—
Хозяин, Пров Кузьмич, кричит на батрака.
Кричит, не ведая того, что подоспела
И на него беда:
Был с вечера здоров мужик наш, как всегда,
А утром сам не может встать с постели,
Свалился на манер снопа.
Родные ошалели,
Бегут за знахаркой, зовут скорей попа.
У смертного одра сгрудилася толпа.
Бедняга Пров Кузьмич ревет, как зверь, от боли:
«Ай, помереть бы, что ли!..
Ай, братцы, силы нет!.. Ай, братцы, пропаду!..»

У Кузьмича сел чирей на заду!

1912

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга ...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно —
Водой промочит все зерно».
Приказчик мечется, хлопочет.
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
«Святители! Разор!
Чины небесные, архангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!»
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?»
«Молчи, дурак,— умнее будешь!—
Хозяин отвечал сквозь слез:—
Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим,—
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!»

Читатель, за вопрос нескромный извини:
Скажи,ты помнишь ли те дни,

Когда везде толпы народа
Гудели, как шмели
У меда:
«Свобода!»
«Свобода!»
А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, если ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалей,—
А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

1913

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
«А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?»
«Да, вот... рассказ про паука».
«Ась? — екнуло у старика: —
Паук?.. Ну, что же он, к примеру?»
«Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов».
«Ух! — захлебнулся старичок.—
Ай, божья тварь! Ай, паучок!
Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился».

1913

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняяся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю,— а может — «не случайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любы вам аль нет?»
«Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
«Согласны, что и подписуем».
«Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет? —
Пищит какой-то вьюн: — Да я ж не подписался!»
«Ты к нам откуда притесался? —
Кричат ерши,—
Не шебарши!»
«Чего — «не шебарши»? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы».
«Вы?!» — «Чем напрасно го́рячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы».
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,

Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить,—
Зря не казать своих колючек:
Колючки — это уж старо!»
«Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
«Есть».— «Без колючек все?» — «Вестимо».
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

1913

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
«Здорово!» — пропищал кларнет.
«Здорово, брат,— рожок в ответ: —
Здорово!
Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»
«Вот это ново,—
Обиделся кларнет.— Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою — быки с коровами одни
Хвостами машут!»
«То так,— сказал рожок,— нам графы не сродни.
Одначе, помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!»

1913

ХОЗЯИН И БАТРАК

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
«Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.
Смотри — ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что в пору б дух лишь перевесть.
За недосугом я, почесть,
Год в церковь не ходил и богу не молился!»
На батрака Ерема обозлился:
«Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.
Никак довесть меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.

Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:
«Год богу не молюсь!»
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!»

1913

«НАРОДНИК»

Помещик, встретясь с мужиком,
С беднягой Фокой,
«Эй, Фока,— говорит,— слывешь ты докой,—
Потолковать бы нам ладком,
Пока нет шуму.
Ведь выборы у нас почти что на носу.
В политике ж мужик, сам знаешь, как в лесу,—
Так надо разобрать, кому итти-то в Думу?
Я, например, готов... Тяжелый крест снесу...
Поклясться б за меня ты мог пред целым сходом:
Помещик наш пойдет, мол, заодно с народом.
Мы столковаться бы почти во всем могли,
Лишь стоит бредни все забыть насчет земли».
«Земли! — под ложечкой у Фоки засосало.—
Землица... что ж?.. Землица... не вредит...
Иным — в излишестве... У нас — ой-ой как мало...»
«Вот простота, о чем твердит?
Кому дано, тому дано — от бога».
А Фока стонет: «Эх, и нам бы... хоть немного...
Землицы клок...»
«Что вижу, Фока, мысль твоя совсем убога,
Как неотпаренный лубок!
Сойтись бы в главном нам, а пустяки — похерим!»
Тут Фока наш стал сразу зверем:
«Стой! От какого ты виляешь пустяка?
Ты что же, думаешь, напал на дурака?
Аль мужики от бар когда добро видали?
Аль наша память коротка?
Проваливай отсель, собачий сын, пока
Тебе бока не обломали!»

1913

МУРАВЬИ

«Рабочей армии мы светлый гимн поем!
Связавши жизнь свою с рабочим муравьем,
Оповещаем вас, друзья, усталых, потных,
Больных, калек и безработных:
В таком-то вот дупле открыли мы прием
Даяний доброхотных.
Да сбудется, что вам лишь грезилось во сне!
В порыве к истине, добру, свободе, свету,
При вашей помощи, мы по весне
Решили основать рабочую газету!»
Бог весть, кому пришло в счастливый час на ум
Такое наколоть воззванье на репейник,
Что рос при входе в муравейник.
У муравьев поднялся сразу шум,
Движенье, разговоры
И споры.
От муравья шла новость к муравью:
«Слыхал? Газетку, брат, почнем читать свою!»
И на газету, впрямь, средь говора и писка
Пошла пребойкая подписка,
А дальше — муравей, глядишь, за муравьем,
Здесь — в одиночку, там — вдвоем,
Отдавшись увлеченью,
Несут: кто перышко, кто пух, кто волосок,
Кто зернышко, кто целый колосок...
Предела нет святому рвенью!
Кипит работа. Через час
Подписка и припас
Пошли по назначенью.
Газету жадно ждут равно — старик, юнец,
От нетерпенья изнывая.

В начале мая
Газета вышла наконец.
На час забыты все заботы,
Работникам не до работы:
Кто не читает сам, те слушают чтеца.
«Так!»
«Правда!»
«Истина!»
«Смотри ж ты, как понятно!»
«Читай, миляга, внятно!»
Все живо слушают с начала до конца:
Тот крякнет, тот вздохнет, тот ахнет...
Что не осилил ум, то схвачено чутьем.
«Вот... Сла те, господи! Дождались: муравьем
Газетка пахнет!»
«Видать: орудуют свои».
«Бог помочь им! Святое дело!»
«Вот... прямо за душу задело!..»
И рядовые муравьи,
Кто как хотел и мог, в газету путь проведав,
Шлют за статьей статью —
Про жизнь про горькую свою,
Про душегубов-муравьедов.
Про то, чтоб муравьям сойтись в одну семью,
Скрепивши родственные узы.
И до того статьи, как видно, били в цель,
Что не прошло и двух недель —
Все муравейники сплотилися в союзы!
Жизнь муравьиная! С работы — ломит грудь...
А тут беда — гнездо загажено, разрыто:
То рыло по гнезду прошлося чье-нибудь,
То чье-нибудь копыто.
Но муравьям теперь не так страшна беда:
Газетка скажет, как всё сообща поправить,
Подскажет остальным товарищам — куда
Подмогу братскую направить.
Меж тем идет весна. Успело все отцвесть,
И время двигается к лету.
С газетой — чудеса: денек газета есть,
А три дня — нету.
Мурашки — ах, да ох!
Пошли меж ними слухи,

Что дело гадят мухи:
Все это — их подвох;
Что бог весть, живы все ли
В газете земляки:
Что все дупло обсели
Могильщики-жуки.
Мурашки бьют тревогу:
«Спешите, братцы, все газете на подмогу,
Чтоб отстоять ее судьбу.
Ведь польза от нее так явно всем приметна:
Жизнь будет без нее мертва и беспросветна,
Как в заколоченном гробу.
Припасы наши как ни тощи,
Покажемте пример великой нашей мощи
И, чтобы доказать, что эта мощь — не тень,
Назначим «трудовой» в году особый день,
Доход которого отчислим
Газете, коей мы живем
И пролетарски мыслим!
Когда душа горит божественным огнем,—
Пусть тучи грозные нависли!—
Пред темной силою мы шеи не согнем.
Товарищи! Да здравствует подъем!
Да будет первый день газеты нашей — *«Днем*
Рабочей вольной мысли!»
Стал муравей за муравья,
А муравьед за муравьеда.
За кем останется победа —
Вы догадаетесь, друзья!

1914

ДОБРЯК

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего средь цветника врастяжку,
Воскликнул: «Жалко мне, дружок, измятых роз,
Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?»
«Ах, — отвечал сквозь слез
Малютка голосом, исполненным страданья,—
Я третий день... без пропитанья!..
И здесь я рву...
И ем... траву!»
«Траву?» — вскричал добряк, разжалобившись пуще.—
Так обойди же дом и поищи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!»

1914

МАЙ

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
«Лука, — будил его хозяин,— а Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу... Потом ужо не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!..»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел. Глаза горят, как свечи.
«Хозяин! — вымолвил: — запомни... этот... май!..—
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь? Лучше не замай!!»

1914

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
    В ненашем государстве,
    За тридевять земель
        Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
    Случилось что-то вроде смуты.
    «Разбой! — кричали все: — Грабеж!»
    Шли всюду суды-пересуды:
    Порядки, дескать, в царстве худы,
    Насилья много от вельмож!
        Одначе,
Хоть бунтовали все, но в общей суете
        Верх брали те,
        Кто посильней да побогаче:
        «Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
        Царь нас рассудит в лучшем виде».
Но — то ли сам дошел, то ль, расхрабрясь от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута,
    Не допустил к себе послов
    Мудрейший царь Тофута:
«Нелепо,— молвил он,— мне слушать их, зане
Все, что известно им, известно также мне.
    А ежли что мне неизвестно,
О том им толковать подавно неуместно!»
Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,

Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
    Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
    «Попали мы впросак!»
        «Того ль душа хотела?»
        «Эх, не доделали мы дела!»
«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
            Потолковали,
            Погоревали
    И богачей смели, как сор.
    Жизнь сразу вышла на простор!
    Я в этом царстве жил недавно.
    И до чего живут там славно,
    На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер,
Вы этого всего нагляднейший пример
В *Коммунистическом* найдете *Манифесте*.

1917

МОЛОДНЯК

Годков тому, примерно, пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь, —
Молодняком помещик любовался,—
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острастку мужикам... на случай своеволья!»
«М-да!— Филька промычал, скосивши вбок глаза:—
М-да... розги — первый сорт...
Молоднячок... Лоза...
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли, и молодняк подрос.

17 мая 1918 г.

ТЕМНОТА

Кулак один, купив пудовую свечу,
Тем малость совесть успокоил.
А мироед другой взял да собор построил:
«Не всякому со мной равняться по плечу!»
В синодской грамоте был подвиг сей отмечен.
Был этой грамотой, бесспорно, богачу
Рай после смерти обеспечен.
«Как смерть моя придет,— велел богач жене
И всей родне,—
Не убивайтеся по мне
И не тужите.
Застраховался я от адских мук вполне.
Вы эту грамоту в персты мои вложите!»
Что ж вышло? Померли тузы в одном году
И повстречалися... в аду!
Туз первый диву дался:
«Кого я вижу? Ну, дела!
Что ж грамота твоя? Ужель не помогла?
А ты как ею величался!
Она не стоила, выходит, и гроша!»
«Ох,— молвил туз второй,— бумага хороша,
Первеющего сорта.
Был беспременно б я в раю,
Да по душу мою
Какой-то чорт прислал безграмотного чорта!
Я грамоту ему, проклятому, сую,
А он, подлец, глаза таращит
И прямо в ад меня без разговору тащит!»

Недавно случай был подобный с богачом.
Оставшись ни при чем,
То-бишь ощипанный изрядно беднотою,
Он объяснял беду — «народной темнотою».
Конечно, грамота, друзья мои, важна,
Конечно, нам она вот до чего нужна,
От прошлой темноты пора нам излечиться.
Но... чтобы правильно судить о богачах,
Тем, у кого они сидели на плечах,
Не надо грамоте учиться.

3 апреля 1919 г.

ДЕРУПОВ 1001-й

(Хроника в десяти баснях с двумя эпилогами)

Басня первая

СОН

«Мать-богородица!.. С чего бы вся причина?..
  Аль торговал ты без почина?..
Гордеич!.. Батюшка!.. Очнись!.. Христос с тобой!»
Купчиха плачется. Но в тяжком сне купчина
Ревет белугою: «Ограбили!.. Разбой!..
  У... воры... у... злодеи!..
    Вишь... грамотеи!..
      Каки
      Таки...
      Идеи?»
Гордеич, почернев, сжимает кулаки.
«Федосьюшка! — купчиха с перепугу
    Зовет прислугу,—
Воды!» Окаченный чуть не ведром воды,
    Свалился наш купец с постели:
  «Тьфу! Сны какие одолели!..
  Впрямь, не дожить бы до беды!»
  «Спаси нас, господи!» — заохала купчиха.
  «Спасешься, мать, дождавшись лиха.
  Сон, чую, не к добру.
Что снилось-то, смекай: как будто поутру
  Вхожу я это в лавку...
  Иду к прилавку...
  Приказчиков ни-ни...
  Где, думаю, они?
  Зову. Молчок. Я в кладовую.

Ну, так и есть: все сбились в круговую —
Вот угадай ты — для чего?
Картишки? Пьянство? Ох, все б это ничего.
А тут — взобравшись на бочонок,
Приказчичий журнал читает всем мальчонок
Микитка... чортов куль... сопляк,
Что из деревни нам зимой привеэ земляк.
«Товарищи,— орет подлец,— пора нам
Обресть лекарство нашим ранам!
Пора хозяйскую нам сбросить кабалу,
Губившую наш ум, калечившую тело!..
Объединяйтеся! Спасенья час приспел!..»
Ну, знамо дело,
Я дальше не стерпел.
Грудь сперло. Затряслись не то что жилы — кости!
Не разбуди меня ты во-время, от злости
Я б, верно, околел!»

О басне не суди, читатель, по заглавью.
Что было «сном», то стало «явью».
Вот только в басне нет конца:
Я после расскажу насчет судьбы купца.

1912

Басня вторая

СЪЕЗД

Сидит Гордеич туча тучей.
«Ох, тяжко,— говорит,— ох, тяжко,— говорит:—
Душа горит.
Не остудить ее ни пивом, ни шипучей.
Жена!»
«Что, батюшка?»
«Жена!
Ты мне... сочувствовать... должна аль не должна...
Перед бедою неминучей?»
«Перед какой бедой? Не смыслю, хоть убей.
Должно, мерещится с похмелья?
Вот... говорила я: не пей!
На что ты стал похож от дьявольского зелья?»
«Ну-к, что ж? Хочу — и пью. Хочу — за ворот лью.

Спросила б лучше ты, коль знать тебе охота,
С чего я пью?»
«С чего ж, Гордеич?»
«То-то!..
Ты думаешь, поди, что досадил мне кто-то.
Так знай не кто-то — свой: приказчик старший Нил.
Я как его ценил!
Смышленый, разбитной... и преданный парняга:
Добра хозяйского при нем никто не тронь,
С подручными — огонь,
С хозяином — смирняга.
Почтительный такой допрежь был паренек:
Захочет отдохнуть один-другой денек,
За месяц раньше клянчит.
А нынче чорт его, подикось, не уянчит.
Глядишь: да точно ль это Нил?
Как будто кто его, злодея, подменил!
Вечор потребовал получку.
«Зачем?»
«Как я в отлучку».
(А сам впился в меня глазами — чуть не съест!)
«Спросил бы загодя. Куда с такою спешкой?»
«В Москву я,— говорит, да с этакой усмешкой:—
В Москву... на съезд».
«Дорожка ровная: ни кочки, ни ухаба.
Садись — кати... на съезд. Скажи хоть, на какой?»
«А на такой...
Приказчичий».
Смекаешь, дура-баба?!
Все молодцы стоят кругом, и ни гу-гу.
А я уж совладать с собою не могу
(Чай, есть и у меня... вот эти, как их... нервы!)
«Так вот вы по каким пошли теперь делам!
Так вот о чем вы по углам
Шушукалися, стервы!..»
А кто всему виной? Приказчичий журнал!
Он, он, проклятый, им мозги так взбудоражил!
Да, нечего сказать, беду себе я нажил.
Нет, Нил-то, Нил каков? Да ежели б я знал!
Спасибо, милый, разуважил:
«В Москву — на съезд!..» Убил! Зарезал! Доконал!..

На съезде, дьяволы, затеют разговоры
Про наймы, договоры,
Про отдых, про еду... Найдется, что сказать!
Столкуются сынки с отцами,
Сведут концы с концами.
Там долго ль круговой порукой всех связать?
Попробуй, сладь тогда с моими молодцами!
И выйдет: у себя ты в лавке — не хитро ль? —
Сиди, как аглицкий король,
Не на манер расейский:
Законами тебя к стене-то поприпрут...
Ох, матушка, скажи: я ль был не в меру крут?
Аль чем был нехорош обычай наш житейский?
Ведь всем им, подлецам, я был родным отцом.
Ну, приходилося, обложишь там словцом,
Ино потреплешь малость,—
Так по вине: прогул аль воровство, аль шалость...
Неблагодарные!.. Как дальше с ними жить?..»

Тут наш Гордеич стал так горестно тужить,
Что самого меня взяла за сердце жалость.
Так басенку опять придется отложить.

1913

Басня третья

СИЛА

Купчиха в горницу глядит сквозь щель украдкой:
«Ох, господи!.. Войти ль!»
Гордеич возится у образов с лампадкой:
Вправляет новенький фитиль.
Решилася. Вошла. Глядит убитым взглядом.
«Что, мать? — мычит купец,— садись со мною рядом...
Гляди-ко веселей.
Про съезд приказчичий пришли какие гести!
Ну, прямо, будто кто, заместо векселей,
Наличностью поднес мне тысяч двести!
Как, значит, съехался весь этот подлый сброд,
Так с первых слов: «Мы — кто? Мы — трудовой народ...
Мы, дескать, сотворим... свободные... скрижали!»
Ан, тут им, голубкам, хвосты и поприжали!
«Мы»? Что за важность: «мы»??

«Мы — пролетарии... Мы — с точки зренья нашей...»
«Что? — тут начальство им,— так вы смущать умы?!
Городовой! гони их взашей!
Чего, мол, с ними толковать
Да драть напрасно глотку?»
Того-другого хвать!
И за решетку!
Где, мне узнать бы, Нил? Влетело ль и ему?
Аль дал, мошенник, тягу?
Сюда заявится? Ну, я ж его приму,
Бродягу!
Метлой его! Метлой, злодея, за порог!
Я нынче строг!
Я покажу, чья сила:
Всех молодцов скручу, согну в бараний рог!
У, дьяволы! Чума б вас всех скосила!»
. . . .
. . . .
. . . .
Гордеича сейчас, пожалуй, не унять.
И потому, как ни обидно,
А басне без конца придется быть опять.
Надолго ль, — будет видно.

1913

Басня четвертая

ЗАЩИТА

Приказчичий союз

Гордеич потчует в трактире Кузьмича:
«Пей,— просит, кулаком о грязный стол стуча,—
Пей, деревенский боров!..
Не ладно, говоришь? Бунтуют батраки?
Эх-ма, на мой-то норов,
Я б не жалел руки.
Ведь у тебя народ — деревня, дураки.
Не то, что вот мои: псы, нет на них пропаду!
Как был разогнан их — слыхал?— разбойный съезд,
Ну,— думал я,— теперь добьются с ними сладу.
Не выдаст бог — свинья не съест.
Затеплил с радости лампаду.

Так нет! Куда!
Планида, знать, такая:
Ушла беда,
Пришла другая.
«Ну, что теперь вы все? — зажав мальцу вихры,
Я в тот же день пристал к Микитке,—
Угомонилися? Навек? Аль до поры?
Запляшете, небось, все по хозяйской нитке!
Журналы? Вечера? Рабочие кружки?
Да балалаечки? А ну-тка балалайкой
Потешьте, милые дружки,
По божьим праздничкам хозяина с хозяйкой!..»
Жидок есть у меня в галантерее, Кац.
«Товарищи! — он взвыл.— Ответьте же...
сатрапу!»
«А, говорю, ты так?» И, что есть силы, бац
По храпу!
Да заодно еще влепил кому-то: р-раз!
Все — в крик. Кого-то там зовут по телефону.
Гляжу: каких-то два паршивца прут в лабаз:
«За самодурство, мол, тово... мы по закону».
«Закон? Здесь я — закон!
Чего суетесь? Вон!»
Зову городового:
«Бери вот этого, такого-растакого
И этого!» Так что ж?
Ну, прямо в сердце нож.
Городовой-то к ним. Они ему бумажку...
С печатями, как след... Из Думы депутат!..
Городовой сейчас и руку под фуражку:
«Не наше дело, — грит,— их право... виноват!»
Да, так-то, брат...
Не наше дело. Чье же дело?
К паршивцам этим я опять (не так уж смело!):
«Вам, собственно, чего-с?»
Как объяснили мне, так я повесил нос.
Выходит: молодцам защита от союза.
Как ежли у меня вновь... эта... кутерьма:
Обижу зря кого аль хрясну там по роже,—
Союз меня — к суду, и... штраф или тюрьма!
Кузьмич! Ведь это — что же?!
Счастливец ты: царьком кати себе домой!..»

«Ну, у меня, брат, тоже —
Не бог ты мой!» —
Кряхтит Кузьмич со злобой.
Но Кузьмича рассказ — уж в басенке особой.

1913

Басня пятая

ЗАДАТОК

Сомлевши от жары, раскисши весь от поту,
Бранясь, кряхтя и дух переводя с трудом,
Купчина вечером в субботу
Ввалился в дом.
«Гордеич! — расплылась купчиха,— с легким паром!»
«Чево?»
«Из баньки?..»
«Во!
Попарился... задаром.
Так вспарили, что ой-ой-ой,
Не надо чище.
Ты полюбуйся, с чем явился я домой?»
«Ай, батюшки! Синяк!»
«Какое — синячище!»
«Сейчас примочечку... аль приложить пятак...
Да кто ж тебя? Да как же так?»
«Ох, мать, все очень просто:
Явилось к лавке-то, примерно, этак со сто
Приказчиков чужих
И стали вызывать молодчиков моих:
«Вы, братцы,— как, бишь, там?.. — не рабская, мол, каста!
Пора вам, дескать, быть свободными людьми:
Поторговали до семи,
И — баста!»
Столпились, ироды, у самых у дверей,
Ревут, как звери:
«А ну-тка шевелись, хозяин, поскорей
Да закрывай-ка двери!
Тут, значит, я как заору:
«Что, дуй вас всех горою?
Подохну здесь, умру,
А лавки не закрою!»
Да сгоряча,

Озлобившись от всех напастей,
Как двину со всего плеча
Молодчика из тех, кто позубастей.
Шарахнулись назад все эти подлецы:
Марать им вроде б руки жалко.
А у меня в руках уж палка.
На шум сбежалися соседние купцы.
Ну, знамо, вышла свалка.
Крик, матерщина, вой...
Свистит городовой...
На рынок весь тревога...
Бунтовщики — народ, известно, молодой:
Так разошлись, что нам конец бы был худой,
Когда б от дворников не вышла нам подмога.
Приказчики само собой
Отбой.
Но перед тем, как им пуститься врассыпную,
Детина этакий, прижав меня вплотную:
«Вот,— говорит,— тебе, мил-друг, на первый раз!
Платеж потом — бери задаток!»
Да как посадит мне кулак промежду глаз,
Так я не всчувствовал ни головы, ни пяток.
«За-да-ток!..» Матушка, что ж будет, ты скажи,
Когда настанут платежи?!»

И смех с Гордеичем и горе.
Что будет — все увидим вскоре.

1914

Басня шестая

УТРО

Гордеич утром в воскресенье
Беседует с женой:
«Ну, ладно, старая, не ной!
Подумаешь: землетрясенье.
Ей-богу, дело — пустяки.
И чем лишь только я вчера был так напуган?
Ну, был избит, ну, был обруган.
Буянил кто? Озорники!
Вот невидаль! Кулак велик, да плечи узки:
Вся храбрость-то, небось, до первой же кутузки...

Ка-пи-ту-ля-ци-я... Похоже: капитал.
Был капитал, да сплыл. Все обобрала шпанка.
Все, все захвачено проклятой голытьбой.
Итти случится мимо банка,
Так не владеешь сам собой!
Где фабрика моя? Завод? Лесные склады?
Свели хозяина на ноль.
Прибрали все к рукам, всем завладели, гады.
Ввели приказчичий контроль.
Не разберешь теперь: убыток аль прибыток?
У самого себя воруй.
Дают по мелочи в неделю на прожиток.
Живи, пируй.
Не жизнь — раздолье.
У, черти, взять бы вас в дреколье!
Что, мать, с тебя возьмешь? Ты — баба, ты — глупа.
Тебе в усладу брех монаха иль попа.
Ты хоть утешишься, сходив на богомолье.
А каково, скажи ты, мне?
Куда свое я горе дену?
Молиться у Кремля ободранной стене,
Когда мне хочется башку разбить о стену?
Какой по смерти ад, коль жить пришлось в аду?
Кажинный день несет тревогу.
Подай скорей сюртук. На лекцию пойду.
Ка-пи-ту-ля-ци-я... С ума сойдешь, ей-богу!»

25 мая 1918 г.

Басня восьмая

«КОНТАКТ»

26 мая состоялась лекция члена ВЦИК Н. Суханова: «Капитуляция Ленина».

Гордеич с лекции вернулся.
Купчиха подала на стол того-сего.
Но опечаленный купец ни до чего
Рукой не прикоснулся.
«Ну, что же ты не ешь?»
«Отстань. Не до еды».

«На лекции-то был?»
«Был. Утешенья мало.
Хоша б какой-нибудь был выход из беды.
Хоша б какой-нибудь. Все, вижу я, пропало,
Весь свет сошел с ума.
Суди сама.
Вхожу я, значит, в помещенье.
М-мое почтенье!—
Обшарил глазом все концы:
Все свой народ — тузы, купцы!
Гляжу на каждого. По роже по угрюмой
Видать: пришел, как я, с одной и той же думой.
«Ка-пи-ту-ля-ци-я!» Как это понимать?
Надеяться ль на что? Аль никакой надеи?
Вернут хоть что-нибудь нам эти все злодеи
Аль с нас последние портки начнут снимать?
Сижу. В ушах звенит. В глазах рябит от света.
Вздыхаю: «Господи,чем я твой гнев навлек?»
Вот вышел этакий пред нами фитилек.
А вот, поди ж ты, член Центрального совета.
Мужчина в возрасте, а с виду неказист:
Безусый, вроде гимназист,—
В хороший магазин не взял бы и в мальчонки:
Годится, скажем так, для мелочной лавчонки.
Не то чтоб парень из заик:
Язык, как следует, подвешен.
«Я,— лепортует,— меньшевик!»
Обрадовал! Признаться, грешен,
Большевика б хотел послушать я хоть раз.
Товар мне нужен без подделок.
А этот, видно и на глаз:
Не большевик, породой мелок!
Весь ходит ходуном. Бьет кулаками в грудь.
Не разговор — какой-то танец.
Ты что же думаешь? Я понял что-нибудь?
Я, мать моя, не иностранец.
Ты речь со мной веди по-русски. Вынь — положь,
А я уж разберусь, какая в чем подкладка.
С «капитуляции» одной кидает в дрожь,
А тут, что ни словцо, то новая загадка!
«Дипломатический... оркестр»,
«Коммунистический... секвестр»,

Да «девальвация»,
Да «реставрация»,
Да... дьявол сам не разберет:
Что собственно к чему, и кто кого дерет.
«Капитуляция» — позиций, значит, сдача.
Выходит: Ленина постигла неудача.
Что сила богачей есть — «абсолютный факт»,
И Ленин с нами-де готов вступить... в «контакт»!
Скажи, пожалуйста! Мы, значит, входим в силу.
Спасибо за... «контакт». Учены на былом,
И без «контакта» нас вогнали уж в могилу,
Ну, а с «контактом» что ж? Проткнут еще колом?
Нет, брат, втирай очки какой-нибудь там дуре.
Зря перед нами стал себя ты утруждать.
Мы на своей узнали шкуре,
Чего от Ленина нам ждать.
Послушал лекцию. Спасибо.
Зря только ввел себя в расход.
Я думал, дельное расскажут мне что-либо,
А он... меньшевики никчемный, впрямь, народ,—
Нет ни силенок в них, ни смысла.
Да ты почто так, мать, раскисла?»
«Ну, что же ты не ешь?»
«Ты со своей едой!
Поели... Будет с нас... Я ль не был мастер кушать?!
«Контакт», хе-хе, огня с водой!..
А как бы все-таки мне Ленина послушать?!»

30 мая 1918 г.

Басня девятая

СЛАДКИЕ МЕЧТЫ

Корней Гордеич... Боже мой!
Давно забыл дорогу к банку.
Напялив пальтецо дырявое, зимой
На рынок саночки тащил он спозаранку.
За грошевой барыш судьбу благодаря,
До часу позднего топтался у ларя,
Но, потеряв давно купецкую осанку,
В душе, однакоже, надежды не терял,
Что беды все пройдут, как наважденье злое:

«Вернется времечко былое!»
Свои надежды он супруге поверял.
В квартире, новыми жильцами уплотненной,
Имея комнату одну,
По вечерам купец мечтою затаенной
Подбадривал себя и утешал жену:
«Слышь, не серди меня, старуха.
Пустыми вздохами наводишь только жуть.
Все знаю, вижу сам. Ну, голод, ну, разруха.
По-твоему, беда. По-моему, ничуть.
Поди, не мы одни с тобой спадаем с тела.
А ты б чего хотела?
Обилья общего? Что хошь, то выбирай?
Хоть обожрися всякой сластью?
Чтоб говорили все, что вот не жизнь, а рай
Под этой самою... антихристовой властью?
Умом ты, мать моя, всегда была слаба.
Да в этой нищете и есть вся заковычка.
Вот как натерпится вся эта голытьба
Да вспомнит наши-то, хозяйские хлеба,
Тут и проснется в ней холуйская привычка;
Сумей кормежки ей не дать, а посулить,—
К хозяевам она начнет валом валить.
Польстясь на сытый корм и на хмельное пойло,
Все клячи тощие придут в былое стойло
И, увидав хозяйский кнут,
Уже брыкаться не начнут,
А, ублажая нас усердным прилежаньем,—
Хоть досмерти их всех в упряжке загони! —
На брань и окрики хозяйские они
Ответят ласковым, любовным, робким ржаньем.
У, псы! Дождаться б лишь до этакого дня,
Так вы поржете у меня!
По рылу каждого, ха-ха, собственноручно!
Посмей лишь кто дерзнуть. Как муху... в кипяток!..
М-да... Размоталась жизнь, как шерстяной моток!..
Дел никаких... Без дела ж, ой, как скучно...
Винца не сыщешь, мать?.. Хотя б один глоток...»
Купчиха слушала, закутавшись в платок,
И что-то шамкала беззвучно.

1919

Басня десятая

НЕТ УВЕРЕННОСТИ

События неслись во весь опор,
И в баснях надолго расстался я с купчиной.
Гордеич... Лекция... «Контакт»... Прошло с тех пор
Четыре года с половиной.
И вот Гордеича теперь мы застаем
В трактире с музыкой, вином и пьяным шумом.
Купец беседует вдвоем
С Пров Кузьмичом, своим приятелем и кумом.
Кум, деревенский туз — он тоже нам знаком:
О ком — о ком,
А уж о нем пришлось писать мне сколько басен!
Да что нам говорить о давней старине,
О том, как был кулак тогда для нас опасен?
Он нынче стал для нас опаснее вдвойне.
Кулак был под конем, и вновь он на коне.
И мне о нем писать еще придется много.
Сейчас в трактире за столом
Кузьмич, беседуя с купчиной о былом,
О настоящем тож выпытывает строго.
Гордеич охает: «Ох-ох-ох-ох, Кузьмич!
Хлебнули горя... Настрадались...
Я так считаю: божий бич.
Но сжалился господь,— все ж лучших дней дождались.
Что было? Вспомнишь, жуть берет,
Боялся, веришь ли, загадывать вперед.
Прикинешь так — ан, выйдет хуже.
Прожить бы как — не то, что думать про доход.
На шее петля, что ни год,
То все затягивалась туже.
За спекуляцию пришлось сидеть раз пять.
Вот уж надеешься: с тюрьмой совсем расстался.
Ан, не успел чихнуть, как загребли опять.
Не знаю, как и жив остался,
Как не оглох и не ослеп.
Отчаялся во всем... Не жизнь была — мученье!
И вдруг, негаданно-нежданно, облегченье:
Явился этот самый *нэп*.
Сначала думалось: «Взамен оглобли — дышло,
Ан, вышло...»

«Эвона что вышло! —
Осклабился подвыпивший кулак,—
Вон на себя Москва какой наводит лак!
Опять же у тебя... опять забил подвалы...
Вновь, слышно, входишь в капиталы.
Какого ж те рожна? Теперя знай одно:
На лад былой — гони монету!»
«На лад былой, ох-хо!.. Вот то-то и оно,
Что счастье наше не полно:
Нет главного... былой уверенности нету!»

1922

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

ОЖИЛИ

Товарищ, погляди на них... хозяйским оком...
Пусть на Тверской они пасутся вечерком,
Пусть наливаются, скотинки эти, соком
И покрываются жирком,
Пусть шерстью обрастут опи! Зевать не надо,
А надо их стеречь, как мы их стережем,
Грозя кнутом, а не ножом.
А должный срок придет, и мы все это стадо
Как захотим, так обстрижем!

1922

ЛЬВИНОЕ УГОЩЕНИЕ

Басня

(Перевод с арабского)[1]

Позарившись однажды на быка,
Но с крепкими его считаяся рогами,
Лев стал хитрить и речь повел издалека:
«Дружище, мы с тобой живем как бы врагами,
Хотя в открытой мы не состоим войне,
Ягненка жирного зарезав для обеда,
Сегодня я тебя, как доброго соседа,
Прошу пожаловать ко мне!»
Хоть не влекла быка совсем мясная пища,
Пошел к соседу он, скрывая тайный страх,
Но, увидав у львиного жилища,
Как много хворосту пред ним, а на кострах
Шипят громадные какие сковородки,
Он, не пытаяся уже свой страх прикрыть
Солидной важностью медлительной походки,
Помчал назад во всю бычачью прыть.
«Др-р-руг!—рявкнул сзади лев с великим возмущеньем,—
Ты что же? Брезгаешь соседским угощеньем?!»
«Почтенный мой сосед,— бык молвил,— извини,
Но я давно уж из пеленок.
Вид сковород твоих... Готовились они,
Видать, для большего кого-то, чем ягненок!»

---

[1] Арабские басни Лукмана, изд. «Всемирная литература», стр. 65, басня «Лев и бык».

Арабской басни я дал точный перевод.
Искать не надо в ней особенной загадки.
Но если б к злобе дня я сделал в ней подход,
То я бы высмеял Ллойд-Джорджевы повадки,
Затем сказал бы я, не скрывши наших нужд,
Что и когтисты мы, не только что рогаты,
Что, не в пример быку, мы опытом богаты
И что нам всякий страх пред львиным рыком чужд:
Того не будет ввек, что в каторжных колодках
Мы приняли чужой, злой, вражеский устав,—
Чтоб Русь зажарили, на части распластав,
На генуэзских сковородках!

13 мая 1922 г.

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела над розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.
А под кустом змея лежала.
«Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя,
Счастливее гораздо, чем моя? —
Сказала так пчеле змея: —
В одной чести с тобой мне быть бы надлежало.
Людей мое пугает жало.
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,
Которым жалишь ты, и жалишь очень больно!»
«Скажу. Ты главного, я вижу, не учла —
Змее ответила пчела: —
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, я ж — только для защиты».

15 мая 1933 г.

ЕЖ

Где объявился еж, змее уж там не место.
«Вот чорт щетинистый! Вот проклятущий бес-то!
Ну, погоди ужо: долг красен платежом!»
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,
 Хорьку:
«Приятель, погляди, что припасла к зиме я:
 Какого крупного ежа!
 Вот закусить кем можно плотно!
Одначе, дружбою с тобою дорожа,
Я это лакомство дарю тебе охотно.
Попробуешь, хорек, ежиного мясца,
 Век не захочешь есть иного!»
 Хорьку заманчиво и ново
Ежа испробовать. Бьет у хорька слюнца:
 «С какого взять его конца?»
 «Бери с любого!
 Бери с любого! —
Советует змея: — с любого, голубок!
Зубами можешь ты ему вцепиться в бок
 Иль распороть ему брюшину,
Лишь не зевай!»
 Но еж свернулся уж в клубок.
 Хорь, изогнувши нервно спину,
 От хищной радости дрожа,
 Прыжком метнулся на ежа
 И напоролся... на щетину.
Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави...
Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?!»

А у хорька темно в глазах от боли,
И морда вся в крови.
«Дави сама его! — сказал змее он злобно: —
И ешь сама... без дележа.
Что до меня, то блюдо из ежа,
Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно вонзили в нас клыки,
Когда б от хищников, грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальною
Красноармейские штыки.

16 мая 1933 г.

КЛАД

У мужика,
Гаврилы-бедняка,
Открылся клад на огороде,
Не золото хотя, а что-то в этом роде.
Бедняк и рад, и горд,
Он счастьем делится с женою, Акулиной:
Открыл он глину — первый сорт!
«Ну, заторгуем же теперь мы этой глиной!
Горшок из глины из такой...
Да оторвут его покупщики с рукой!»
Деревня вся заговорила:
«Ай да Гаврила!»
А богачи к нему уже и так, и сяк,
И говорят о нем, как наилучшем друге:
«Кто говорил, что ты и лодырь, и босяк?
Ты первый человек теперь во всей округе!
Поклон нижающий супруге!
Да вы дороже нам родни!
Сказать по совести, одначе,
При вашей бедности не быть у вас удаче,
Нет, не управитесь вы с глиною одни.
Гаврила, рассуди,— они твердили дале:—
Тебе ли глина впрок?
Ты беден, как сурок, —
А мы бы с глиною при нашем капитале...
Ты лучше огород, голубчик, нам продай,
Или в аренду сдай!..
Продай, иль сдай!..
Продай, иль сдай!..»

В ушах Гаврилы зазвенело.
Гавриле под конец всех слушать надоело:

«На кой вы леший мне?.. Идите вы ко псам!—
Гаврила объявил.— В мое не суйтесь дело!
Я с глиною своей, небось, управлюсь сам!»
Не таковы, одначе, воротилы,
Чтобы отстать им от Гаврилы:
То завлекут они его силком в трактир
На пьяный пир,
То к сделке ласковым враньем его охотят,
То ночью темною, случалось, поколотят.
Гаврила по двору уж ходит с топором.
«Послушай, кончится все это не добром!
Отдай нам огород!» В отчаянной досаде
Вопит его жена: «Они ж нас изведут!
Ведь мы теперь живем, гляди, в какой осаде!
Ведь нам житья они, злодеи, не дадут!»
«Тож скажешь,— отвечал Гаврила Акулине.—
Я тож не вялая былинка при долине.
Топор на что? Дадим отпор!»
«Топор — отпор! Заладил, дятел!
Кому отпор? С ума ты спятил?
Они отнимут все — и огород, и двор!»

Чем кончился о глине спор,
Я не могу сказать. Давно все это было.
Но в памяти моей все дело это всплыло,
Встав, как живое, предо мной,
В связи с удачею советской, нефтяной:
Она завистников доводит до кошмара:
«У них,— кричат они,— ударил Лок-Батан!
Нет, мы не вынесем подобного удара!
Ведь это ж — кар-р-ра-ул! — не нефтяной фонтан,
А нефтяная Ниагара!!»
Нам при оказии при сей
Подсчетов подводить не надо нам подробных,
Чтоб точно уяснить, как много злоутробных
У нас прибавилось «друзей»,—
Мы не нуждаемся и в звуковом экране,
Чтоб слышать щелканье зубами в этом стане
И тот зловещий тра-ра-рам,
Что происходит там при чтеньи телеграмм
О нашем дивном Лок-Батане!

1935

БАСНИ ЭЗОПА

1913—1916

ГЕРМЕС

Какой-то токарь, плут известный и повеса,
Состряпав наскоро из дерева Гермеса
И притащив его на рынок продавать,
Стал покупателей умильно зазывать:
«Для лиц всех возрастов и для любого пола
Гермес — за три обола!
За три обола!
Купив его, нужды не будешь знать ни в чем,
Весь век свой проживешь в довольстве и покое!
Кто беден — станет богачом,
А кто богат — разбогатеет вдвое!»
«Ба! — кто-то из толпы, задетый за живое,
Взял насмех продавца,— чудак же ты, видать,
Что сам сбываешь с рук такую благодать!»
«Эх, — продавец в ответ, — иди ты, братец, к шуту!
Ведь то пойми: сказать Гермесу не в укор,
Он хоть отзывчив, да не скор,
А три обола мне нужны сию минуту!»

ОТВЕТ

Седая старина
Отмечена великими делами.

У зайцев как-то шла война
С орлами.
Спасаясь от когтей и клювов мощных птиц,
Герои серые в тревоге
Молили о подмоге
Лисиц.
«Помочь вам? — был ответ.— Нам это слышать лестно.
Покинув тихий наш овраг,
Охотно с вами в бой пошли бы мы совместно,
Когда б нам не было известно,
Кто — вы и кто — ваш враг».

УМ

Однажды Барс перед Лисою
Хвалился силою своею и красою:
«Уж не прогневайся, я говорю любя:
Как погляжу я на тебя,
Чем, думаю, со мной поспорить ты могла бы?
И ростом ты мала,
И силой не взяла,
И ноги слабы...
Тогда как у меня...»
«Прости свою рабу, —
Лиса ответила лукаво,—
Нашел ты с кем равняться, право!
Я за одно лишь то благодарю судьбу,
Что ты, по милости своей, со мною дружен.
Твои достоинства... Я знаю их сама!
Когда бы к ним еще немножечко ума...»
«Что? — ухмыльнулся Барс,— ум?!
Разве так он нужен?!»

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой,
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
«Ах, кум,— Лиса в ответ,—
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но... оставлял живых в покое!»

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут... и не покажут вида,
Что их касается обида!

ОСЕЛ И ЛЕВ

«Друзей мы ценим не числом,
А качеством»,— читал я где-то,
Ан, вот подите же: Лев дружбу свел с Ослом.
Ну, что вы скажете на это?
Лев! С кем? С Ослом? Да почему?
А потому!
Мне ж все подробно знать откуда?
Должно быть, царская причуда!
Льву... Все дозволено ему!
Ослов ли брать к себе на службу,
Иль заводить с ослами дружбу.
Хоть, впрочем, нет большой диковинки и в том,
Что просто Лев с тоски, чтоб отогнать зевоту,
Решил обзавестись не другом, а шутом.
Так это аль не так, мы выясним потом.

Однажды, взяв Осла с собою на охоту,
Лев дал ему работу:
Зайдя вперед, пугать зверей, чтоб ошалев,
Они неслись туда, где притаился Лев.
Осел в усердии великом
Всех всполошил ослиным криком.
Добычи вдосталь было Льву.
В час отдыха, со Львом разлегшись важно рядом,
«Что друг,— спросил Осел,— а страшно я реву?»
Окинув «друга» хитрым взглядом,
Лев отвечал:
«Беда, как страшно! Я — оглох!
Не только ты переполох
На всех зверей навел немалый,
Но в страхе жители бегут из ближних сел;
Да сам я струсил бы, пожалуй,
Когда б не знал, что ты — осел!»

ГЕРАКЛ И ПЛУТОС

Покинув бренный этот мир,
Обожествлен душой и телом,
Геракл на небе первым делом
Попал к богам на пир.
Геракла боги обступили,
С ним вместе чокались и пили,
Вели душевный разговор,
И, хоть, подвыпивши, несли порою вздор,
Геракл их слушал терпеливо,
Всем крепко руки жал и кланялся учтиво,
Ответив дерзостью Плутосу одному.
«Скажи, Гераклушка,— Зевс подошел к нему,—
За что ты богача Плутоса так обидел?»
«За то,— сказал Геракл,— что в жизни я не видел
Его друзей средь честной бедноты,
Что все Плутосовы приятели-любимцы
Сплошь негодяи-лихоимцы
И первые плуты!»

ДУБ И КЛИНЬЯ

Пав жертвой дровосека,
Вздохнул могучий Дуб на весь зеленый бор:
«Как ни обидно мне, друзья, на человека
И на его топор,
Но во сто крат больней мне видеть клинья эти,
Которые меня стремятся расколоть:
Все из моих ветвей — мои родные дети
Зубами острыми впились в родную плоть!»

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжко занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.
В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:
«Роднулечка-Овечка,
Остановись на два словечка!
Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу.
Ах, знаю, я — злодей, и нет мне оправданья!
Но злость ко мне растет пусть в ком-нибудь другом,
А ты, ты сжалишься в порыве состраданья
Над умирающим врагом!
Предсмертной жаждою томимый нестерпимо,
Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доползти к реке, текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!»
«Ужель,— Овца в ответ,— я сделаюсь виною
Того, чтоб ты остался жив,
Себя водою освежив
И закусивши после... мною?»

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
«Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой. —
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я, не боясь, скажу, что он
Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый гнев!..»
«Брось! — усмехнулся Лев,—
Все это без тебя мне хорошо известно,
Как не в секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись Медведь с Китом.
И так сдружились крепко оба,
Что, заключив союз до гроба,
Друг другу поклялися в том,
Что каждый помогать другому будет в горе,
Ну, скажем там, болезнь случится иль война...
Вот, как на грех, пришлося вскоре
Нарваться Мише на Слона.
Увидевши, что близко море,
Стал Миша друга звать скорей:
«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»
Кит в берег тычется,— увы, царю морей
Не выбраться на сушу!
Медведь Кита корит:
«Изменник! Продал душу!»
«Кому?— ответил Кит,— и в чем моя вина?
Вини мою природу!
Я помогу тебе, как только ты Слона
Швырнуть сумеешь в воду!»
«Дурак!— взревел Медведь,— не знал бы я беды,
Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

СЛЕПОЙ

Какой-то бойкий паренек
На людях в праздничный денек,
Для смеха всякие откалывая штуки,
Слепому старику волчонка сунул в руки:
«Вот, распознай-ка, что за зверь?»
«Да что ж, он мал еще... Узнай его теперь!
Одно могу сказать,— старик ответил парню,—
Что этого зверька не след пускать в овчарню!»

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг,— выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил,—
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
Богач Филон, как должно богачу
(Не скареду, я тò сказать хочу),
Устроил пышные на редкость похороны.
«О матушка, скажи, как это понимать?—
В смущеньи молвила сквозь слезы дочь вторая, —
Сестре-покойнице ужели не сестра я,
И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
Их скорбь так велика
И горе — очевидно,
Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?»
«Никак,— вздохнула мать,— ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умейте отличать
Скорбь тех, кто иль привык, иль вынужден молчать,
От диких выкриков и воплей неуемных
Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

СТИХОТВОРЕНИЯ

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ, МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресение
Мутил Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится,—
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками чорт ли сжалится...»
Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!»
Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян!..

1909

* * *

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце... Мозг — в жару...
Скорбит душа... Рука дрожащая
Невольно тянется к перу...

Все то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красы пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит ее напев рыдающий,
Гремит призывно гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руси, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права,

Сомненье точит жала острые,
Души не радует ничто.
Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то...

И, убедясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьянительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой напев — напев заученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный —
Бросаю в бешенстве перо!

1910

«МОЛЧИ!»

Порой мне кажется, что я схожу с ума,
Что разорвется грудь от непосильной муки.
Томлюсь в тоске, ломаю гневно руки,
Скорблю, но скорбь моя — нема!
Сегодня, как вчера,— одни и те же вести.
Насилий новых ряд, а всех — уже не счесть.
Врагом, ликующим в порыве дикой мести,
Все попрано — закон, свобода, совесть, честь!
Ты хочешь закричать: «Довольно же, довольно!
Остановитесь же, злодеи, палачи!»
Но кто-то горло сжал тебе и давит больно:
«Молчи!»

1911

ЛЕНА

4 апреля 1912 года.
Ленский расстрел рабочих.

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

1912

И ТАМ И ТУТ...

«Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца».

(Из речи Литвинова-Фалинского)

«Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации».

(Из газет)

На фабрике — отрава,
На улице — расправа.
И там свинец и тут свинец...
Один конец!

1914

1917—1920

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно немой,
И не под скрипок стон чарующе напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

1917

ПРИТОН

Дошел до станового слух:
В селе Голодном — вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот — с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,
Что отличиться — случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.
«Ах, чорт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!»
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
Меж тем, очнувшися от бойни, мужики
На тайном сходе у реки
Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать,— узнать, в каком законе
Дозволено все то, что ноне
Лихие вороги творят над мужиком?—
Уехал наш ходок и через две недели
Привозит весть.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:
— «Был в Думе?»—«Был».
«Ну, что?»
«Да то:

Судились овцы с волком...»
«Эй, не томи!.. Скорее толком
Все говори,— кричит Егор,—
Нашел на извергов управу?»
«Не торопись ты... Больно скор...
Мы казнены и впрямь совсем не за потраву.
Шел в Думе крепкий спор
Про наше — слышали? — про наше изуверство!
Но всех лютей чернил нас некий старичок...
По виду так... сморчок...
А вот — поди ж, ответ держал за министерство:
«Потравы не было. Да дело не в траве:
У мужика всегда потрава в голове».
Так, дескать, господа нас малость постращали,
Чтоб мы-де знали:
Крепка еще на нас узда!
А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...
Что, дескать, было так и будет повсегда!»
«Ай, горе наше! Ай, беда!
Ни совести в тебе, скотина, ни стыда!» —
Тут с кулаками все к Афоне:
«Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?
Ведь ты же был никак, балда,
В разбойничьем притоне!»

1912

Святая истина была в словах толпы
Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.
А с мужиком у них была какая спайка?
Крест да нагайка!

1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И местью, реющей вдали,
Молю, сестра, своею верой
Нас подними и исцели!

1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой тревожный и грозный:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружью, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда и свободы*,
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

1918

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам я еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают внизу,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилья,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину изобилья*
Войти семьею трудовой!

Март 1918 г.

«ПРАВДЕ»

Броженье юных сил, надежд моих весна,
    Успехи первые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя досель была красна,
    Соединялося с тобою.
Не раз теснила нас враждебная орда
    И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
    У нас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
    И закалив навек свой дух в борьбе суровой,
В тягчайшие часы мы верим: мы стоим
    Пред новою борьбой и пред победой новой!
Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
    Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
    Ты выйдешь из борьбы — великой и свободной!

17 марта 1918 г.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ КЛЯТВЫ

Памяти жертв Ленского расстрела

Мы дрогнули в те дни от страшной вести.
В один порыв сердца у всех слились.
Мы плакали, готовясь к часу мести,
И мы клялись.

Наш лютый враг, свершивший злой посев,
Заслуженной дождался ныне жатвы.
Товарищи, да будет свят наш гнев.
Идет борьба. Не забывайте клятвы!

17 апреля 1918 г.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.
Но в тяжкий час, сомкнув свои отряды
И к небесам взметнув наш алый флаг,
Мы верим все, что за кольцом осады
Другим кольцом охвачен злобный враг,—
Что братская к нам скоро рать пробьется,
Что близится приход великих дней,
Тех дней, когда в тылу врага сольется
В сплошной огонь кольцо иных огней.
Товарищи! В возвышенных надеждах,
Кто духом пал, отрады не найдет.
Позор тому, кто в траурных одеждах
Сегодня к нам на праздник наш придет.
Товарищи, в день славного кануна
Пусть прогремит наш лозунг боевой:
— Да здравствует всемирная коммуна!
— Да здравствует наш праздник трудовой!

1 мая 1918 г.

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я все иду,
Я все иду,—
По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь...
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой, ты медь, ты медь певучая, гуди,
Гуди, гуди.
Всю Расеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сорок сороков,
Да сороков,—
Как я крикну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Встань за вольную отчизну головой,
Встань головой!
Лютый ворог стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть — не быть нам, братцы, в кабале,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры.

Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
А чтоб вышли ваши косы все остры,
Да все остры,—
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,
И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.
То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха!
Гей, ты Русь, ты Русь родная, вольный край,
Наш вольный край,
Боевую свою силушку сбирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду,
Иду, иду!..
Гей-ей!!.

1918

БАТРАЦКАЯ

Песня

У окошечка сижу
Да в окошечко гляжу.
Эх-ма!

Три деревни, два села...
Ну ж, ребятушки, дела!
Эх-ма!

Из деревни от отца
Поджидаю письмеца.
Эх-ма!

Как письмо я получу;
Сундучок заколочу.
Эх-ма!

По дорожке по прямой
Едет молодец домой.
Эх-ма!

Поклонюся я родне,
И сохе, и бороне.
Эх-ма!

И сохе, и бороне,
Всей родимой стороне.
Эх-ма!

Окружит меня родня,
Будет спрашивать меня.
Эх-ма!

Поведу с родней я речь,
Как нам волю уберечь.
Эх-ма!

Где налечь и где нажать,
Чтоб земельку удержать.
Эх-ма!

Чтоб не взгрел нас барский бич,
Кликну я по селам клич.
Эх-ма!

Кликну клич средь мужиков:
— Все в ряды большевиков!
Эх-ма!

Все — в ряды большевиков!
Собирай всех батраков!
Эх-ма!

Собирай всех батраков!
Напирай на кулаков!
Эх-ма!

1918

КЛЯТВА

Это будет последний
И решительный бой...
(Из «Интернационала»)

Шли за попом, как за пророком,
Молили жалобно царя.
Незабываемым уроком
Стал день девятый января.

Оплакав братские могилы,
Прокляв навек слова мольбы,
Мы накопляли долго силы
Для сокрушительной борьбы.

День расправы кровавой,
Мы клялися тобой
Завершить твое дело
Всенародной борьбой!

Терзал нам грудь орел двуглавый.
Палач казнил нас без суда.
И шли не раз мы в бой кровавый
Под красным знаменем Труда.

Врагов настигла злая кара.
И после многих страшных встреч
Для беспощадного удара
Мы поднимаем грозный меч.

День расправы кровавой,
Мы клянемся тобой:
Это будет последний
И решительный бой!

1918

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой,
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Свияжск.
1918

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Боевая песня

Глухая ночь — не навсегда,
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы некрушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом.
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть:
Нам наша *красная звезда*
Указывает путь!

1918

«ДО ЭТОГО МЕСТА!»

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибилися старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»
«Здорово, прохожий!»
Вкруг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».
«Видать, что измаялся ты».
«Куда я пришел?»
«В Пугачевку».

«А тут?»
«Комитет Бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на-днях живоглотам
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздохнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

6 ноября 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ГАВРИИЛИАДА»

Друзья мои, открыто говорю,
Без хитростных раздумий и сомнений:
Да, Пушкин — *наш!* Наш добрый, светлый гений!
И я ль его минувшим укорю?
Он не стоял еще... за «власть Советов»,
Но... к ней прошел он некую ступень.
В его лучах лучи других поэтов —
Случайная и трепетная тень.
Ему чужда минувшей жизни мерзость,
Он подходил с насмешкой к алтарю:
Чтоб нанести царю земному дерзость,
Он дерзко мстил небесному царю.
Он говорил: «Тиран несправедливый,
Библейский бог, угрюмый и строптивый!»
А у Невы, средь Зимнего дворца,
Набитого охраною гвардейской,
Бродил другой тиран с душой злодейской,
Земной портрет небесного творца,
И не одну он возлюбил Марию,—
И в час, когда он в свой гарем входил,
Попы в церквах свершали литургию,
И дым синел над тысячью кадил.
«Благослови, господь, царево дело!
Пошли успех его святым трудам!»
И сколько их, таких царей, сидело
По деревням, по селам, городам!
Им долгий день казался сладким мигом,
В хмельном чаду летел за годом год.
Под их ярмом, под их жестоким игом,
Стонал народ, рабы своих господ!

Друзья, для нас пришла пора иная:
Мы свергли всех земных своих богов.
Клянитесь же, что больше Русь родная
Не попадет под гнет ее врагов!
Пусть будет свят для вас завет пророка,
Рукой врагов сраженного до срока,
И пусть его разбитой лиры глас
Ободрит вас в тревоги жуткий час!
Меня ж, друзья, прошу, не обессудьте
И, отдохнув за пушкинским стихом,
Таким простым и мудрым, позабудьте
О «предисловии» плохом.

Ноябрь 1918 г.

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи, прости!
Как давно все было! —
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
«К господам на елку».

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
«Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикроешь сраму!»

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
«Ну, и девка же: огонь! —
Тетушка вздохнула: —

Все гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак идет «*сама*»!»
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла,—
К матери с вопросом:

«Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?»
В спину мать меня пинком:
«Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:
«В кухне — мужичонок!»
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

«Позовем его за стол!»
«Что ты, что ты, Пепка!»
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившися домой,
Задал реву сразу.
«Дем, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу».

Кто-то тут успел принесть
Пряник и игрушку:
«Это пряник. Можно есть».
«На, бери хлопушку».

«Вот — растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!»
В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальца глядят как: во!
Словно из зверинца!»

Груня шепчет: «Дем, а Дем!
Напечем-наварим.
Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!»

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.
Незабвенная пора,
Золотое детство!

Декабрь 1918 г.

ДИВО-ДИВНОЕ

Ну, вот:
Жил-был мужик Федот —
«Пустой Живот».
Недаром прозвищем таким он прозывался.
Как черный вол, весь век
Трудился человек,
А все, как голым был, так голым оставался.
Ни на себе, ни на жене!
Нет к счастью, хоть ты что, для мужика подходу.
Нужда крепчала год от году
И, наконец, совсем Федотушку к стене
Прижала так,— хоть с моста в воду.
Ну, хоть живым ложися в гроб!
«Весна-то... Ведрышко!.. И этаку погоду
Да прогулять?! — стонал несчастный хлебороб,
Руками стиснув жаркий лоб. —
Святитель Миколай! Мать пресвятая дева,
Избави от лихой беды!»
У мужика зерна не то что для посева,
Но горсти не было давно уж для еды.
Затосковал Федот. Здоровье стало хуже.
Но явно тая с каждым днем,
Мужик, стянув живот ремнем
Потуже,
Решил говеть. Пока говел —
Не ел,
И отговевши,
Сидел не евши.
«Ох-ти, беда? Ох-ти, беда! —
Кряхтел Федот: — Как быть? И жить-то неохота!»

А через день-другой и след простыл Федота:
Ушел неведомо куда!
Федотиха, в слезах от горя и стыда,
Сама себя кляла и всячески ругала,
Что, дескать, мужа проморгала.
А муж,
Сумев уйти тайком от бабы,
Не разбирая вешних луж,
Чрез ямы, рытвины, ухабы,
По пахоти, по целине
Шагал к неведомой стране, —
Ну, если не к стране, то, скажем, так куда-то,
Где люди, мол, живут и сыто, и богато,
Где все, чего ни спросишь, есть,
Где мужику дадут... поесть!
Худой да легкий с голодовки,
Федот шагал без остановки,
Порой почти бежал бегом,
А как опомнился уж к ночи,
Стал протирать в испуге очи:
Дождь, ветер, а кругом... дремучий лес кругом.
Искать — туда, сюда... Ни признака дороги.
От устали Федот едва волочит ноги;
Уж мысль была присесть на первый же пенек,—
Ан только в поисках пенька он кинул взглядом,
Ни дать, ни взять — избушка рядом,
В окне маячит огонек.
Кой-как нащупав дверь, обитую рогожей,
Федот вошел в избу.
«Здорово, землячок! —
Федота встретил так хозяин-старичок.—
Присядь. Устал, поди, пригожий?
Чай, издалека держишь путь?»
«Из Голодаевки».
«Деревня мне знакома.
Рад гостю. Раздевайсь!»
«Мне малость бы соснуть».
«Располагайся, брат, как дома.
А только что я спать не евши не ложусь.
Ты как на этот счет?»
«Я... что ж?.. Не откажусь!..»
«Добро. Мой руки-та. Водица у окошка».

«Ну,— думает Федот,— хороший хлебосол:
Зовет за стол,
А на столе, гляди, хотя бы хлеба крошка!»
«Умылся? — между тем хлопочет старичок.—
Теперь садись да знай: молчок!»
А сам залопотал: «А ну-тка, Диво, Диво!
Входи в избушку живо.
Секися да рубися,
В горшок само ложися,
Упарься,
Прижарься,
Взрумянься на огне
И подавайся мне!»
В избу, гагакнувши за дверью,
Вбежало Диво — гусь по перью.
Вздул огонечек гусь в золе,
Сам кипятком себя ошпарил,
В огне, как следует, поджарил
И очутился на столе.
«Ешь! — говорит старик Федоту, —
Люблю попотчевать гостей.
Ешь, наедайся, брат, в охоту, —
Но только, чур, не трожь костей!»
Упрашивать себя мужик наш не заставил:
Съел гуся начисто, лишь косточки оставил.
Встал, отдуваяся:
«Фу-фу! Век так не едал!»
А дед опять залопотал:
«Ну, кости, кости, собирайтесь
И убирайтесь!»
Глядь, уж и нет костей: как был, и жив и цел,
Гусь со стола слетел.
«Эх! — крякнул тут Федот, увидя штуку эту: —
Цены такому гусю нету!»
«Не покупал, — сказал старик, — не продаю:
Хорошим людям так даю.
Коль Диво нравится, бери себе на счастье!»
«Да батюшка ж ты мой! Да благодетель мой!»
На радостях, забыв про ночь и про ненастье,
Федот с подарком под полой,
Что было ног, помчал домой.
Примчал.

«Ну, что, жена? Здорова?»
И, молвить ей не давши слова,
За стол скорее усадил,
Мясцом гусиным угостил
И Диво жить заставил снова.
Вся охмелевши от мясного,
«Ахти!» — раскрыла баба рот,
Глядит, глазам своим не веря.
Смеется радостно Федот:
«Не голодать уж нам теперя!»

Поживши на мясном денька примерно два,
И телом и душой Федот совсем воспрянул.
Вот в лес на третий день ушел он по дрова.
А следом поп во двор к Федотихе нагрянул:
«Слыхали!.. Как же!.. Да!.. Пошла везде молва
Про ваше Диво.
Из-за него-де нерадиво
Блюсти ты стала с мужем пост.
Как?! Я... отец ваш... я... молюсь о вас, пекуся,
А вы — скоромиться?!» Тут, увидавши гуся,
Поп цап его за хвост!
Ан руки-то к хвосту и приросли у бати.
«Постой, отец! Постой!
Ведь гусь-то не простой!»
Помещик, глядь, бежит соседний, сам не свой:
«Вцепился в гуся ты некстати:
Хоть у деревни справься всей, —
Гусь этот — из моих гусей!»
«Сей гусь?!»
«Вот — сей!!»
«Врешь! По какому это праву?»
Дав сгоряча тут волю нраву,
Помещик наш отца Варнаву
За бороденку — хвать!
Ан рук уже не оторвать.
«Иван Перфильич! Вы — забавник!»
Где ни возьмися, сам исправник:
«Тут дело ясное вполне:
Принадлежит сей гусь казне!»
«Гусями вы еще не брали!..»
«В казну!»

«В казну! Кому б вы врали
Другому, только бы не мне!»
Исправник взвыл:
«Нахал! Вы — грубы!
Я — дворянин, прошу понять!»
И кулаком нахала в зубы.
Ан кулака уж не отнять,
Кричал помещик, поп, исправник — все охрипли,
На крик охотников других несло, несло...
И все один к другому липли.
Гагакал дивный гусь, а жадных душ число
Росло, росло, росло...
Огромный хвост людей за Дивом
Тянулся по горам, пескам, лесам и нивам.
Весна испортилась, ударил вновь мороз,
А страшный хвост у дивной птицы
Все рос да рос.
И, бают, вот уж он почти что у столицы.
Событья, стало быть, какие у дверей!
Подумать,— обольешься потом.
Чем все б ни кончилось, но только бы скорей!
Федот!! Ну, где Федот?.. Все дело за Федотом!!

1914

Конец был сказки очень прост.
Самою жизнью нам досказан он правдиво:
Федот, вернувшися и вызволяя Диво,
Как зверь, набросился на мироедский хвост,
Хоть жадной сволочи порядочно влетело,
Но как окончится все дело,
Покамест трудно угадать.
Вся свора злобная еще весьма ретива.
Держись, Федотушка! Без Дива
Тебе равно ведь пропадать!
Федотушка, держись! Не заражайся страхом
Ни пред хлыстом, ни пред крестом!
Знай: все, чем жизнь твоя красна, пойдет все прахом,
Коль не расправишься ты начисто с хвостом.

1918

КОММУНАРЫ

Ни достатка, ни порядка;
Ходит сам не свой Касьян:
У Касьяна есть лошадка,
Нету плуга и семян.

У Емели дует в щели.
С горя, бедный, будто пьян:
Плуг есть старый у Емели,
Нет лошадки и семян.

Злая грусть берет Нефеда,
Дед клянет весь белый свет:
Семена нашлись у деда,
Нет лошадки, плуга нет.

Повстречал Касьян Нефеда,
Подошел к ним Емельян.
Слово за слово — беседа
Завязалась у крестьян.

«Ох-ти, брат, не жизнь, а горе».
«Я вот стал совсем моща».
Все на том сошлися вскоре:
С горем биться сообща.

Что у всех имелось втуне,
То теперь слилось в одно:
Есть коммуна, а в коммуне —
Плуг, лошадка и зерно.

Дед с Касьяном поле пашет, —
С ними спаянный трудом
Молотком Емеля машет,
Подновляя общий дом.

Труд не в труд, одна утеха,
Стал милее белый свет.
«Братцы, счастья и успеха!
Коммунарам мой привет!»

1919

НА ЗАЩИТУ КРАСНОГО ПИТЕРА

Красным бойцам

Наш тяжкий путь окрашен кровью,
Но колебаньям места нет.
Врага кичливому злословью,
Бойцы, дадим один ответ:
Докажем, всей ударив силой,
Что рано радуется гад,
Что будет черною могилой
Ему наш Красный Петроград!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

Скажу ль вам, героям:
Мы силы утроим?
Нет чисел, нет меры такой,
Чтоб вашу отвагу измерить, исчислить.
Кто может помыслить,
Кто смеет помыслить —
Схватить вас за горло рукой?
Безумец какой?

Вся барская свора,
Вся челядь — опора
Своих благодетелей, бар —
На вас наступает в неистовстве яром.

Бойцы Петрограда, вы встали недаром:
Врагу вы ответите мощным ударом.
Удар — на удар!

И снова и снова
За Питером слово:
Он первый к победе укажет нам путь.
Разбив своим молотом барскую шпагу,
Ему суждено боевую отвагу
В полки, утомленные боем, вдохнуть.

В тяжелую пору,
Готовясь к отпору
Врагам, угрожающим ей,
Москва вслед за Питером, твердым и смелым,
По вражеским ордам, и черным и белым,
Ударит всей мощью своей!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

1919

МАНИФЕСТ ЮДЕНИЧА

ТОЖЕ КАНДИДАТ В ЦАРИ

Белогвардейский штаб
Генерал Юденич и пленный красноармеец

Ты петроградец? Ярославец?
Аль из других каких ты мест?
Ступай, и в Питере, мерзавец,
Всем объяви мой манифест:
Моя-де милость всем едина
И кара тоже... по вине.
Ты что?! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Я на коне на белом еду,
Я еду-еду, не свищу,
Над вами одержав победу,
Я шкуру с вас со всех спущу!
Права штафирки-гражданина
Вам пропишу я на спине.
Мол-чать! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Я — офицер былой закалки,
Я службу нес при трех царях,
И не привык без доброй палки
Я речь вести о бунтарях.
Чтя свято волю господина,
Раб, подчиняйся ей вполне!
Да, да! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

«Хамья, — сказал я так в приказе: —
Не образумить без плетей».
Недаром мною на Кавказе
Пугают матери детей.
Я был грозой для осетина,
И кровь пустил я всей чечне,
Я... Стой навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Держал в ежовых рукавицах
Я всех солдат. Расчет простой:
Я был для них один в трех лицах—
И бог, и сын, и дух святой.
Без палки — что за дисциплина?
И особливо на войне.
Ну, ну! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Муштруя старою муштровкой
Белогвардейских дураков,
Держу по суткам под винтовкой
Нерасторопных мужиков,
Порю... На это есть причина:
Льнут, стервы, к красной стороне,
А ты... Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

На Петроград своих болванов
Теперь я двигаю не зря:
Трон, где сидел дурак Романов,
Получит умного царя,
Хотя б меня, — не все ль едино?
Лишь только б жить по старине.
Держись навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Без черной масти нет колоды,
И масти нет без короля.
Я покажу вам, чьи — заводы!
Я покажу вам, чья — земля!
Клянуся честью дворянина,
Я дам вам землю... на луне!

Хе-хе! Навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

Склонись же в скорби покаянной,
Мой верноподданный народ!
С белогвардейской ратью пьяной
Стоит Юденич у ворот.
Любуйся: это ль не картина?
Твой самодержец — на коне!
Стой, стой навытяжку, скотина!
Не смей дышать, подлец, при мне!

1919

ТАНЬКА-ВАНЬКА

Фронтовая песня

Красноармейцы петроградского фронта называют танки — «таньками».

Танька козырем ходила,
Пыль по улице мела,
Страх на Ваньку наводила,
Форсовитая была!
  «Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
  Подступиться — думать брось!
  Расхрабрился как-то Ванька,—
  Танька, глядь, копыта врозь!

Уж как Ванька размолодчик,
Он прицел берет на глаз.
Нынче красный он наводчик
В артиллерии у нас.
  «Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
  «Эх ты, дуй ее наскрозь!»
  Как пальнет по таньке Ванька,—
  Танька, глядь, колеса врозь!

В Красной Армии воякой
Ванька стал за первый сорт.
В переделке был он всякой,
И в бою Ванюха — чорт.
  «Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
  «Эх ты, дуй ее наскрозь!»
  Как пальнет по таньке Ванька,—
  Танька, глядь, колеса врозь!

Ежли кто при виде таньки
Вдруг начнет ошалевать,
Ванька лается: «Без няньки
Не привыкли воевать?!»
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну, так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..» — Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Вишь от таньки как подрали
Все под Детским-то Селом.
Мы ж руками танек брали
Под Одессой и Орлом.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..» — Как ухнет Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

«Таньке ходу нет в болоте.
Не пойдет она в снегу.
С пушкой подступы к пехоте
Не один я стерегу».
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Где она? Собьем, небось!..»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

«Пусть лишь танька подвернется,
Угощу я калачом.
Танька к белым не вернется,
Не вернется нипочем».
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Не уйдет от нас, небось!»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

И у нас теперь умело
Стали танек снаряжать.
Да не в таньках, братцы, дело:
Трус всегда охоч бежать.

«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ну, так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!» — Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Шкурник вечно в злой тревоге,
Смотрит в страшные очки.
Все телеги на дороге
Для него — броневички.
«Ванька! танька прет с разбега!
Защищаться — думать брось!»
«Да ведь это же телега,
Пронесло б тебя наскрозь!»

Жалкий трус от бабьей палки
Убежит наверняка.
Но бойцы стальной закалки
Посильней броневика.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Лезет, стерва, на авось!»
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька тож не без осечек,
Таньке люб не всякий грунт —
И завзятый человечек
Подорвет ее в секунт.
«Ванька, глянь-ка: танька, танька!..»
«Ладно. Справимся, небось».
Как пальнет, по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька — ценный приз для смелых,
Трусу — пугало она.
Стоит таньку взять у белых —
Белым сразу грош цена.
Взвоют белые ребятки,—
Тут их малость поднажать,
Засверкают только пятки,
Как начнут они бежать.

На карачках за машиной
Лезет белая орда.
Таньку сбей,— толпой мышиной
Все помчат нивесть куда:
    Унести лишь ноги рады.
    Красный, знай-ка, напирай,
    Таньки, пушки и снаряды —
    Всё у белых забирай!

Хоть не в таньках, братцы, дело
(Надо смелость уважать!),
Но и мы теперь умело
Стали таньки снаряжать.
    Ванька — эвон! — через ниву
    Прет на таньке, молодец,
    Дует белых в хвост и в гриву!
    Тут и песенке конец!

1919

ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

Монолог из неоконченной драмы[1]

Родриго, ты — дурак,
Да и хвастун к тому же.
Ну, не сердися, друже.
А дело было так,
Как нам казалося тогда: не надо хуже.
Ребята, что же вы, как будто нынче пост?
Эй, Педро, крикни там, чтоб музыка играла.
Вина! Вина! И первый тост —
За адмирала!
В широкой шляпе и в плаще
Он, как литой, стоял, пронзая даль очами:
Днем — берегов искал и ждал огней — ночами.
Искал и ждал... Вотще!
Как чайки белые, неслись три каравеллы.
На них томились мы, матросы-удальцы,
Ватага буйная, тюремные жильцы
Ее величества, добрейшей Изабеллы.
Томились мы не день, не два, не три...
Ни признака земли не видя три недели,
Мы все глаза уж проглядели.
Пустыня водная, куда ни посмотри!
Родриго!.. Не ведет и ухом.
Во лжи упорствовать ты будешь до седин.
Все, все, отважные, тогда мы пали духом,
Не ты один!

[1] Открытие Нового Света Христофором Колумбом (12 окт. 1492 г.) сопровождалось большими трудностями и даже бунтом отчаявшихся в успехе матросов. Однако после один матрос оспаривал лавры Колумба, утверждая, что землю первый увидал он, а не Колумб.

Зато крикливее нас всех ты был, Родриго:
«Пускай на родине нас ждет любое иго, —
Всё лучше, чем самим спешить до срока в ад.
  Товарищи, Колумб нас, глупых, всех морочит, —
Погибель верную себе и нам он прочит.
Пора, товарищи, нам курс держать назад!»
  Но, как литой, стоял, не отходя от румба,
Вонзая очи в даль, великий адмирал.
  Ребята, выпьем за Колумба!
Он правду говорил. А ты, Родриго, врал.
И, ободряя нас умышленным обманом,
Пространством пройденным урезывая счет,
Он нас уверенно вел к заповедным странам.
Кто смеет у него оспаривать почет?
  Мы, духом падая, роптали,—
И — в этом совесть чья чиста? —
  Родриго, и мои уста
Колумбу злобные проклятия шептали.
Меж тем всё шли да шли томительные дни,
Мы бредили землей и страх свой унимали:
То ночью видели какие-то огни,
То утром облака за землю принимали.
Разочарованным, снедаемым тоской,
Какою был для нас отрадою великой
Нежданный вид среди безбрежности морской,
  Вид ветки с ягодою дикой!
Какое шумное мы подняли вытье,
Какое всех тогда объяло нас веселье,
Когда мы на волнах увидели копье,
  Рук человеческих изделье!
  Как стало нам тогда легко!
И хоть порой еще нас и брало сомненье,
Колумб нас ободрял: «Друзья мои, терпенье!
Предвестья — налицо. Земля недалеко!»
  Ту ночь ты помнишь ли, Франциско?
И как ее забыть? Она у нас одна.
  Над синей гладью низко-низко
  Стояла красная луна.
Шла «Пинта» впереди. «Санта-Мария» с «Ниной»
За нею рядом. Всех попутный ветер гнал.
Вдруг — пушка рявкнула над водною равниной.
Родриго, это ты нам с «Пинты» дал сигнал.

Все, затаивши дух, впилися в даль глазами.
И с корабля до корабля
Кричали всеми голосами:
  «Земля!..» — «Земля!!.»
Пьяня себя чужой и неразумной лестью,
Родриго хвалится теперь завидной честью:
Он берег увидал и первый подал знак.
    Родриго, ты — дурак!
Ты ль споришь первенством с великим Христофором?
Слепым щенком лежал в корзине ты, скуля,
Когда уж пред его духовным, ясным взором
Цвела заветная земля!
Мать у тебя еще под носом вытирала
И замывала твой торчавший сзади хвост,
Когда для нашего седого адмирала
О новых берегах попутный пел норд-ост!
  Эй, крикни музыке, чтоб веселей играла!
Подбавь еще вина! Друзья, поднимем тост
  За адмирала!!

1 мая 1919 г.

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вкруг вероломного Гапона
Хоругвеносная толпа.
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,
С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стон обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услыхал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали, —
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть помянут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

1920

РАБОЧИЙ ПРИВЕТ

По поводу 50-летия Владимира Ильича Ленина

Еще не улеглись порывы урагана,
Еще корабль дрожал, встречая грозный вал,
Но, повинуяся искусству капитана,
Ходил уверенно в его руках штурвал [1].
Шум бури заглушив потоком слов хвалебных
И окружив толпой восторженной того,
Чей гений вел корабль среди стихий враждебных,
Усталый экипаж приветствовал его.
Матросов обведя спокойными глазами,
На их приветствие ответил капитан:
«Меня хваля, себя тем хвалите вы сами.
Но... где ж испытанный товарищ наш, Хуан?»
«Х-хе! — кто-то отвечал с насмешкою задорной: —
Хуан приветствовать тебя придет... в порту.
Сейчас он молотом внизу стучит упорно,
Чиня пробоину в борту!»
И молвил капитан: «Скажите же Хуану:
Штурвала выпустить я не могу из рук.
Пусть громче бьет Хуан, — его я слушать стану:
Приветствий слаще всех мне будет этот стук!»

Друзья, приветствуя родного «Ильича»,
Ответной похвалы лишь будет тот достоин,
Кто, тяжким молотом (не языком!) стуча,
Спасает наш корабль от тысячи пробоин.

22 апреля 1920 г.

---

[1] Штурвал — рулевое колесо.

ЦАРСКИЙ СОН

Чертогов царских анфилады...
Покои дальние в дворце...
Мерцанье робкое лампады...
Иконок тусклые оклады...
Молитвенник на поставце,
С закладкой синею страница, —
Над ней — склоненная царица
В ночном халате и чепце...
С супругой благоверной рядом,
Уставясь в угол мутным взглядом,
Зевая, крестит лоб, живот
Самодержавный идиот.
Ханжи творят свои обряды
Пред тем, как лечь на ложе нег.
А там, на площади — отряды...
В крови чугунные ограды...
В зловещих пятнах смятый снег...

Дворец охраной отгорожен
От воплей буйной нищеты.
Но странно-жуток и тревожен
Сон коронованной четы.
Всю ночь ей снится: в день ненастный
Под дальних воплей гневный хор
Ей чей-то голос грозный, властный
Выносит смертный приговор!

1920

ЛАТЫШСКИЕ КРАСНЫЕ БОЙЦЫ

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, каким он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл.

Скажи: «барон»! И, словно бешеный,
Латыш дерется, все круша.
Чай, не один барон повешенный
Свидетель мести латыша.

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

Где в бой вступает лат-дивизия,
Там белых давят, как мышей.
«Готовься ж, врангельская физия,
К удару красных латышей!»

Южфронт, 1920 г.

ТРУД

Связь потеряв с обычной обстановкой,
Отдавшись весь работе фронтовой,
Ищу я слов, рифмующих с «винтовкой»,
Звучащих в лад с командой боевой.
Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оно горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упованье в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

3 октября 1920 г.

МАНИФЕСТ
БАРОНА ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихь фанге ан [1]. Я нашинаю.
Эс ист [2] для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер [3] манифест.
  Вам мой фамилий всем известный:
  Ихь бин [4] фон-Врангель, герр барон.
  Я самый лючший, самый шестный
  Есть кандидат на царский трон.
Послюшай, красные зольдатен: [5]
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой — все демократен,
А не какой-нибудь звиня.
  Часы с поломанной пружина —
  Есть власть советский такова.
  Какой рабочий от машина
  Имеет умный голова?
Какой мужик, разлючный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!
  Мит клейнем [6], глюпеньким умишком
  Всех зогенаннтен [7] простофиль
  Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
  Ихь шпрехе [8]: пфуй, дас ист цу филь! [9]
Без благородного сословий
Историй русский — круглый нуль.
Шлехьт! [10] Не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обмануль!

Ви должен верить мне, барону.
Мой слово — твердый есть скала.
Мейн копф [11] ждет царскую корону,
Двухглавый адлер [12] — мой орла.
Святая Русслянд [13]... гейлих эрде [14]...
Зи лигт им штербен [15], мой земля.
Я с белый конь... фом вейсен пферде [16]...
Сойду цум альтен [17] стен Кремля.
И я скажу всему канальству:
«Мейн фольк [18] не надо грабежи!
Слюжите старому начальству,
Вложите в ножницы ножи!»
Вам будут слезы ошень литься:
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен [19] будете молиться
За мейне руссише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут![20]
«Подписал собственноручно»
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
«Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будем посмотреть!!»

Баронскую штучку
списал и опубликовал
Демьян Бедный

Южный фронт.
5 октября 1920 г.

Пояснение немецких слов: [1] Я начинаю. [2] Это есть. [3] Нам. [4] Я есмь [5] Солдаты. [6] С маленьким. [7] Так называемых. [8] Я говорю. [9] Это чересчур. [10] Нехорошо. [11] Моя голова. [12] Орел. [13] Россия. [14] Святая земля. [15] Она находится при смерти. [16] С белого коня. [17] У старых. [18] Мой народ. [19] В церквах. [20] Хорошо.

ЧЕСТЬ КРАСНОАРМЕЙЦУ!

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертен буду сам.
Г. Р. Державин

Красноармеец — Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон —
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов,— без корон?

Вся биржа бешено играла
«На адмирала Колчака».
Где он теперь, палач Урала?
Его жестоко покарала
Твоя железная рука!

Деникин? Нет о нем помина.
Юденич? вечный упокой.
А Русь Советская — едина.
Сибирь, Кавказ и Украина
Защищены твоей рукой!

Ты сбавил спеси польской своре,
Сменив беду полубедой.
Кто победит, решится вскоре,
Пока ж — ты мудро доброй ссоре
Мир предпочел полухудой.

Ты жаждал подвига иного:
Рабочей, творческой страды.
Где места нет у нас больного?
Пора, дав жить тому, что ново,
Убрать гнилье с родной гряды.

Но оставалася корона,
Еще не сбитая тобой.
И — всходов новых оборона —
Ты на последнего барона
Пошел в последний, страшный бой.

Под наши радостные клики
Хвалой венчанный боевой,
Гроза всех шаек бело-диких,
Ты — величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

Герой, принесший гибель змею,
Твоих имен не перечесть!
Тебе — Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею —
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь*!

1920

1921—1929

«ВЛАДИМИРКА»

«Но-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась недотрога!..»
Туго врезалась в твердую землю соха.
«Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха».
«Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.
Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней в старину...
Эй ты, н-ну,
Шевелись, сухопарая!..»
Борозда к борозде... Ком ложится на ком...
Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,
Роковая путина, «Владимирка старая»?!

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов помяни.
Окруженные серым, суровым конвоем,
Пыльной летней порой — под мучительным зноем,
Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни,
И студеной зимой — в ночи темные, вьюжные,
Кандалами гремя, испитые, недужные,
По «Владимирке старой» шагали они.

Не склоняя голов непокорных,
Не смыкая усталых и скорбных очей,
Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,
Мимо пышных усадеб своих палачей,
Подло-мстительной царской покараны карой,
В рудники за бойцом посылавшей бойца,
Шли они — без конца, без конца, без конца —
По «Владимирке старой»!

Сколько скорбных, невидимых нами, теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И дивятся на новые яркие всходы!
Пахарь! Празднуя праздник труда и *свободы*,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот жертвенный путь!

7 ноября 1921 г.

В ТУМАНЕ

Хо-хо-хо!.. Эка, братцы, проклятая мгла...
Эй, не спи, подбодрись!.. Еще будут дела.
Приготовьтесь, друзья, к неожиданной встрече.
Скрыты мглою, враги сторожат нас кругом:
Мы вчера посчитались не с главным врагом,
Главный враг где-то рядом, от нас недалече.

Хо-хо-хо!.. Для уныния нету причин.
Кто сказал, что вчерашняя битва — ошибка?
Это, братцы, была генеральная сшибка,
Генерального боя — великий почин.
Не затем мы свершили такое начало,
Чтобы нас укачало
Мертвой зыбью бездонных пучин.

Капитан на посту. Его глаз осторожен.
Его твердой рукой руль направо положен.
Пусть кричат наши пленники в трюме: «ура!»
Мы ль смутимся теперь торжеством их поспешным?
Обреченные явственно силам кромешным,
Они были напуганы крепко вчера,
Новый курс окрылил им сегодня надежды.
Лица их и одежды
Омрачат ли нас праздничным видом своим?

На постах боевых мы спокойно стоим.
Чутким слухом мы ловим призыв капитана,
Что ведет наш корабль средь густого тумана,

Средь бесчисленных явных и тайных преград,
Средь врагов, притаившихся где-то лукаво:

«Впе-ре-ед!..» — «На-за-ад!..»
«На-ле-е-во!..» — «На-пра-а-во!..»
«Кре-п-пи-и па-ру-са-а-а!..»
И, певцу, любо мне средь натянутых тросов
Видеть чудо-работу героев-матросов,
Слышать громкие, бодрые их голоса:
«Е-е-е-есть!..»

1921

СЕМЕНА

Из моего детства

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шаля,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!

Всё поблажкам нет предела!..» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..»
Состоя при барчуках,
Тятька мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова: «Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятьке обернулся: —
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?
Покажи-ка, что за книжка!
Подойди ж, дурак, сюда!»

Я стоял, как деревянный.
Тятька подал книгу вмиг.
«М-да!.. Некрасов?.. Выбор странный!..
Проку что с таких-то книг?!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!
Мальчик твой по существу
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их зловредным семенам!!!»
Тятька скреб смущенно темя:
«Что уж, барин!.. Где уж нам!..»

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,
А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова[1]:

«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися. Что за дело?
Это многих славных путь...

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!»

6 декабря 1921 г.

---

[1] Из стихотворения Некрасова «Школьник». *(Прим. ред.)*

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взашей,
Мы знаем: есть страшнее враг,—
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую, вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход,—
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строем!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд,—
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

1921

ОСЫ

Элегия

Ос растревоженных осатанелый рой, —
Он был опасен нам весеннею порой.
Теперь он, сбившись в ком, под колпаком судебным,
Наводит грусть своим жужжанием враждебным.
   Разбойники полей, грабители цветков
Последний точат яд с осиных хоботков,
Заране чувствуя, что мудрым пчеловодом
Они осуждены со всем своим приплодом.

9 июня 1922 г.

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость, и нужда...,
Ой ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протаптывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок,—
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ,
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол,—

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
«Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!»

Юной гвардии от старой
Героический привет!

3 сентября 1922 г.

СОВЕТСКИЙ ЧАСОВОЙ

Баллада

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг — стрелок искусный,
Послал он пулю, знал, куда.
Но не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, все равно,
Под вихрь и чувств и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песнью боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

1922

ЕСЛИ БЫ НЕ...

Один из членов английской консервативной партии спросил, будет ли британское правительство настаивать на удалении Красной Армии из закавказских республик.

Макдональд ответил, что он не может ничего добавить к своим прежним заявлениям.

Когда запросчик стал настаивать на разъяснении по этому поводу, председатель парламента (спикер) остановил его, заявив:

— Мы не должны вмешиваться во внутренние дела других стран.

(Из газет)

Нефть чудотворной стала мазью.
Ей всеграбительский почет.
Вон к нефтяному «Закавказью»
Беда как Англию влечет!

Ярятся лорды и бароны:
«Режим советский очень крут.
Когда же красные заслоны
Из Закавказья уберут?

Ответьте, Макдональд! Иначе...» —
Ревет какой-то баронет.
«*Первопризнатель*» наш, одначе,
Не говорит ни *да*, ни *нет*,
И только спикер, *что-то взвеся*,
Отверг заботы... о Баку.

«Красноармеец! Где ты?»
«Здеся!
Стою, братишка, на-чеку!»

1924

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь, всем доступную, веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Мильоны бодрых голосов:

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» В движенье массы.
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

1924

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно суровая зима.

Забуду ли народный плач у *Горок* [1],
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925 г.

[1] Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

ВСМОТРИТЕСЬ! ПРИСЛУШАЙТЕСЬ!

Привет дорогим гостям, немецким рабочим, приехавшим к нам убедиться в несостоятельности противосоветской клеветы, распространяемой буржуями и их подголосками.

(Из газет)

Мы пережили ряд отчаянных годин
В огне войны в кольце блокады.
Отпрянули от нас проученные гады,
Но мы не вырвались досель на миг один
Из подлых, липких паутин
Зло-клеветнической осады.

Давясь отравленной слюной,
Клевещут «господа». Но особливо звонок
Лай клеветнический, протяжно-заливной
Их пуделей ручных и комнатных болонок.

Беззубый Каутский, чьи мутные зрачки
Затмила ненависть, брюзжит и брызжет ядом
И ставит желтые, фальшивые очки
Пред пролетарским зорким взглядом.

Товарищи! Ваш взор теперь не затемнен.
Соединило нас общение живое.
Смотрите, сколько лиц под заревом знамен!
Да будет же двойным позором заклеймен,
Кто где-то в эти дни исходит в диком вое!

Смотрите, с радостью доверчивой какой
Встречает братски вас рабочая столица!
Сжимая сотни рук мозолистой рукой,
С ответной ласкою вглядитесь в эти лица!

Смотрите им в глаза, прислушайтесь к словам.
Правдивы каждый взгляд и каждое их слово!
Здесь нет коварства, лжи, испуга, рук по швам.
Герои двух фронтов навстречу вышли вам,
Вчера — военного, сегодня — трудового.

Бойцы, свершившие в грядущее пролом,
Вот кто мишенью стал для бешеных нападок
Всей банды хищников, чьи помыслы — в былом,
И трупы чьи сметет железным помелом
Коммунистический порядок!

19 июля 1925 г.

РАЗГАДКА

«Октябрьским» праздникам не все, не все им рады,
Не все любуются на красные парады.
В то время, как одни
Восторженно встречают эти дни,
Другие предаются плачу,
Пытаясь разрешить мудреную задачу:
«Какие силы нас спасут? Какой герой?
Доколь советскую терпеть мы будем участь?
Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем объяснить его проклятую живучесть?
В чем зло? — шипят они. — Разгадка в чем? Ну, в чем?»
Шипят, наморщивши проэкухлые морщины.
А молодая жизнь, играя, бьет ключом,
И «новый строй» — у новой годовщины.

Да, были времена!..
И поучительна седая старина.
«Душа» народная сегодня ли раскрыта?
От пра-пра-прадедов идет народный сказ,
В нем — поэтический показ
Простонародного мучительного быта.
Не княжьи грамоты, не летописный свод.
Что мог он записать, неграмотный народ?
С усмешкой горькою и прибауткой грустной
Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих, светлых дней.

Бывало, сколько раз бывало:
Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнущее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь.
Привыкнувши всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильными ползя ползком, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.
А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор,
Бояре были все прямые остолопы,
С холопами — цари, а пред царем — холопы.
И всех — царя, бояр — дурачил — кто? — сморчок,
Не фряжский принц, не князь Тверской или Смоленский,
А так — парнишка деревенский,
Запечный богатырь, Ивашка-дурачок!

Нет, сказка не была пустою балагурью.
И «дурь» мужицкая была особой дурью.
Ни змей-горынычей, ни окиянских бурь
Не трепетала эта дурь,
На трудный подвиг шла, на страшные мытарства,
Ныряла в глубину, взлетала в высоту,
Чтоб оттягать себе царевну-красоту
И за царевною — *полцарства*;
Жар-птицей бредила, ослепши в темноте.
Дворцы ей снилися — в бескрайной нищете,
Сгибаясь под господским гнетом,
Искала для борьбы *дубинку-самобой*
И, бездорожная, в лазури голубой
Летела птицей в край любой,
Обзаведясь *ковром* — волшебным *самолетом*.
Голодною, сомлев от барского тягла,
На отдых в хижину свою она брела,
Голодною в тягло впрягалась спозаранку,
Но в сказочных своих мечтах изобрела
Усладу, *скатерть-самобранку;*
В обычай стало ей пить мертвую, когда
Дни мертвые ее из рук вон были худы,
Но песенку про то, что кончится беда,

Что где-то — поискать — *живая* есть *вода*,
Ей пели *гусли-самогуды*,—
Порою клином ей сходилася земля,
Но, оттого не став угрюмой нелюдимкой,
А сердце сказкою-утехой веселя,
Спасалася она под *шапкой-невидимкой*,
Срывалась с места, «шла вразброд»
И грела кистенем «лихой боярский род»
Под боевую перекличку:
«Сарынь на кичку!»

Не слышно клекота двуглавого орла.
Истлели когти, клюв, два сломанных крыла.
Русь черносошная доверилась Советам:
Они несут ей все, чего она ждала
Согласно сказочным заветам.
Жар-птица? Вот она, гляди:
С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!
Жар-птицей овладеть — все ночи станут днями.
Русь темная была и — поросла быльем:
Все наши города, посады, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильем,
Мы электричеством зальем!
Сверкай, советская деревня и столица!
Свет электрический — чем не твоя *жар-птица?!*
Теперь любуйся: вот она перед тобой,
Волшебная *дубинка-самобой!*
Враг знает, больно как дубинка эта бьется,
Что Красной Армией зовется.
Вот артиллерия, вот конные полки,
Вот комсомольский цвет — герои-моряки,
Вот неоглядные ряды стальной пехоты,—
Над ними в облаках, смотри, вблизи, вдали,
Стальные реют журавли,—
То наши *чудо-самолеты!*
А вон, на целине — на поприще ином —
Идет волшебник-агроном,
Целитель пахоты больной, ученый знахарь:
Он знает, за какой землей уход какой,

И знает он, что клад мужицкий под рукой,
А рядом богатырь, железный *самопахарь*,
Прабабушке-сохе гудит заупокой.
Стихает здесь и там мужичья перебранка;
Трехполье тощее оставив позади,
Дивятся мужики, что их земля, гляди,
Взаправду *скатерть-самобранка!*
А вон в избушке Пров, Авдотья, Клим, Панкрат
Умильно слушают волшебный аппарат.
Деревне по сердцу советские причуды!
Москва по радио ей голос подает,
Про все, что деется на свете, знать дает:
То — наши *гусли-самогуды!*
Ивашка-дурачок, парнишка боевой,
Полцарства добывал, рискуя головой.
Ан вечно — на престол лишь заносил он ногу —
Какой-то заяц роковой
Перебегал ему дорогу!
Но был он выручен другим богатырем:
Рабочий, бившийся без устали с царем,
В час горький подоспел Ивашке на подмогу:
«Эй, паря-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Полцарства ты хотел? Все царство заберем!»
«Все царство? — отвечал Ивашка. — Тож не худо!»
Вот было чудо!
Это чудо
Зовется «*Красным Октябрем!*»
Так пролетарская решила всё замашка:
«Дворцами бредил ты, Ивашка?
На, получай дворец, где нежились цари!»
И вот в Ливадии всем мужикам — смотри! —
Рабочий преподнес, а не святой Егорий,
Дворец — крестьянский санаторий!

Мужицкой «дури» — в том господская беда —
Не разгадали господа.
А сколько делали они лихих попыток,
Чтоб от нее иметь свой даровый прибыток!
За непокорное земное житие
Грозили ей в церквах загробной божьей местью
И насмерть отравить пыталися ее
Патриотическою лестью.

Порфироносные российские цари
Не раз пытались ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
  «Христолюбивая! Вперед!
  За Русь святую!» Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.
А те, чьи черепа пустые малоемки,
Твердили, что *«душа народная — потемки»*
И русский-де народ — *«загадочный народ!»*
    Загадка для господ была неразрешима —
  Разгадка не совсем по вкусу им была.
  И старина для них казалась нерушима.
Ан вот — вся старина разрушена дотла,
Свершились наяву чудесные явленья,
И над седым Кремлем — залог осуществленья
Уже не сказочных, а ставших явью благ —
Горит-полощется советский красный флаг!

Москва. Кремль.
7 ноября 1925 г.

«ТОВАРИЩ БОРОДА»

(Бытовое)

Взращенный деревенским полем,
Обкочевавший все большие города,
Куда его гнала не роскошь, а нужда,
Он прозывается не Жаном и не Полем,
А попросту — «товарищ борода».
Ему уж сорок два, немалые года.
Он закалил свой ум и волю в тяжкой школе
Мучительной борьбы и черного труда,
«Товарищ борода».
Десяток лет батрацкого скитанья
По экономиям помещиков былых,—
Другой десяток лет голодного мотанья
Ремонтной клячею средь гула, грохотанья
Бегущих поездов и треска шпал гнилых,—
Хватанье за букварь, а после — за листовки,
«Тюремный курс» за забастовки,
«Февральский» натиск на царя,
Потом «Октябрь», потом — как не считал мозолей,
Так не считал и ран — защита «Октября»
От барских выродков, от Жанов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
Победно кончилась кровавая страда.
Мы обратилися к хозяйственным основам.
Но где же он теперь, «товарищ борода»?
Усталый инвалид, негодный никуда?
Нет, он — силач, ведет борьбу на фронте новом.
«Усталость? Чепуха! Живем в такой момент!»
Он нынче «вузовец», студент.

Штурмует знание. Такие ли препоны
Брать приходилося? А это что! Да-ёшь!!
Он твердый коммунист. Такого не собьешь.
«Пускай там, кто сплошал, разводит вавилоны
О страшных трудностях при нашей нищете
И не рассеянной в два счета темноте.
Да мы-то — те или не те?
Какой там пессимизм? Какие там уклоны?
Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!
Да новое — гляди! — повсюду бьет ключом.
За гуж взялись-то миллионы!
Народец жилистый. Взять нас, студентов. Во!
Не из дворян, не из дворянок.
Студенческий паек известен: на него
Не разгуляешься. Да нам не до гулянок!»
Разметил все свои часы — какой куда? —
«Товарищ борода».
Он времени без толку не растратит,
Свой труд — и нынешний и будущий — ценя.
«Как выучусь, других учить начну. Меня
Годков еще на двадцать хватит.
Ведь замечтаешься: работа какова!
Откроюсь — что уж за секреты! —
Когда-то, засучив по локти рукава,
Случалось убирать господские... клозеты.
А нынче — разница! Сравни-ко: тьма и свет!
Да ежели бы мне не то что двадцать лет,
А жить осталось месяц, сутки,
Не опустил бы рук я, нет!
Работе отдал бы последние минутки!..
Я...»
Тут, как девушка, зардевшись от стыда,
Он вдруг забормотал, «товарищ борода»:
«Учебник я уже... того... Мое творенье...
Послал в Москву на одобренье...
Волнуюсь очень... Жду ученого суда...»

Вниманью молодых товарищей-поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! — сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.
Вот вам бесхитростная быль.

Коль ничего она не скажет вашей братье,
Пустое ваше все занятье!
Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и скромный —
Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, «товарищ борода».

1 мая 1926 г.

КРАСНОФЛОТЦАМ

Крича о «фракционных минах»,
С них не спуская зорких глаз,
На краснофлотских именинах
Не побываю в этот раз.

К московской гавани причален,
Все ж из-под вороха газет
Я, марсовой эсминца «Сталин»,
Вам посылаю свой привет!

16 октября 1926 г.

ЗАВЕТ СРАЖЕННОГО БОЙЦА

(Надпись на надгробном памятнике советского дипкурьера т. Т. И. Нетте, убитого белобандитами 5 февраля 1926 г.)

Сраженный вражеским свинцом,
Я не последним был бойцом
Среди бойцов, погибших с честью,
Но смерть героям не страшна.
Смерть наша будет отмщена
Грядущей пролетарской местью.

5 февраля 1927 г.

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

22 апреля 1870 года

Был день, как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске,—
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу.
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента,
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-щай, студентик, горемычный!»
. . . .
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

22 апр. 1927 г.

КРЕСТЬЯНИН! С ПРАЗДНИКОМ!

Навек покончено — с помещиком, царем,
Со всею нечистью, со всем инвентарем
Насилья, темноты и бедности суровой.
Жизнь деревенская крепка иной основой.
Крестьянин! С праздником! С Великим Октябрем!
С десятилетьем жизни новой!
Что дал тебе Октябрь, ты ясно видишь сам:
В октябрьском чуде — ключ к грядущим чудесам.
Октябрь, разбивши все минувшие заторы,
Открыл перед тобой бескрайные просторы.

Заветы Октября, как жизнь свою, храни:
Знай, что они тебя спасут, они одни,
От вражьей кабалы, от барской злой опеки.
На ниве трудовой — чертополох, бурьян,
Кто нашей радостью октябрьскою не пьян!
Да здравствует союз рабочих и крестьян!
Заветы Ленина — да здравствуют вовеки!

Ноябрь 1927 г.

ЖИВОЙ ОБРАЗ ИЛЬИЧА

Бывало, пишу,
Спешу,
Пригоняю к строчке строчку,
Чтоб вышло «вó-время и в точку»,
Чтоб зажечь читателей боевым огнем,
Чтоб увлечь их задушевно-прельстительным слогом,
Пишу — и думаю все время о нем,
Об Ильиче, судье взыскательно строгом:
Прочтет он и весело прищурится
Или, задумавшись, нахмурится
И скажет, что тема важна и остра
И к ней смаху подходить неудобно,—
И все, что он скажет, его сестра,
Марья Ильинична, передаст мне подробно.
И стану я рисовать живей
Красоту подвига, бытовое уродство.
Во всем, во всем, даже в работе моей,
Отражалось ленинское руководство!

Ильичевских мыслей заревые огни —
Отблистали они.
Разлучила нас смерть — роковая размычка.
Но владеет мною, как в прежние дни,
Былая привычка:
Пишу,
Спешу,
Обнажаю стержень затруднительной темы,
И думаю, глаза оторвав от листа,
Чтó сказал бы тот, чьи нынче уста
Немы!

Вот — какой бы радостью зажегся Ильич,
Услыхав такой ребяческий клич:

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ!
ПРОСИМ ВАС В СТИХАХ ИЗЛОЖИТЬ СМЫСЛ ТАКОГО НАШЕГО ВЫЗОВА:

КО ВСЕМ ШКОЛЬНИКАМ СССР

Товарищи! Буржуазные правительства Англии, Америки и Франции беспокоит укрепление и развитие хозяйства нашего Союза Сов. Соц. Республик, и они всячески стараются вызвать нас на войну. Однако до сих пор советское правительство не приняло этого вызова, так как каждый трудящийся нашего союза желает только мира. Нельзя поручиться, что в будущем мирное строительство в пролетарском государстве не будет нарушено.

По сведениям из газет можно заключить, что Англия решила втянуть нас в войну во что бы то ни стало, а если это случится, то и мы, дети, почувствуем на себе целый ряд лишений, не говоря уже о том, что можем потерять дорогих для нас членов семьи. Поэтому в подготовке к обороне страны должны принять участие все трудящиеся от мала до велика. Мы, дети, большой помощи в этом деле оказать не можем, но каждый из нас, отказавшись от покупки очередного гостинца, может сберечь и пожертвовать на оборону страны свой пятачок. Только раз отказаться, и этих пятачков по всему СССР соберется так много, что, может быть, на них наш Советский Союз сможет построить самолет «Школьник» для обороны страны.

Пусть каждая школа, собирая пятачки, думает, что хоть один винтик в самолете «Школьник» будет сделан на их деньги. С этой целью мы вызываем все школы нашего Союза на добровольный сбор для постройки самолета, посылая собранные деньги в нашей школе в сумме 15 руб. от имени нашей школы [1].

Уч-ся III сов. шк. 1 ст.
г. Ветлуги Нижегородской губ.

Пусть, нашим врагам приговором звуча,
Нас — в печали — ободрят строки детские эти:
Перед нами — образ живой Ильича:
Пролетарские дети!

21 января 1928 г.

---

[1] Деньги 15 руб. 41 коп. редакцией «Правды» получены и переданы в журнал «Пионер».

БЕЙ!

Мы — по плану «*Пятилетки*» —
Мчим вперед на всех парах.
Эмигрантские ж газетки,
Знай, строчат статьи, заметки:
«Крах!»
«Крах!»
«Крах!»

Дескать, хамы, замарахи,
— Пообчистились? Ничуть! —
Терпим мы сплошные крахи.
А вокруг — ночные страхи,
Жуть,
Жуть,
Жуть!

«Пятилетка?.. Сказки!.. Враки!..
Цифровая чепуха!!.»
Ставят белые писаки
Восклицательные знаки:
«Ха!»
«Ха!»
«Ха!»

Приглядеться к ним: кастраты!
Ветошь, ржавчина и прах!
Глуповаты, слеповаты,
Знай, скрипят, как автоматы:
«Кррр...рах!»
«Гррр...рах!»
«Хррр...ах!»

Убеждать, стыдить их? Втуне!
Им милее эшафот,
Чем представить жизнь — в коммуне:
«Кржижановский на трибуне!»
«Вот!»
«Вот!»
«Вот!»

«Цифры!»
«Знаки!»
«Сетки!»
«Клетки!»

«Лампы! Синий, красный цвет!»
«Как?! Поверить?! Что мы — детки?»
«Нет, не будет «Пятилетки»!
«Нет!»
«Нет!»
«Нет!»

«Не допустит, нет, Европа!..»
Гул советского труда
Для спроваженного скопа
Пострашнее Перекопа!
Да!
Да!
Да!

Ясно *что*, врагов задело,
Почему, так лют их вой!
«Пятилетка» — вот в чем дело! —
Это тот же — В ногу! Смело! —
Бой!
Бой!
Бой!

Те ж геройские разведки,
Та ж команда: «*Не робей!*
Старой рухляди последки
Выполненьем «Пятилетки»
Бей!
Бей!
Бей!!!»

24 мая 1929 г.

НАС ПОБИТЬ, ПОБИТЬ ХОТЕЛИ!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пыталися,
А мы тоже не сидели,
Того дожидалися!

У китайцев генералы
Всё вояки смелые:
На рабочие кварталы
Прут, как очумелые.

Под конец они, пройдохи,
Так распетушилися:
На советские «подвохи»
Дать отпор решилися:

«Большевистскую заразу
Уничтожить начисто!»
Но их дело стало сразу
Очень раскорячисто:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пыталися,
Но мы тоже не сидели,
Того дожидалися!

Так махнули,
Так тряхнули,
Крепко так ответили,
Что все Чжаны
Сюэ-ляны
Живо дело сметили,

Застрочили быстро ноты
Мирные и точные.
Мастера своей работы
Мы, дальневосточные!

Наш ответ Чжан Сюэ-лянам —
Схватка молодецкая,
А рабочим и крестьянам —
Дружба всесоветская!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пыталися,
Но мы даром не сидели,
Того дожидалися!

28 ноября 1929 г.

1930—1940

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

«Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!»

Растрепала баба косыньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосыньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне явно не вредит.

Урожаи диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

3 февраля 1930 г.

ДВА БИЛЕТА

Памяти убитых на Дальневосточном фронте комсомольца тов. Г. Аникина и партийца тов. И. Чеботаря.

С какою взволнованно нежной любовью
Рабочий, крестьянин, кузнец и поэт
Посмотрят на этот, окрашенный кровью,
Комсомольский билет!
С ним рядом — билет командира-партийца.
Он знал, куда метить, наемный убийца,
Оставивший пулей просверленный след:
Ущерб нанося пролетарскому строю,
Он *сердце* пронзил командиру-герою.
И — хранимый у сердца — партийный билет!

Час грозный придет, и наш залп орудийный
Прогремит не однажды злодеям в ответ
За этот простреленный пулей, *партийный*,
И окрашенный кровью *комсомольский билет!*[1]

23 февраля 1930 г.

---

[1] В редакцию газ. «Правда» были привезены с Дальневосточного фронта два билета: комсомольский билет Г. Аникина, весь обагренный кровью, и партийный билет коммуниста И. Чеботаря, пронзенный пулей.

ПЕРЕКОПСКАЯ

Походная песня

Посвящается краснознаменной
51-й Перекопской дивизии

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!

Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!

Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!

Но... скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

Против нас плетут капканы
Все Брианы,
Черчилли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Лиходеи Черчилли!

Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!

Их машины и вагранки,
Биржи, банки
На мели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

А у нас иные думы.
Все в поту мы
И в пыли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все в поту мы и в пыли!

Заводских громадин только
Эвон сколько
Возвели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Сколько фабрик возвели!

Пахнет слаще нам, чем роза,
Дух навоза
И земли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Прут колхозы из земли!

Все себя в борьбу с недолей
Доброй волей
Мы впрягли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все мы силы напрягли!

Не собьет нас вражья жалость,
Чтоб мы малость
Прилегли.
Э-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб всхрапнуть мы прилегли!

Чтоб враги нас, вялых, шалых,
Оплошалых,
Взять могли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб нас сонных взять могли!

Вражья жалость дышит местью!
Кто там — с лестью?
Стань вдали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Просим честью
Стать вдали!

С богатырской силой дивной,
Коллективной,
Не шали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Нынче с нами не шали!

А не то... Нам скажут: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

Почетный красноармеец
51-й Перекопской дивизии

Демьян Бедный

23 февраля 1931 г.

ЗА ТЕХНИКУ И ЗА УЧЕБУ!

Пролетписателям амовцам

Вот уперся во что весь вопрос-то:
Не все то просто, что выглядит просто.
Это не ново.
Есть вещи простые до смешного,
Всем, как говорится, известные.
Разговоры о них — разговоры неуместные,
Чего, дескать, тут толковать!
Ан — хвать! —
На проверку не то получается.
Толкуют о красоте:
«Красота — в простоте!»
Но такой простоте человек *обучается*.
Известно, к примеру, от века,
Что у нормального человека
Имеются две ноги.
Натянув на них сапоги
Иль ботинки — вообще, что имеется,—
Не рукавицы, разумеется! —
Человек идет, куда ему нужно,
Походкой простой, но простой лишь наружно:
Один идет — хилым задом виляет,
Другой — не идет — ковыляет,
Третий ступню выворачивает,
Четвертый ноги раскорячивает,
Пятый, как утка, качается...
Что на проверку получается?
Походка, и та
Не так-то проста.

Плетется иной, согнувшись фигурою
Уныло-понурою,
Волочит и этой и тою ногой.
Но его не узнать, если годик-другой
Обработать его физкультурою.
Подойдет к нему кто-то, понимающий дело,
Повернет раскоряку умело
Направо, налево, кругом,
Заставит пробежаться бегом,
Пройтись твердым шагом,— тут скажет,
Там примером покажет,
Подберет раскоряке живот,—
Глядь, Федот
Уж не тот:
Был тюфяк, вдруг — полнейшее преображение!
Стройность вместо унылой дуги!
Другое совсем выражение!
Другие шаги!
На стройных ногах окрепшее тело!
Похож на тюфяк? Не похож!
Вот так и всякое дело.
Писательство тож.
Кажется просто так сразу:
Наматывай фразу на фразу,
Рассказывай,
Щедро размазывай,—
Не рассказ, так смешной анекдот,
Авось да что-либо получится!
Нет, в писатели выйдет лишь тот,
Кто писательству каторжно учится,
«Стиснув зубы», как Сталиным сказано точно.
Лишь, что взято упорной борьбою, то — прочно.
И к тому моя речь,
Чтобы юных соратников предостеречь
От погони за легкими пусто-успехами.
Тяжел на редкость писательский труд,
Подъем к мастерству очень крут.
Перевалы отмечаются вехами,—
Берется упорно этап за этапом,
Этап за этапом,
Устремив точно натиск, не вкривь и не вкось,
Чтобы не сорвалось,

А не так — разудалым нахрапом:
Выйдет, нет ли! — эх, дуй на авось!
Я пишу вам про эту механику
Не затем, чтоб нагнать на вас панику.
Наоборот!
Вы все — молодые. Вы — храбрый народ.
Речь к тому моя клонится, чтобы
Перед штурмом учебы
Вы не дрогнули, взяли б учебу в штыки,—
Виноват, по-писательски: в перья!!
Ваши свежие силы так велики!
Больше к собственной силе доверья!
Пролетарская сила все преграды берет,
Гору сносит, сметает лесную чащобу!
Веселее, смелее, задорней — вперед!
За технику и за учебу!

Март 1931 г.

СМЕЛЕЙ!

Не заражен я глупым чванством,
Покаюсь честно, не солгу:
Перед моей родней, крестьянством,
Я остаюсь в большом долгу.

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал крестьян к борьбе.

К борьбе с судьбой былой, кровавой,
К борьбе с попом и кулаком,
К борьбе с помещичьей оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Вновь баре жить хотели жирно.
Мы им сказали: «Чорта с два!»
В борьбе прославилась всемирно
Красноармейская братва.

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Кропил и нивы и заводы
Крестьянский и рабочий пот.

Нам было знойно и морозно,
Но — шла работа, как война.
И вот пред вражьей силой грозно
Стоит советская колхозно-
Индустриальная страна!

Деревня, царство тьмы и вони,
Рванулась к свету и красе.
Победно ржут стальные кони
На коллективной полосе.

Легли квадратами гектары:
— Пять тысяч га! Семь тысяч га!
Вот — коллективные амбары,
Вот — коллективные стога.

Вот — ну, подумать! — спортплощадка,
Вот комсомольский уголок:
Где были образ и лампадка,
Плакат под самый потолок.

Дурман поповского глагола
Томится в собственном гною,
Совет, лечебница и школа
Победу празднуют свою.

О, сколько их на фронте этом
Не всеми знаемых побед!
Но ни одним еще поэтом
Фронт этот ярко не воспет.

Есть грех и мой в немалой доле,
Но... нету вечных силачей.
Мне одному хрипеть доколе?
Вина на тех певцах поболе,
Кто и моложе и бойчей.

Ребята! Юные поэты!
Певцы — ударники полей!
У вас возможностям нет сметы.
У вас и краски и сюжеты!
Ударней действуйте, смелей!

Чтоб боевая ваша нота
Все перекрыла образцы.
Где гениальная работа,
Там — гениальные певцы!

7 ноября 1931 г.

ДОРОГА ГИГАНТОВ

Призывно-бодрый клич и трудовой всполох...
В бетон и сталь свою переключая волю,
Свершая трудный путь на рубеже эпох,
Горды мы жребием, нам выпавшим на долю.

Немалый путь лежит за нами, и видней
Все, нами сбитые, заторы и помехи.
Пусть враг пророчит нам, что самых черных дней
Еще должны мы ждать. Пусть! Чем борьба трудней,
Тем будут радостней добытые успехи.

Мы знаем: наш напор — он крепнет с каждым днем,
Хотя каких бойцов работа подкосила!
Со сменой юною, клокочущей огнем
Порыва бурного, с пути мы не свернем,
И не собьет с него нас никакая сила.

В потомстве будет свят наш коллективный труд
И святы имена всех, чей подъем был крут,
Всех — от простых бойцов до вождевых талантов,
Всех — от искателей подземных жильных руд,
Сталелитейщиков, ученых лаборантов,
До пламенных певцов и музыкантов,—
И путь, наш славный путь, потомки назовут
Путем — строителей, дорогою — гигантов.

7 ноября 1931 г.

ЖИТЬ И РАБОТАТЬ!

...колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей, *антикулацкой* лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

...Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Из речи тов. Сталина на Конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года.

Речь — веха. Ей всего исполнилось два года.
В два эти года — только в два! —
Как много старого ушло из обихода,
Как много нового в свои вошло права!
Уже теперь каким рисуется уроком
Путь, измеряемый всего двухлетним сроком!
Кулак — давно ли жег он бедноту огнем
И ночью выходил с обрезом из овина?
И вот — кулацкая крушится сердцевина:
Идет, и ширится, и крепнет с каждым днем
Антикулацкая колхозная лавина.
Антикулацкий фронт собрать, вооружить,
Социализм в деревне заложить,
В два года укрепить его очаг и базу...
Как хочется в такую пору жить!
Жить и работать без отказу!

27 декабря 1931 г.

УДАРНИКАМ ГОРЫ МАГНИТНОЙ

Ответ на присылку барельефа, отлитого из первого чугуна

«Сажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?»
Да, ветка, ты в углу под сеткой паутины
Когда-то дарственной святынею была,
Благословляла ты былую мать-Расею
Со всем инвентарем, с божественностью всею
Иконостасного угла.
Но ты ушла туда, куда ушли все Спасы,
Все осененные тобой иконостасы,
Святыни все былой поры.
Иные нас зовут слова, а не «глаголы»,
Иные нас бодрят символы,
Иные радуют дары.
На письменном столе — вот он передо мною
— Для глаза вражьего убийственный удар! —
Лежит, весь радостью написанный земною,
Живою радостью, *магнитогорский дар!*
К чему мне «ветка Палестины»
В оправе серой паутины?
Какая нынче ей цена
С ее поэзией елейной
В сравнении с перволитейной
Магнитогорскою присылкой чугуна!
Магнитогорский дар! С какой благоговейной
И бодрой радостью я на него гляжу!
С какими он навек сроднился именами!
Какую в краткий срок достигнутую нами
Символизирует межу!
Как по значенью он огромен —
Чугунный барельеф! Как скупо экономен
И страшен для врагов язык его герба
С буграми ленинского лба

И мощной группою магнитогорских домен!
Кто утверждал, что «даль темна»,
Что «зарево побед — мифическая дальность»?
Победа наша — вот она
В куске заветном чугуна
Неоспоримая реальность!
Гремит победа тут и там,
По всем строительным фронтам,
Средь трудовых траншей, среди фугасов частых,
Средь недоступных гор, средь девственных лесов, —
Гремит могучий хор, мильоны голосов
Бойцов-ударников горластых.
Бойцы к победам от побед
Идут стеною монолитной!
...За ваш великий дар вам братский мой привет,
Ударникам горы Магнитной!

28 марта 1932 г.

ПОРОГИ

В день пуска Днепростроя.
А. М. Горькому

Сегодня — день от всех отличный,
Сегодня — праздник символичный:
Сегодня утренней порой
В наш боевой рабочий строй
Победно входит «энергичный»
Наш торжествующий герой —
Электросильный *Днепрострой*.
Как мы мечтали, как гадали,
Как нажимали все педали,
Как торопили дни, часы,
Чтобы скорей миллионнотонной
Мускулатурою бетонной
Он обрастал — кремнисто-донный
Гигант невиданной красы!

Как много пиголиц пищало.
Как много воронов вещало
О «фантастической игре»,
«Затее дикой» на Днепре.
И вот — затея стала фактом,
Игра — великим, смелым актом,
И мир, весь мир, в любой стране,
Мир пролетарский — с теплой лаской,
Мир буржуазный — с злой опаской,
С тоской, понятной нам вполне,
Внимает радиоволне
И ловит радостные хоры,
Рабочий смех и разговоры,
И — голос будущих судьбин —
Гул торжествующих турбин!

А там, за звуками, картина:
Сталебетонная плотина,
Замкнувши ток днепровских вод,
Дает им новый, точный ход,
Чтоб Украине, «неньке милой»[1],
Они запели в наши дни
Не то, что пели искони.
Организованною силой
Отныне сделались они!
Вперед днепровские пороги
Не преградят уж им дороги,
Не будет их водоворот
Ломать челны, губить народ.
Все вековечные заторы,
Ликуя, волны погребли.
В глубоководные просторы
Войдут морские корабли
И станут гордо у плотины,
Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Мильярды сило-киловатт,
Невидимых, но ощутимых
Богатырей неутомимых,
Отважных электросолдат,
Всегда готовых вмиг, по знаку,
За поворотом рычага,
Лавиной ринуться в атаку
На старо-косного врага,
Который уж не будет боле
Держать в убожестве, в неволе
И чудо-Днепр, и чудо-поле,
И эти чудо-берега.

Взрывая скалы, землю роя,
Водой Днепра пороги кроя,
Мы на плотине Днепростроя
Свершали подвиг трудовой.
Темп забирая боевой,
Мы до конца его не сдали
И — средь машин, бетона, стали —
В работе творчески живой

[1] Ненька — мать.

Мы, закаляясь, обрастали
Мускулатурой волевой.
На горе вражеским пророкам,
Их предсказаньям вопреки,
Мы повышали гонку срокам,
Снуя по руслу и протокам
В бетон закованной реки.
Мы сдали творческий экзамен!
Всей злопророческой гурьбе
Теперь кричать «аминь» и «а̂мен»
Не нам придется, а себе.

Там, где с порогами в борьбе
Вода, бурля, взметалась пылью,
Где историческою былью
Дышала каждая скала,
Свершились дивные дела:
Над ровной водной пеленою,
Над новозданной глубиною,
Гряду порогов поборов
И к реву их неумолимы,
Победу празднуя, зажгли мы —
Взамен угаснувших костров —
Гирлянду солнц-прожекторов.
Чтоб больше древние пороги
Не заступали нам дороги
К грядущей сказочной судьбе,
С водой и скалами в борьбе
Мы не работали — горели!

Пороги есть в одном Днепре ли?
Им в жизни не было числа,
Не позабыть всей тьмы и зла,
Всей тяготы непереносной
Минувшей жизни старо-косной:
Она «порожиста» была.
Не только взрослые — и дети —
В пучине жизни заодно,
Разбившись о пороги эти,
Метались горестно, бедно̀,
В тоске — изранены смертельно —
Метались брошено, бездельно,
И опускалися «па дно».

О, сколько жизней, сил, талантов,
Народных творческих гигантов,
Топя тоску свою в вине,
Тоску по жизни светлой, новой,
С разумной творческой основой,
Страдало, корчилось «на дне»!
Их всех, чьи гибли дух и тело
«На дне» погибельно-гнилом,
Их сердце Горького узрело,
И пожалело и согрело
Сердечно-ласковым теплом,
И перед всем раскрыло светом:
Кто погибал «на дне» на этом,
Кого забросила сюда,
Кого измяла, сокрушила,
Услады жизненной лишила,
Лишила радостей труда
Порогов жизненных гряда.

Работы горьковской итоги
Росли пред нами вглубь и вширь.
Он рвал проклятые пороги,
Передовой наш богатырь,—
В боях с ним вражеская стая
Немало понесла потерь,—
Он шел, ряды врагов сметая,
Как он сметает их теперь.

Ему, грозе дворцов, чертогов
При старом строе, при царе,
Ему, «взрывателю порогов»
Тех, что мы рвали в *Октябре*,
Ему, певцу иной культуры,
Культуры нашей, трудовой,
Ее стальной мускулатуры,
Ее закалке волевой,
Ему, чье знамя буревое,
Пред нами реет столько лет,
Моим «*Стихом о Днепрострое*»,
О нашем энерго-герое
Я энергичный шлю привет.

10 октября 1932 г.

ВПЕРЕД!

> ...итоги пятилетки показали, что партия непобедима, *если* она знает, куда вести дело, и не боится трудностей.
>
> *Из речи тов. Сталина «Итоги первой пятилетки»*

В июньский день у Волги где-то
Еще в ту пору, за царя,
На травке голодно, раздето
Лежали два богатыря.
То ль их уволили с работы
Бурлацкой или заводской,
То ль нехватило им охоты,
Сбирая мед в чужие соты,
Кряхтеть натужно день-деньской,
Чтоб кто-то сытый, краснорожий
Жирел от ихнего труда.
А тут денек такой пригожий,
Так плещет ласково вода,
Так обнаженное их тело
Под жарким солнцем разомлело,
Так хорошо им и легко,
Грудь дышит вольно, глубоко,
Так любо им, раскинув ноги,
Глядеть на Волгу, на пески,—
И никакой тебе тревоги,
И никакой тебе тоски.
Забыт на время голод даже,
И говорить, и думать лень.
Вскочить, бежать, спешить — куда же?
Опять нужда и лямка та же
Им затуманят светлый день.
Лежали — сколько? — час ли, два ли,

Подставив солнышку бока.
Насторожились. Услыхали
Клич пароходного свистка.
Так хорошо. Синеют дали.
Все ближе слышится свисток.
Лежали, ждали,— час ли, два ли,
Пока за мысом увидали
Прозрачный, тающий дымок.
Вот, наконец, в изгибе плеса
И пароход. Кряхтит, пыхтит,
По влаге шлепают колеса.
Свисток пронзительно свистит,
Как будто плачется: «Вот, нате!
Ну, прямо режут без ножа!»
За пароходом на канате
Влачилась грузная баржа,
Треща на каждом перекате,
С буксиром в явственной вражде,
Влачилась, точно по нужде,—
Груз увеличить лишним пудом —
И быть в смертельной ей беде:
Вот-вот потонет! Явным чудом
Она держалась на воде.
Буксир — барже под стать наружно —
Пыхтел натужно и недужно —
Порой врезаяся в пески,
Порой, как будто уставая,
Пыхтел на месте, подавая
Барже тревожные свистки.
Канат ослабленный мотался.
Вновь пароход ползти пытался,
От напряжения дрожа.
За ним со злым протяжным скрипом,
С больным, надрывным хлипом, хрипом,
Тащилась дряхлая баржа.
Буксир с баржою воевали,
Взаимной злобою горя.
За ними долго — час ли, два ли,
Пока они из глаз пропали,
Чтоб где-то стать на якоря,
Следили два богатыря,
С них не спускали оба глазу,

Не перемолвившись ни разу,
Не проронив словца, пока,
Невразумительны и шалы,
Вдали не замерли сигналы
Неугомонного свистка.
Потом они переглянулись,
Перемигнулись, усмехнулись
И общих мыслей дали свод:
«Эх-ма!
«Дермо! — не пароход!»

Вся эта давняя картина
Мной нарисована не зря.
Символ народа-исполина
Вот эти два богатыря.
Зло расточалась сила эта
От ненавистного тягла
И для свободного расцвета
Много времени ждала:
Она окрепла, встрепенулась,
Уйдя от вражьей западни,
И всею мощью развернулась
Лишь в боевые наши дни,—
Темп волевого напряженья
И пролетарское чутье,
Гигантские сооруженья,
Магнитогорское литье,
Весь дивный ход преображенья
Деревни, вместо разложенья
Обретшей новое бытье,
Все наши чудо-достиженья
Суть достижения ее,
Живой, не косной и не темной,
Народной силы неуемной.

Теперь, товарищи, скажу
Про пароход и про баржу.
Они — подобие былого
Порядка, старого, гнилого,
Баржа — российская страна:
Имела грустный вид она,
И внешний вид и вид духовный,—

Народ-кормилец, наг и сир,
Изображал особый мир,
Его преступно-уголовный
Волок помещичье-чиновный
Бюрократический буксир,
Волок бездарно и бесчестно
И приволок — куда, известно.
В войне всемирной, роковой
Баржа едва не потонула,
И слез и кровушки хлебнула,
Но все ж осталася живой
И, изменивши облик свой,
Буксир вверх дном перевернула.
И вот немалые года —
Пятнадцать лет! — сия посуда
Лежит на темном дне, откуда
Уже не всплыть ей никогда.
Баржа... Как выразить правдиво,
Как это высказать сполна,
В какое сказочное диво
Преобразилася она,
Как перед вражьими фортами,
Страну Советов сторожа,
С несокрушимыми бортами
Идет — дредноут, не баржа!
На нем оснастка
Трудовая,
На нем острастка
Боевая,—
От вражьих мин его храня,
Сверкает грозная броня,—
На нем машины и орудья,
И гул живого многолюдья,—
Знамена алые на нем
Живым полощутся огнем,—
Его пароль — борьбы гигантской
Ударный клич: «Борись и строй!»
Сигнал на вышке капитанской:
«*Вперед — от первой ко второй!!*»

Огонь. Снаряд. Разрывы метки.
Врагам себя не уберечь.

«Итоги первой пятилетки» —
Большая сталинская речь.
К ней мой подход — подход поэта:
Ловлю я ритм ее и звон.
Но есть в ней высшая примета:
Ее простой и бодрый тон.
Я к простоте неравнодушен:
У ясной мысли речь проста.
Там мысль обычно не чиста,
Где слог кудряв и завитушен.
Мысль излагают просто те,
Кто мыслит ясно, смело, честно.
Еще нам с Ленина известно,
Что гениальность — в простоте.
Где кровь живая, а не клюква,
Где мысль не бродит, как в лесу,
Там слово каждое и буква,
Значок там каждый на весу.
Где точат лясы да балясы,
Где темнота и выкрутасы,
Там слово с делом не в ладу,
Там нас подводят под беду,
Там нас везут слепые кони
В гнилые, топкие места.
Когда же речь ясна, проста,
Когда в ней все, как на ладони,
Тогда в труднейшей полосе,
Не поддаваяся тревоге,
Мы ощущаем твердо все,
Что мы на правильной дороге,
Что как ни крут порой подъем,
Но мы поставим на своем
В бою и в творческой разведке.
Богатыри! Сомкнувши строй,
Вперед — от первой ко второй
Победоносной пятилетке!!

14 января 1933 г.

ПЕРЕПАШЕМ

«Вот послушай сказку, Ваня,—
Говорил мальцу папаня: —
Жил да был брюхатый поп...»
«Это кто же? — сморщив лоб,
Молвил Ваня: — Зверь? Скотина?
Аль другая животина?»
«Поп... Какой же это скот?..
Руки, ноги и живот...
Человек, на нас похожий,
И к тому — служитель божий».
«Божий... бог... А это кто ж?
Бог... И он на нас похож?»
«На иконы погляди-ко...»
Ване снова слово дико:
«Ик... Ико-ны...» — мямлит он.
«Аль не видел ты икон?
Ну, в церквах... в любом приделе...»
«Я не видел».— «В самом деле!..
Сколько лет тебе?.. Восьмой...
Церковь мы снесли зимой
В том году, как ты родился...
Тьфу! — Папаня рассердился: —
Плел я сказку, леший с ней!
Есть рассказец поясней,
Без икон, богов небесных.
Сказок самых интересных
Интересней наша быль.
Город был. Песок и пыль
Этот город заметали.
Люди век в нем «коротали»,
Коротали, как могли,

Люди бедные всеместно
Задыхалися в пыли.
Наблюдали горожане,
Как шагали каторжане
Через этот городок
В даль глухую, на восток,
Шли в погоду, в непогоду,
Много, Ванечка, народу
Совершило этот путь.
Мы с тобой когда-нибудь,
Вот как отпуск будет летом,
Побеседуем об этом
И о многом о другом.
Много дивного кругом
Нынче, Ванечка, творится.
«Голод-царь», «Нужда-царица» —
Очень сильные цари
Нынче, шут их подери,
Вместе с войском и чинами
Отступают перед нами,
Каждый день не там, так тут
Нам позиции сдают:
Нынче в городе, в Челябе,
Где жилось, как на ухабе,
Где от страху всех трясло,
Чтоб беду лишь пронесло,
А какую, неизвестно:
Люди бедные всеместно
Знали точно в те года,
Что настигнет их беда
По неведомой причине,
Все равно, в какой личине,—
Может, бедам двум не быть,
Но одной уж не избыть.
Так и жили, с горя пили,
В страхе время торопили,
Раз нельзя им жизнь наладить,
От себя беду отвадить.
Вот какая жизнь была!
Очень, Ваня, не светла.
Это нынче — клубы, школы,
Партячейки, комсомолы,

Пионеры — вот, как ты,
Нету прежней темноты,
Вся страна — в сплошной учебе,
Жизнь бурлит в любой трущобе,
И в Челябе,— с прежним сверь,—
Не узнать ее теперь.
Нынче в ней созрело чудо.
Нам попасть туда б не худо.
Нынче там пускают в ход
Новый тракторный завод.
Нынче праздник там отменный
В знак того, что труд бессменный
Рук рабочих и голов
Дал невиданный улов:
Вот завод камнедробильный,
Вот — цементный, лесопильный,
Механический, литейный,
Вот — ремонтный, вот и вот,
В целом: вот — первостатейный
Новый тракторный завод!
Закружит конвейер кругом,
И солидно друг за другом
Выйдут тракторы во двор,
А оттуда на простор
Чрез овраги и лощины.
Загудят в полях машины,
Зашумит в полях народ:
То-то, мол, переворот!
Вот где «*Сталинские кони*»!
Ржут-грохочут — не тихони!
В каждом весу десять тонн.
Никаких для них препон!
Эвон пашут как ретиво!
На конях таких не диво,
Коль руками не махать,
Целый свет перепахать!..
...Вот, Ванек, в Союзе нашем
Стали что ковать-пахать!
Свет мы, что же, перепашем?» —
Ваня крикнул: «*Во! на ять!!*»

1 июня 1933 г.

ЛОДЫРСКИЙ ПАЕК

Вешней лаской Алешку
Воздух утренний свежит.
Растянулся лодырь влежку
И — лежит, лежит, лежит.

Пашут пусть, кому охота,
Кто колхозом дорожит,
Для кого мила работа.
Он, Алешка, полежит.

Встала рожь густой стеною,
Спелым колосом дрожит.
Книзу брюхом, вверх спиною
Лодырь рядышком лежит.

Весь колхоз воспрянул духом:
«Урожай нам ворожит!»
Вверх спиною, книзу брюхом
Лодырь, знай свое, лежит.

Вот и осень. После лежки
Лодырь мчит с мешком в колхоз.
«Ты чего?» — «Насчет дележки!»
«Шутишь, парень, аль всерьез?!»

Все смеются: «Ну, и шутки ж!»
У Алешки сердце — ёк!
Обернулся в голый кукиш
Полный лодырский паёк!

2 ноября 1933 г.

КЛЯНЕМСЯ!

Десятилетняя жизнь провела кайму,
Но не было ни дня, ни часа, ни мгновенья,
Когда б в труде, в борьбе, в порывах вдохновенья
Не обращалися мы памятью к тому,
Чье имя никогда не погрузится в тьму
И в холод мертвого забвенья.
На стыке двух эпох на грани межевой,
Где пролетарский фронт смел в натиске ударном
Разбойничий форпост всей банды биржевой,
Стоит пред нами он, волнующе живой,
В своем величье легендарном.
Бессмертье дел его пред нами наяву.
Многомиллионным отраженьем
Отражено во всем, что встало во главу
Всех наших подвигов, что сделало Москву
Центрально-мировым культурным выраженьем,
Что превратило край чиновничьих кокард,
Страну с политикой казарменно-трактирной,
В Союз, где строит жизнь геройский авангард
Рабочей армии всемирной,
Где гениальный ученик,
Сменивший Ленина на поприще великом,
Ни на единый миг главою не поник
И не дал дрогнуть нам пред вражьим злобным кликом.
Сомкнув железные партийные ряды,
Он, дав отпор всему мещанскому лохмотью,
Заветы Ленина преобразил в труды
И ленинскую мысль облек живою плотью.
Бойцы, чья боевой отвагой дышит грудь,

Мы в этот день, в канун зовущих нас решений,
Чьи цели ленинский предуказал нам гений,
В чете со Сталиным, чьей воли не согнуть,
Клянемся превратить нам предстоящий путь
В путь триумфальных завершений!

21 января 1934 г.

МОЙ РАПОРТ XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Писатель я простой породы,
И простота — моя черта.
Мои стихи — сатиры, оды
Про героические годы —
Мои живые рапорта.

Я рапортую ежедневно,
Еженедельно, как могу,
И наношу я раны гневно
Непримиримому врагу.

Свалив противника ударом,
Я — не отравленный угаром —
Горжусь открыто — вот, гляди! —
Что знаки доблести недаром
Я на своей ношу груди.

Моих стихов лихая рота,—
Я с нею весело иду.
Моя газетная работа
У всех свершалась на виду.

Все, все нашло в ней отраженье:
Враждебной силы разложенье,
Ее погибель и погост,—
Уклада старого сверженье
И новой жизни буйный рост.

И власть рабочих, и комбеды,
Борьба при *Ленине* живом,
На боевых фронтах победы
И героизм на трудовом,—

Троцкизма труп зло-эмигрантский,
Что нами начисто отпет,
И образ *Сталина* гигантский
На фоне сказочных побед,—

Уклон кулацкого покроя,
Убивший дряблые сердца,
И чудеса Магнитостроя,
Всех Чудостроев без конца,—

Рост, несмотря на все уклоны,
Колхозных сел и деревень,
И укрепленье обороны,
Готовой встретить грозный день.

От заводских громад до хаты
Искал я верной колеи,
И любо мне, что в них плакаты
Со стен беседуют — мои.

Я не писал про одалисок,
Про нежных котиков и кисок,—
Рабочей формы я стилист.
Моих стихов обширный список
Мне не вместить в печатный лист.

В них были промахи, не скрою
(Впадают в дурь и мудрецы!),
Но удавалось мне порою
Давать в работе образцы.

Сквозь поэтическую давку
— Наперекор моим годам —
Иду, неся мой паспорт-справку,
Что в инвалидную отставку
Не так-то скоро я подам.

Но как бы ни был век мой краток,
Коль враг пойдет на нас стеной,
В боях, в огне жестоких схваток
Я дней и сил моих остаток
Удорожу тройной ценой.

Пусть грянут вражьи тулумбасы!
В грядущей грозной полосе,
Когда в боях столкнутся массы,
Узнает враг, кривя гримасы,
Что я — не перепел в овсе,
Что я — певец рабочей массы,
И что мои огнеприпасы
Еще истрачены не все!

1934

ЦВЕТЕНЬЕ ЖИЗНИ

Цветенье жизни радостно и пестро,
Над ним простерт воздушно-синий зонт.
Но опытен наш вождь и смотрит остро,
    Обозревая горизонт.
Он говорит. Спокойная, прямая,
Достоинства исполненная речь.
Словам вождя взволнованно внимая,
Мы в памяти всё, всё хотим сберечь —
От формулы и до щедринской сценки,
Весь ход и стиль критической оценки
    Вещей, событий и людей,
Всю глубину, все краски, все оттенки
    Кристаллизованных идей.
Как ярок блеск магических кристаллин!
Мы на вождя восторженно глядим.
— Наш вождь и друг, товарищ Сталин,
С тобой наш фронт непобедим!

2 февраля 1934 г.

УВЕРЕННАЯ СИЛА

Бойцы и вождь. Единая семья.
Горят глаза отвагою орлиной.
 Завороженный, думал я:
Жизнь героической оформилась былиной.
 Вот — от станка и бороны —
 Рожденные из глубины
Могучих недр народной силы нашей,
Богатыри родной советской всей страны
Сидят с вождем своим за дружескою чашей.
И как далек их юный, крепкий рост
От старости, надломленной и хилой!
Звенят слова, и дышит каждый тост
Уверенной в себе, спокойной силой.
Все те, кто, в бешенстве над пропастью скользя,
Пытается нас взять нахвальщиной отпетой,
Рискуют — в горький час узнать, что с силой этой
 Шутить нельзя!

2 мая 1934 г.

ПЕРВОМАЙСКАЯ МОСКВА

Гремит парад на площади на Красной,
Невиданно-торжественный парад.
Весенний день с погодой теплой, ясной.
Май встречному параду явно рад.
Кудрявятся широкие бульвары.
В движении нарядная Москва.
На площадях гармоньи и гитары,
Веселый смех и бодрые слова,
Игривый пляс и песни комсомола,
Довольный взор отцов и матерей.
Ликует все — и фабрика, и школа,
И армия родных богатырей.
Полощутся на ярком солнце флаги,
И стены все плакатами горят,
О подвигах неслыханной отваги
Газетные страницы говорят.
Ни к похвальбе, ни к пьяному задору
Несклонны мы, хоть знаем мы вполне:
Есть чем Москве гордиться в нашу пору;
Есть чем — с Москвой — гордиться всей стране,
Родной стране, которой нету краше,
Чей лик ни с чьим — враждебным — не сравним.
Ликуем мы, но ликованье наше
Пронизано сознанием одним:
На праздник наш из зарубежных далей
Глядят враги, от бешенства дрожа,
На них уж нет ни масок, ни вуалей,
Разбойники не прячут уж ножа.
Наш праздник им не праздник, а отрава.
Бросает в жар их каждою весной:

Приманчиво прельщает их расправа
Над нашею рабочею страной,
Над той страной, где Кремль стоит святыней
Не царскою, а власти трудовой,
Над мировой рабочею твердыней,
Справляющей сегодня праздник свой.
В тот день, когда мы миллионной массой
Чтим трудовых героев имена,
Над вражеской, над биржевою кассой
Склонилася с уродливой гримасой
Союзница биржевиков — Война.
— Она не спит, она считает сроки.
Биржевики торопят первый срок.
Минувшие жестокие уроки
Разбойникам не послужили впрок.
Они спешат. Над биржевою давкой
Безумие кошмарное царит.
Так игроки дрожат пред новой ставкой,
Их жадный взор безумием горит.
И все растет, растет безумье это,
И все наглей безумная игра.
Пройдет весна,— что даст, не знаем, лето,
Но знаем: нас разыгрывают где-то
Крапленою колодой шулера,
Они рычат, припав к кровавой чаше,
Раскрывши свой немирный псевдоним.
Ликуем мы, но ликованье наше
Пронизано сознанием одним,
Сознанием того, что мы недаром
Работали не покладая рук,—
Что на удар ответим мы ударом
И разорвем любой враждебный круг,—
Что встретим мы за этим вражьим кругом
Родной нам класс по духу и судьбе,—
Что вместе с ним, всемирным нашим кругом,
Мы победим в решительной борьбе.
Сегодня он, союзник наш великий,
Встречает май в условиях иных,
По радио он слышит наши клики
Вокруг вождя — стального из стальных.
Наш вождь, врагам чье имя нестерпимо,
Он нас ведет вперед не наугад:

О, сколько раз уж он провел нас мимо
Мин вражеских, подкопов и преград!
О, сколько раз он разрывал тенета,
Которыми тянули нас в провал!
Чтоб нас спасти от вражеского гнета,
Он нашу мощь без устали ковал.
И горе тем, кто, бросясь безголово,
Чтоб из-под ног нам выбить стремена,
В час роковой, в час нападенья злого,
У нашего вождя исторгнет слово:
«Война!»

4 мая 1934 г.

НОВАЯ ГЛАВА

О людях. Надо их беречь!..
    Взволнованный и потрясенный,
Крепяся, чтоб не дать слезам потечь,
Я голову склонил и слушал речь,
Воспоминаньями в былое унесенный.

Беречь людей!..
    Предстала предо мной,
Вместившися в обзор молниеносный,
Вся жизнь моя, вся жизнь страны моей родной,
Весь старый быт ее — жестокий, темный, косный.

Беречь людей!..
    Их разве берегли
В века минувшие, кабально-трудовые?
Не миллионами ль в могилах полегли
    Народных сил ростки живые?

Беречь людей!..
    Два слова. Только два.
    Но эти краткие слова
Не говорят ли нам — сквозь вещие всполохи —
Что открывается в них новая глава
    Великой Сталинской эпохи?

11 мая 1934 г.

НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: «*За веру*, *царя и отечество*
Умрем!»
«Умрем!»
«Умрем!»
И умерли гады нежданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно,
Покрыли могильная плесень и мох.

«*За веру!*»
  Мы свергли дурман человечества.
«*Царя!*»
  И с царем мы расчеты свели.
«*Отечество!*»
  Вместо былого отечества
Дворян и банкиров, попов и купечества
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,
Мы строим великое царство Труда.
И этой — родной нам по-новому — родины
У нас не отбить никому никогда!

1934

ГЕРОИЧЕСКАЯ РОДИНА

Давно ль? Но кажется, что так давно, давно,
Страною будучи пространственно великой,
Мы жили тягостно, и бедно, и темно
Под гнетом старины, под игом власти дикой.
Порфироносное рубили мы бревно
В борьбе с помещичьей и биржевою кликой
И завершили бой с дворянством и царем
Победною грозой, великим Октябрем.

Глядело прошлое на нас трухой и сором.
Из каждой фабрики, из каждой борозды,
На бой с разрухою, с наследственным позором
Мы ринулись, сомкнув рабочие ряды.
Путь пройденный теперь окинув светлым взором,
Мы подвигом своим заслуженно горды,
Горды могучею советскою страною,
Нам ставшей родиной по-новому родною.

За эту родину мы лили кровь и пот,
Крепя культурное ее благоустройство,
Невиданный размах невиданных работ
Всесветно выявил страны советской свойство,
Страны, где армия, и поле, и завод
Имеют общий стиль, и этот стиль — *геройство*.
Неиссякаемой энергии полна
Несокрушимая советская страна.

Да, не в чести у нас остатки разгильдяйства,
Да, сорнякам у нас простора нет уже,
Да, необъятен рост советского хозяйства,
Да, с каждым годом мы на новом рубеже.

Но расслабляющий геройство дух зазнайства
Нам чужд, и каждый миг наш глаз настороже,
Мы за врагом следим, доверясь нашей броне,
Всегда готовые к труду и обороне.

Мы чтим восторженно героев имена,
Нас вдохновляет вид их статуй и портретов.
Герои — у станков, у пушек, у зерна,
Средь чертежей и книг ученых кабинетов.
Их нынче назовет любовно вся страна,
Перекликая их на выборах Советов.
Всем, богатырский дух играет в чьей груди,
Им в списках выборных всем место — впереди!

26 октября 1934 г.

СИМФОНИЯ МОСКВЫ

И красочный, и песнозвонный
Весь день — такой неугомонный! —
Звенел в ушах, сверкал в очах.
Москва, отпраздновав Октябрьский день парадом,
Вся изукрашена сверкающим нарядом,
Купалась вечером в прожекторных лучах.

Так было радостно, торжественно-бравурно!
Так необычен был для глаз
Людской поток, спадавший бурно
К проспектам, зримым в первый раз.

В Охотном выросли два дивных исполина.
Как будто лампа Аладина
Их в ночь в одну произвела.
На месте Моховой асфальтная долина
Волшебным видом расцвела.

Проспект, ликующий и светом и простором,
Открылся удивленным взорам
Там, где бесследно сметены
Остатки хилой старины:
Поросшей мхом, покрытой сором
Китайгородской нет стены!

Затмивши древности величие седое,
Там, где грядущего строительства крыльцо —
Ряд площадей слился в одно полукольцо,
Явилось нам Москвы советски молодое,
Неузнаваемо прекрасное лицо.

С сияющих витрин перед народной гущей,
Перекрывая гул восторженной молвы,
Звучала красками строительной канвы
Архитектурная симфония грядущей,
Великой, Сталинской, победно-всемогущей,
Гранитно-мраморной Москвы!

10 ноября 1934 г.

ЯРОСТЬ ОБРЕЧЕННОСТИ

Великий наш Союз — он стал неузнаваем.
Не покладая рук жизнь новую творим,
И многие из нас — о всех не говорим —
В порыве творческом порой мы забываем,
Что классовый наш враг день каждый, каждый час

Глядит озлобленно на нас,
Следит за каждым нашим шагом,
С тем чтоб — прием злодейский стар —
Прокрасться к нам под мирным флагом
И нанести предательский удар.

Нет Кирова. Боец с сметенным нами царством,
С народной кабалой, с похабным подлым барством,
Герой всех трудовых и боевых фронтов,
Строитель пламенный заводов, городов,
Сраженный вражеским коварством,
Он выключен в расцвет невиданных трудов
Из наших творческих рядов.
Вождь, полный сил, — он пал до срока.
Он — грозовой таран для вражеской судьбы.
Еще один пример жестокого урока,
Урока классовой борьбы.

Бессилье вражье, ты взъярилося недаром:
Ты, разлучившее нас с другом боевым,
Перед своим концом стоишь пред роковым,
Пред нашим грозно-громовым,
Уничтожающим ударом!

2 декабря 1934 г.

К ОТВЕТУ!

Есть радость в творческом горенье,
Присуща силе красота,
Мысль напряженная в паренье,
Ясны — в волшебном озаренье —
Даль, глубина и высота.
В борьбе геройской и опасной
Жизнь представляется другой —
Такой приманчиво-прекрасной,
Такой бесценно-дорогой,—
Так жаждешь каждое мгновенье,
Чтоб полноценный дали плод
И сердца каждое биенье,
И мысли каждый поворот,
Не утерять чтоб малой крохи
Из дел великих, из идей
Незабываемой эпохи
Незабываемых людей, —
Так жаждешь в винтик претвориться,
Ремнем по валикам ходить,
В рабочей массе раствориться
И в общем фронте победить!

Но пригвожденным к делу взглядом,
Не озираяся кругом,
Недосмотреть легко, что рядом
Ползет, смертельным полный ядом,
Злой гад, подосланный врагом,
Врагом, не прямо, так окольно
Ведущим линию свою.
Урок получен. С нас довольно.

Убийц — на общую скамью!
Слова? Им нету больше веры.
Дела? Мы видели дела.
Предатели и лицемеры
Берут прицел из-за угла.
Коварство их — оно пред нами,
Разоблаченное насквозь.
Мы с их знакомы именами,
Всё те ж они, звучат не врозь,
Те ж языки и те же перья.
Лжецы, искавшие доверья,
Должны ответить все — пора!—
Ученики, и подмастерья,
И — вместе с ними — «мастера»,
Все, кто в прохвостах обалдело
Своих пророков признавал,
И — кто пустил оружье в дело,
И — кто оружье им ковал!

23 декабря 1934 г.

ПЕРВОЕ СЛОВО

Пленуму Союза советских писателей,
назначенному в г. Минске и посвященному советской поэзии

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
Белорусского письма.
От легенд от ваших и от сказок
Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрыла.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семья родных певцов
Из Москвы, из Киева, Казани,
Из Тбилиси, из Баку,
Сходных столь по духу их писаний,
Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве о новом,
О певцах о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет первым словом
Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,
О борьбе, в которой знамя наше
Возвестит конец фашистских дней,
О борьбе великой, неизбежной,

Мировой, решающей борьбе,
В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

8 февраля 1936 г.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ[1]

В момент торжественно-серьезный
Гремела песней зала вся.
...Ушли на подвиг на колхозный,
С собою образ грандиозный
Вождя и друга унося
И унося с собою гордость
Не только им, но и собой,
Своею радостной судьбой,
Пред миром всем явившей твердость
Того, что добыто борьбой,
Что — если день настанет грозный —
Покажет всем, что строй колхозный
Вмиг из ограды трудовой
Оградой станет боевой.

Друзья мои, до новой встречи!
Мужик природный, «столбовой»,
С какою радостью живой
Я жадно слушал ваши речи!
Как много дали мне они!
Мне показались эти дни
Сплошною сказкою волшебной
По силе творчески целебной
И ваших слов, и ваших дел.
На вас глаза я проглядел.
В быту взращенный стародавнем,
Я вспоминал свой «отчий дом»,
Избу, стоявшую с трудом,

[1] К закрытию 2-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников.

Окно слепое с ветхим ставнем,
Пустой сарай, амбар пустой,
Среди двора бурьян густой,
Соседей рваных и соседок,
Детей ходивших нагишом,
Все, что терпел я малышом
И от чего — пример не редок —
Сбежал я в город напоследок.
Я расскажу когда-нибудь,
Какой прошел я тяжкий путь.
О нем лишь к слову говорю я.
Его, не плачась, не горюя,
Будь этот путь трудней стократ,
Преодолеть я был бы рад,
Чтоб, несмотря на все подвохи,
Что жизнь чинила мне порой,
Дожить до радостной эпохи,
Несущей миру новый строй,
Дожить до этой встречи с вами,
Упиться вашими словами
О том, что прошлому — капут,
Что не страшны его угрозы,
Что в деревнях и там и тут
В достатке крепнущем растут
Культурно-крепкие колхозы.
Как много хочется сказать!
Но трудно мне слова низать.
Я пел, когда я был моложе,
Как птица вешним днем в лесу,—
Теперь пишу я реже, строже,
Любое слово на весу.
К чему восторженные охи
И пестрых красок карусель?
Мы все — работники эпохи,
Какой не видел мир досель.
Мы строим, учимся, мы пашем
И — кулаками зря не машем.
Мы сами чувствуем свой рост.
Язык речей на съезде вашем
Был деловит и крайне прост.
А сколько было в нем кристаллин,
Достойных речи мудреца!

И как ловил их жадно *Сталин,*
Не пропускавший ни словца!
Венчало сталинское «браво!»
Удачный мысли оборот.
Нет, как же выросли мы, право!
Неузнаваемый народ!

На этом свой привет кончаю,
Кончаю просто, без прикрас.
До съезда Третьего, я чаю,
Поговорим еще не раз.

18 февраля 1935 г.

ХЭЙ! ИЛИ «ДОКТОР ГОЛОДА»

Берлин, 31 октября.— По официальному приглашению Гитлера в Берлин прибыл американский врач Хэй, известный у себя на родине под кличкой «доктор голода».

«Последние новости» от 1 ноября 1936 г. № 5700. Статья «Организация голода в Германии».

Я по-испански не пишу
И на себя за то в обиде,
Но я Испанией дышу
И — сердцем, мыслью — весь в Мадриде.
Негодования полна
Вся, вся Советская страна,
Страна народа-исполина,
Гремит проклятием врагу,
Чей фронт слился в одну дугу,
Дугу — от Рима до Берлина.
Стихи равняя на бегу,
Веду бойцов своих в атаку.
Удар мой первый по врагу —
В Берлин, в фашистскую клоаку.
«Х-э-э-эй!!»

Не углубляяся в века,
Мы все ж начнем издалека
И дату первую укажем
С победы гитлеровской, скажем.
О чем фашисты-главари
В те дни истошно ни кричали!
«Мы через года два иль три

Жить будем, немцы, без печали.
Полезет немцам счастье в рот
Само, как пышный бутерброд.
На хлебе — маслице коровье.
Ешь, сколько влезет, на здоровье!»
Ан вышло все наоборот,
Ан бутерброд, скажи на милость,
Какой и был, из года в год
Стал приходить заметно в хилость,
И — в завершенье прочих бед —
Он под конец сошел на-нет.
Взяла Германию унылость.
«Хейль Гитлер!» — это ж не обед!
Нужда не в масле уж, а в хлебе.
Вожди фашистские давай
Про журавлей горланить в небе,
Про украинский каравай:
Они возьмут советский край,
Поработят в нем все народы,—
Тогда уж, немцы, не зевай,
Знай — рты пошире разевай,
Забыв былые все невзгоды!
Вон «журавли»-то каковы
В речах фашистского героя.
Да вот на деле-то, увы,
Все журавли-то у Москвы
Аэропланного покроя:
Задень их, боже сохрани,
В строю воздушно-журавлином
Не закурлыкали б они
Победоносно над Берлином!

Для сногсшибательных затей
Пришлось искать иных путей,
Иных загаженных каналов.
Нашли — испанских генералов:
«Народный фронт?!. Стреляй! Дави!
Уж мы поможем вам по-свойски!»
И вот — Испания в крови,
Но бьется в ней народ геройски,
Но грудью стал он за Мадрид!
В Берлине бешенство царит,

В Берлине яростные клики,
Антисоветские улики:
«Мадрид бы пал уж в сентябре!»
Москва мешает их игре!
Да, затянулося с игрою.
Зима меж тем уж на носу.
А бутерброд ушел из строю,
Куда-то смыло колбасу.
Народ — опричь фашистов тучных —
Стал приневоленным чтецом
Агиток длинных, нудно скучных,
Бессовестных, псевдонаучных
С неутешительным концом:
«Не ешь ни мяса, ни жиров.
Хейль Гитлер!» То-бишь, будь здоров!

Ума фашистского пучины
Полны отчаянных идей
Насчет мороченья людей.
Не для иной какой причины
В Берлин был вызван чудодей,
Американский доктор Хэй,
Иль «доктор голода» по кличке.
Труд у него ученый есть,
В котором бой он дал привычке,
Дурной привычке, — «сытно есть».
«Еда! Какие предрассудки!
Еда страшнее всех зараз!
Есть можно раз, не больше, в сутки,
А лучше — в двое суток раз, —
Во избежанье несваренья
И растяжения кишок
Есть исключительно коренья
И подзаборный лопушок».

Что я пишу вам правду-матку,
Даю вам точную цитатку:

Сущность режима, предписываемого Хэем, весьма проста: надо питаться только один раз в день, и притом не каждый день. Надо есть лишь вечером очень легкий обед и лишь в том случае, если чувствуешь сильный голод.

В Лондоне, по пути в Берлин, Хэй заявил журналистам:

— Я еду по личному приглашению фюрера. Гитлер хочет, чтобы я изучил внимательно здоровый *питательный режим для средних и низших слоев населения применительно к германским условиям.* Цель, преследуемая мной, формулируется в следующих словах:

«Рациональное питание путем недостаточного питания». Применяйте этот режим к бедным, плохо питаемым детям, и вы увидите, какие они вырастут здоровые и счастливые.

«Последние новости» 1 ноября 1936 г.

Вот где «режимчик»! Благодать!
Кто мог режим такой создать?
Головорезы? Юмористы?
Доуправлялися фашисты:
Сидят, как раки на мели.
Вот до чего авантюристы
Народ немецкий довели,
Народ культурности великой.
Народ упорного труда,
Бездарною фашистской кликой
Куда приведен он? Куда?
С антикультурною основой
Он — под фашистским сапогом,
Под гнетом власти безголовой,
Его судьбой играть готовой —
Стал человечеству врагом,
Стал надвигающейся, новой
Всемирной бойни очагом,—
Он, в чьих руках и плуг, и молот
Обогатить могли страну,
Он обрекается на голод
И на кровавую войну:
Он будет брошен в гул походный,
Как зверь свирепый и голодный,
Коль сам мозолистой рукой
Врагов не бросит в ящик сорный!

Хэй! «Доктор голода»! Какой
Символ насмешливо позорный!
Как он составился хитро!

16*

«Хейль Гитлер!»— Это уж старо.
Теперь фашизм в другом привете
Себя покажет в полном свете.
Фашизма сущность в нем дана:
«Хэй — Гитлер!»
Голод и война!

1936

ЦВЕТЫ И КОРНИ [1]

1

Вдохновенные речи
Про соцстроительство
Где?
В Кремле,
В бывшем царском покое.
В президиуме правительство?
Правительство.
Да какое!
Ораторша — дельная,
Не балаболка,
А по виду —
Так «молода-зелена»,
Трактористка,
Ударница
И комсомолка —
Паша Ангелина.
Ее слово
И дело
Живут неотторженно,
Между словом
И делом
Разрыва нет злого.
Овацией
Зал отвечает восторженно
На каждое меткое,
Звонкое
Слово.

«Мы, комсомолки,
Овладели машинами,

---

[1] Написано к X съезду ВЛКСМ.

В горючем
Не знаем перерасхода.
Победного знамени
В соревнованье с мужчинами —
Мы не уступим,
А держим —
Три года!

В мужской бригаде
Машины
С изъянцами:
Две —
Плетутся в ремонт.
Две —
У них на буксире.
Мы свои привели
С песнями,
С танцами,
На исправном ходу
Все четыре!»

Речь была эта
Песнью
Призывно-плакатной,
Колхозной победой
Над агротехникой
Косной,
Чудом
Паши Ангелиной,
Трактористки знатной,
Комсомолки
Орденоносной!

2

«История одной семьи».
Материалы не мои.
Об этом было в «Комсомолке»[1].
— Село. Убогая изба.
Отец мой бедствовал. Судьба
Его не гладила по холке.

[1] Василий Ангелин. История нашей семьи, «Комсомольская правда», 2 апреля 1936 г.

Искал работы он везде,
То был шахтером, то батрачил,
Пред кулаком — в лихой нужде —
Себя корежил и корячил.
Рвался к земле, брался за плуг:
«Начну хозяйничать сам-друг».
Такую делал тож попытку.
Но изо всех его потуг
Не получалося прибытку.
Нужда хватала за бока,
До срока старили заботы.
На стороне у кулака
Пришлось опять искать работы.

Избушка наша — хлев точней,
Где клоп царил и нас тиранил,—
Мой дед не мог сказать о ней,
Кто и когда ее сварганил.
В ней, отживавшей долгий век,
Как приходило время к ночке,
Семейством в десять человек
Сбивались мы, как сельди в бочке.
Все спали вместе. Теснота.
На всех два рваных одеяла.
И уж какая духота
В избушке о-полночь стояла!

Нас, детвору, отец и мать,
Хотя безграмотные оба,
От книг не стали отнимать.
Мудра ли сельская учеба?
Мать говорила иногда:
«Сама б училась, будь моложе.
Вы, детки, если б не нужда,
Могли бы в люди выйти тоже,
Прошли бы, не были б глупы,
Иль в доктора, или в попы.
Больной... Что жаль ему, больному?
Он часто доктору иному,
Чтоб не болеть и не страдать,
Готов последнее отдать.
А у попа того доходней,

Жизнь — не загадывай вперед:
По крайней милости господней
С живых и с мертвых поп дерет!»

Винить ли мать за эти речи?
Нужда ей гнула спину, плечи.
Судила так она ль одна?
Такие были времена.
Мать нам желала лучшей доли,
А долей что звалось? Не то ли,
Как за чужой кормиться счет?
Кто был богат? Кому почет?
Тем, что, держась былой морали,
Живых и мертвых обирали.

Но материнская мечта
Мечтой осталась. А на деле
Жизнь оказалася не та.
Окончив школу еле-еле,
Мы, двое братьев, мелкота,
Узнали, как горят на теле
Следы хозяйского кнута.
В своем хозяйстве неустройка,
— Не всем удача на веку,
Не ходит счастье к бедняку,—
Отец и я с братишкой — тройка —
Пошли в неволю к кулаку.
«Пойдем к тому, кто побогаче,—
Сказал отец,— нельзя иначе.
Кому висеть уж на суку,
Тот, не сорваться чтобы с петли,
Гляди, сука покрепче нет ли!»
Кулак же Савин был таков,
Кулак средь прочих кулаков:
Навалит он работы вволю,
Из нас последний выжмет сок,
Все ж у него на нашу долю
Побольше выпадет кусок.
Но нам все время выпадало
За труд наш каторжный так мало,
Что дома та ж была нужда,
— А десять ртов насытить просто ль?—

Так все мы черствым хлебом вдосталь
Не наедались никогда.
Да, жили мы в те дни отпето.
На девятнадцатом году
Советской власти вспомню это
И сам руками разведу:
Как жили мы в таком аду?!
То, что случилось с бедным людом,
Когда пришел советский строй,
Мне представляется порой
Непостижимо чудным чудом.

Отец мой жив, и мать жива.
Но жизнь — совсем другая бирка.
Вы посмотрели б, какова
У них колхозная квартирка!
Они уже девятый год
Во-всю работают в колхозе.
Корова есть, свинья, приплод,
Хороший сад и огород.
Одеты, сыты, есть доход.
Не пляшут босо на морозе.
Я помню мать, ее глаза
И крик, что ей не сыновья мы,
Когда мы с братом образа
Таскали в мусорные ямы.
А через семь годков она ж
— В году... в тридцатом, помню точно,—
Вошла в такой безбожный раж,
Так фронт безбожный сбила прочно,
Что поп, облапив попадью,
Забрал пожитки и — адью,
К чертям куда-то смылся срочно.

Брат, Николай, в селе родном
При Эм-те-эсе агроном.
Иван, учиться став ретиво,
Был политграмотным на диво,
Парторга в нем имел колхоз,
Как говорится, первый номер,—
В колхозе было много слез,
Когда его не стало. (Помер.
Его свалил туберкулез.)

Брат, Константин, был в Красном флоте.
Способный. Младший командир.
Теперь, пока не сорван мир,
В колхозе — в тракторной работе.
Я сам уже пятнадцать лет
Держу пред родиной ответ:
Быв комсомольцем поначалу,
Пришел к партийному причалу,
Несу, как знамя, партбилет,—
Партсекретарь уже три года
Одной из воинских частей,
Стоящих там, где ждет невзгода
Всех, в край наш ищущих прохода,
Лихих, непрошенных гостей.

Скажу о сестрах. Харитина
Была безграмотна, темна.
Теперь — не та совсем картина,—
На честь ударница она,
А книжку тащит даже в поле.
Елена — детработник в школе,
С утра до ночи занята.
А Надя — учится. И та
И эта — обе в комсомоле.
Сестра четвертая — о ней,
О чудесах ее бригады
Рассказ бы вышел подлинней.
Как мы, родные, были рады,
Что удостоилась она
(Об этом знает вся страна)
Великой чести и награды.
Брат, Константин, кричал «ура»,
Когда прославилась сестра,
И, не держа порыва в тайне,
Сестру на честный вызвал «бой»:
«Я соревнуюсь с тобой
На тракторе иль на комбайне!»

Вот где веселое житье!
Да... о сестре любимой нашей
Я упустил сказать: ее
Зовут — Ангелиною Пашей.

11 апреля 1936 г.

НЕПОБЕДИМАЯ СТРАНА

Из цикла «Родина»

1

Приходит «Правда» за границу.
Читает «Правду» белый гнус,
Ругает первую страницу:
«Какая серость! Что за вкус:
Смесь угля, стали и бензина...
Еще завод... Какой-то путь...
И ежедневно образина,
Прославленная чем-нибудь,
То трактористка, то доярки,
То молодца из кочегарки,
То матерого кузнеца,
То машиниста высшей марки,
То пограничного бойца,
То двух ткачих, то водолаза,
То углекопа... Скверный сон!
Как оскорбительны для глаза
Портреты этаких персон!
Ура... Мельканье киноленты...
Увековечены моменты...
Им, чьи отныне имена
Знать будет твердо вся страна,
Им Сталина аплодисменты
И — верх почета!— ордена.
Нет, насмотрелся я, спасибо!
Ну, мыслимо ль еще где-либо,
Чтоб серой этакой орде...

Нет, нет, немыслимо нигде!»
  Перебирает гнус все страны.
А со страницы «Правды»— во!—
Герой-боец погранохраны
Глядит с усмешкой на него.

2

Мы все поем уныло.
А. Пушкин

Выстраданный стих, пронзи-
тельно-унылый...
О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь!
Н. Некрасов

С какою давностью постылой
Простились мы, расправив грудь!
«О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь!»
«Унылый стих». «Поем уныло».
Вот надрывали чем сердца
Первейших наших два певца.
Но чем и радовать-то было
Там, где судьба слыла «лихой»,
Провинция звалась «глухой»,
Народ — «немым», деревня — «темной»,
Жизнь — мукой, скорбью неуемной,
Хлеб — «горьким», смесью с лебедой,
Рожденье дочери — бедой,
Жилье — берлогою медвежьей,
Лошадка — клячею худой,
Дорога — топью непроезжей,
Труд — каторгой, любовь — грехом,
Продажность всюду и кругом —
Чиновно-бытовой картиной,
Подряд — казенным пирогом,
Крестьянин — «серою скотиной»,
Рабочий — внутренним врагом,
Власть — вместе с царственной особой —
Звалася властью дуролобой
И душегубской, «хуже нет».

Знал Веневитинов, поэт,
Что он клеймил, какою пробой,
Когда с презрительною злобой
Оттачивал такой памфлет:
«Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем господский кнут.
И вот что многие болваны
«Священной» родиной зовут!»

3

Да, эта горечь нам понятна.
Был прав разгневанный певец.
Теперь былые язвы, пятна
Уничтожаем мы вконец.
Страна рванулась к жизни, к свету,
Встречая бодро новый день.
«Глухих» провинций больше нету,
И нету «темных» деревень.
Косноязычному ль увечью
Мы проложили путь в эфир?
«Немой народ»! Громовой речью
Он потрясает целый мир.
Мир ею надвое расколот,
Врагов бросает в жар и в холод,—
Друзья в пример ее берут,
Ловя — в неволе — наши вести,
Что делом доблести и чести
Стал героический наш труд,
Что человеческую ценность
В основу жизни мы берем,
Что нашей родины священность
Мы утвердили *Октябрем*,
Что, как разлив весенний, бурно
Шумит в ней творческий поток,
Что по-стахановски культурно
Стучит в ней каждый молоток,
Что про унылую заразу
Петь не советскому певцу,
Что узнаем врага мы сразу
По омраченному лицу.

4

> Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится.
>
> *И. Сталин*

По городам, по дальним селам,
Сегодня, радостью полна,
Парадом празднично-веселым
Пройдет советская страна.
По дальним селам, по станицам,
По охраняемым границам
Пройдут, проскачут на коне
Все, кто по правдинским страницам
Стал знаменит во всей стране:
Пройдут бойцы погранохраны,
Пройдут армейские бойцы,
Пройдут партийцы-ветераны
И комсомольские юнцы,
Пройдут рабочие колонны,
Пройдут колхозные ряды,
Пройдут полярники, что склонны
Взорвать фашизм, не только льды,—
Явив приемы боевые,
Разбив заторы там и тут,
С победным знаменем впервые
Герои транспорта пройдут,—
Пройдут стахановцы-шахтеры,
Высоких темпов мастера,—
Пройдут комбайнеры, монтеры,
Механики, конструктора...
В один комплекс и мозг и руки
Соединивши навсегда,
Пройдут ударники науки,
Пройдут ударники труда.
Равно присущие им свойства
Роднят их в общую семью:
Все это — полные геройства
Бойцы за родину свою.
По особливо символичной,

По Красной площади столичной,
Заветам Ленина верна,
Пройдет сверкающим каскадом,
Блестя оружьем и нарядом,
Их песнезвонная волна.
И скажет *Сталин* словом, взглядом
Соратникам, стоящим рядом:
«*Непобедимая страна*!»

1 мая 1936 г.

ДВУЕДИНАЯ ВОЛНА

Рать фашистская ретива,
Разухабистая рать.
Нет особенного дива,
Коль она на два мотива
Начинает сразу врать.

В чем тут дело, разбери-де!
От фашистов свет узнал,
Что Москва теперь в Мадриде
Свой имеет филиал:

«Весь народный фронт испанский
Есть создание Москвы!»
«План Москвы раскрыт гигантский!»
Вот открытья каковы.

Вопль фашистский стал неистов:
Ври, что мочи, вперегиб!
«Если б не было фашистов,
Весь бы мир уже погиб!»

«Мы на страже!»
    «Мы на страже!»
«Караул!»
    «Пожар!»
        «Горим!»
В озверело-диком раже
Голосят Берлин и Рим.

«Поддержать мы вас готовы!»
Подголоски верещат:
«Большевистские основы
Без того уже трещат!»

«Украина без бананов:
Все бананы выбил град!»
«На Москву идет Стаханов!»
«Отделился Ленинград!»

Больше слухов! Больше мути!
В ход любую дребедень!
Дичь нелепую до жути
Преподносят каждый день.

Позабывши брёх вчерашний,
Порют дичь на новый лад:
«Возле Сухаревой башни
Коминтернский был парад!»

«Генералу Агитпропу
Боевой вручен приказ:
Взять Европу! Сжечь Европу!
Надо кончить с ней зараз!»

Идиотству нет предела.
В чем тут собственно секрет?
Это всё — по сути дела —
Предвоенный буйный бред.

Это подлинные знаки,
Что готовится война:
Впредь до газовой атаки,
До начала самой драки —
Одуряющие враки,
Лжи газетной белена.

Как ни подл и ни циничен,
Как ни глуп фашистский бред,
Он по-своему логичен,
Как логичен всякий вред.

Гной больного организма,
Паралич, идиотизм,—
Как логичны для троцкизма
Терроризм и бандитизм!

Троцкий!.. Вот где грязи — вдвое!
Вот фашистский где герой!
Вот чей вой в фашистском вое
Лейтмотив дает второй.

Клеветнического штаба
Омерзительный солист,
Вот кто выпрыгнул, как жаба,
На болотно-смрадный лист!

Вот кто знает все каналы
Журналистского жулья,
Вот кто прет материалы
Для фашистского вранья.

Вот кто страхи нам пророчит
И, кривя змеиный рот,
Наш народный суд порочит,
И порочит весь народ!

Есть народная примета
(У народа глаз остер),
Про брехливого валета
Говорит примета эта:
«Шибко ехал, пятки стер!»

Троцкий пятки стер и совесть.
Смрад! Предельная черта!
Нам портрет такой не в новость:
Троцкий — с пеною у рта.

Он владеет редким даром:
Из провала лезть в провал.
«Балалайкиным» недаром
Ленин сам его назвал,

Да «Иудушкой» впридачу
Тож назвал его не зря.
Вот поставил кто задачу
Срыть основы Октября.

Только рыла нехватило.
Нехватило? Наплевать.
Стал фашистское кадило
Гнус продажный раздувать.

Уличенный в бандитизме,
Он в Норвегии кривит,
На «невинном» журнализме
Он отъехать норовит,—

Искупитель он — дер Миттлер —
Не своей совсем вины,
Он кой-что строчит, хейль Гитлер,
Ради сына и жены.

В амстердамском желтом сите
Он просеян до зерна.
«Вот де-Брукера спросите!
Вот спросите Ситрина!»

Эти ж милые персоны
От услуг таких не прочь,
Рады врать на все фасоны,
Чтоб преступнику помочь.

А пока там суд да дело,
Троцкий («Я еще живой!»)
Подвывает оголтело
Под фашистский злобный вой.

Ждем последнего «этапа»,
Остается он один:
«Троцкий с паспортом гестапо
Срочно выехал в Берлин!»

Там прямой приют бандиту,
Там он, мстить нам дав зарок
За друзей своих и свиту,
Обретет себе защиту...
На большой ли только срок?!

Вот откуда непристойной
Клеветы, грязна, мутна,
Как из ямы из помойной,
Льется, плещет жижи гнойной
Двуединая волна!

5 сентября 1936 г.

СТРАНА РОДНАЯ

Как много ржавчины и лому
В наследье старом набралось!
«Любовь к отечеству» былому
Была отравлена насквозь.
Любовь отравленная эта
В когтях двуглавого орла
У величайшего поэта
Жестокий облик обрела.
Не он ли пел подобострастно.
«Все русскому мечу подвластно!..
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой,
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена!»
«Любовь к отечеству». Она
В такой оправе стихотворной,
Как ни скреби ее, ни мой,
Была и впрямь «заразой черной»,
То-бишь смертельною чумой
Для всех «племен», то-бишь народов,
Подвластных царскому мечу.
Кровь усмирительных походов
Лилась на царскую парчу.
Всю нечисть барскую питала,
Крепила соки капитала,
Банкирских и поповских клик,
И незаслуженно пятнала
Народно-русский ясный лик.

Не вспомнить как теперь об этом,
Когда так радостно вокруг,

Когда «москвич» звучит приветом,
Когда везде — зимой и летом —
Москвич первейший гость и друг.
«Москвич!» — Глядят во все гляделки,
Проверка: хлам или не хлам?
Москвич проверен: «Без подделки!»
«Приехал не играть в горелки:
По исключительным делам!»
Москвич весь в творческом азарте.
Доклад. Ликует бурно зал:
«Завод-гигант заложим в марте!»
«Карандашом ему на карте
Сам Сталин место указал!»
Доклад весь в цифрах, в стиле грузном,—
Но кто же цифрам нынче чужд?
«Завод — в масштабе всесоюзном
С учетом полным местных нужд.
Здесь — мимо горного порога —
Пройдет железная дорога.
Что? Вузы? Сколько? До пяти.
Вот здесь пророются каналы...»
«Ух ты!»—«А как материалы?»
«Машины главные в пути».
Пошли дела чудесным ходом.
Москвич в работе там и тут.
Он русским выращен народом,
Но средь якутов он — якут,
Средь украинцев — украинец,
Средь белоруссов — белорусс,
Различья нет ни на мизинец:
Мы все слились в один Союз,
Идем к одним завоеваньям
Сплошной стеной, плечо с плечом.
«Москвич» — природным стало званьем,
Не опороченным ни в чем!

Страна родная! Песня эта,
Октябрьской радостью звуча,
Тебе несет слова привета
От пролетарского поэта
И в то же время — москвича!

6 ноября 1936 г.

РАСТЕТ СТРАНА

Из цикла «Родина»

Когда, волнуясь, я прочел
Законов сталинских скрижали,
Мне показалось: сотни пчел
Вокруг внезапно зажужжали,
Запели рядом соловьи,
В окно приток живой струи
Внес полевые ароматы...
И в этот час, друзья мои,
Я отстегнул броню и латы
И отложил колчан и меч.
Каких не знал я с ними сеч!
В какие их не брал походы!
Мне показалося, что с плеч
Упали прожитые годы,
Что предо мною впереди
С пути исчезло все худое,
Что в молодой моей груди
Вновь бьется сердце молодое,—
И услыхал я голос — чей?
Казалось, знойных дней услада,
Звенит серебряный ручей
Средь очарованного сада.
С той стороны, где пламенел
Восход, разлившийся безбрежно,
То голос девичий звенел
И упоительно, и нежно.

— Я родилася и живу
В стране свободной и счастливой.
Я вижу сказки наяву
Сквозь утреннюю синеву
Над колосящеюся нивой.
Везде — вблизи, вдали, кругом,
Границ для творчества не зная,
Окрепшая в борьбе с врагом
Растет страна моя родная.

Средь дивных подвигов труда
И в вёдро ясное и в грозы
Растут в ней чудо-города,
Заводов мощная чреда
И плодоносные колхозы.

Юг, север, запад и восток
Слились в один электроток
С Москвою, радостной столицей.
Я в этот творческий поток
Вольюся творческой частицей.

Хочу со всеми наравне
Расти культурно с каждым годом.
О, как хотелося бы мне
В моей родимой стороне
Быть самым лучшим садоводом!

Мичурин был. Его уж нет,
Он был великим чудодеем.
О, если б мне узнать секрет,
Как дать невиданный расцвет
Его заветам и идеям,

Чтоб превратились города
В сады тенистые и парки,
Чтоб мак расцвел и резеда
Там, где железная руда
Стремится в пламя сталеварки,—

Чтоб дуб и клен, сквозь царство хвой
Дойдя до Арктики самой,
Где ледяные рвут пороги,

Зеленой обвели каймой
Все улицы и все дороги,—

Чтоб там, где в мусоре, в пыли
Серели тощие осины,
Весной магнолии цвели
И летом зрели апельсины,—

Чтоб на заводах средь станков,
В домах рабочих и в столовых
Глаза ласкал бы вид цветков,
Цветков невиданных и новых,—

Чтоб межевые тополя
Срослись в защитные аллеи,
Чтоб на колхозные поля
Не прорывались суховеи,—

Чтоб там, где нашу мощь и честь
Хранят советские дозоры,
Вдоль всех границ, какие есть,
Могли приманчиво расцвесть
Садов пленительных узоры!

И я сказала бы тогда
Всем нашим братьям зарубежным,
Всем, всем невольникам труда,
В трущобах чьих живет нужда
И дышит воздухом ночлежным:

«Друзья, взгляните все сюда
На наши села, города
С их достояньем всенародным,
На все, чем наша власть тверда,
Чего в геройские года
Достигли мы трудом свободным:

От мест, где недр земных наклон
Дает нам руд мильярды тонн,
И до любой площадки детской
Здесь дышит сталинский закон,
Дух Конституции советской.

Он дышит всюду и везде,
Он правит творческой волною,
Он — в нашем радостном труде
И в каждом сладостном плоде,
Любовно выращенном мною.

Вы, все, кто жаждет свергнуть ад
Любой страны фашистской дикой,
Войдите в мой цветущий сад,
Сад родины моей великой.

Но если... если, вместо вас,
Осатанелые от злости,
Для нападенья выбрав час,
Иные ринутся к нам гости,

Свой полк на фронте я найду
И, приколов к мундиру ветку,
В атаку первою пойду
И первой вызовусь в разведку,—

С винтовкой меткою в руках
Я покажу своим ударом,
Что в ворошиловских стрелках
Я числюсь снайпером недаром!»

Очнулся я. Передо мной
Газеты свежие лежали.
В них был закон наш основной,
Законов сталинских скрижали.

Их смысл всемирный разобрав,
Сказал я, помня вражий нрав,
Присущий нашему окружью:
«Да, голос девичий, ты прав!»
И потянулся вновь к оружью.
В преддверии грозовых сеч
За торжество всемирной даты
Я вновь надел колчан и меч
И застегнул броню и латы.

1936

ТВОЕ БЕССМЕРТИЕ В БЕССМЕРТЬЕ НАШИХ ДЕЛ!

Памяти т. Серго Орджоникидзе

Вокруг сраженного внезапной смертью друга
Соратники-бойцы тесней сомкнули строй.
Смертельным приступом сердечного недуга
    Из строя выведен герой.
Спадает прядь волос на мрамор лба холодный.
Ты ль это, наш Серго, кипуче-огневой?!
Нет, нет, не умер ты, наш рыцарь благородный:
Ты нашей гордостью останешься живой.
    Он будет с нами— образ твой,
    Когда грозо̀вые всполохи
Определят врагам их роковой удел.
Твое бессмертие в бесмертье наших дел,
В величье ленинской и сталинской эпохи!

18 февраля 1937 г.

СТРАНА ЛЮБУЕТСЯ

Поэт заслуженно любим и знаменит,
И стих его в сердца сограждан проникает,
Когда народным счастьем он сверкает
И радостью народною звенит.

Страна любуется героями своими.
И красная Москва, и красный Ленинград,
И вся страна, возглавленная ими,
Уже произнесли излюбленное имя.

Народный голос — он, как мощный водопад,
Как волн морских прибой, стихийно музыкален.
Симфонией звучит предвыборный доклад.
Ликующий финал: «Народ наш гениален,

И знает он, кому даст первый свой мандат!»
В ответе громовом слилися стар и млад:
«Да здравствует товарищ *Сталин*,
Наш гениальный вождь, наш первый депутат!»

Великих наших дел всемирные уроки
Пред высшей датою истории своей.
Она уже близка, и к ней все ближе сроки.
Счастливый, радостный, я посвящаю ей
Свои восторженно-взволнованные строки.

25 октября 1937 г.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

Все крепче темпы, сжатей сроки.
Маяк победы все видней.
В какие огненные строки
Вместить величье наших дней?

Пред миром всем под стягом алым
Стоит — культурна и сильна —
Вся героизмом небывалым
Преображенная страна.

На ней не сказочной ли метки,
Не скороходы ль сапоги?
Какие нашей пятилетки
Феноменальные шаги!

Дарит нас дивными дарами
Живого творчества роса
В необозримой панораме
Необозримая краса:

Где были нищие кочевья,
Сухие травы и кусты,
Растут волшебные деревья,
Цветут волшебные цветы,—

Где изнывал народ от муки,
Неся наследства тяжкий груз,
Там храм Труда и храм Науки
Вступили в творческий союз,—

Преграды все и все заторы
Народной силой сметены,
Необозримые просторы
Советской осью скреплены.

Творцы невиданной культуры,
Бойцы невиданных фронтов,
Мы сталь своей мускулатуры
Включили в лозунг: «Будь готов!»

Да, мы готовы — без нахвалки,
Пусть знает враг и верит друг:
«Кто нам в колеса ставит палки,
Легко останется без рук!»

На всю фашистскую свирепость
Ответим словом боевым:
«Кто посягнет на нашу крепость,
Тот не останется живым!»

Социализм в стране построив
И укрепив кольцо границ,
Мы знаем: мы — страна героев,
Но не героев-единиц,

Нет, мы десятки миллионов
Для боевых своих заслонов
Бойцов-героев создаем.
Враг подсылает к нам шпионов,
Мы им пощады не даем.

И не дадим врагам пощады,
Коль, обезумевши вконец,
Рискнут фашистские отряды
Нюхнуть наш порох и свинец.

Шумна фашистская галерка.
Но от Москвы и до Нью-Йорка,
Всем миром — подвиг чей воспет?
Наш Громов, Чкалов — вся шестерка!—
Не наш прямой залог побед?

Их славный подвиг гениален
В своей невиданной красе.
А кто их выпестовал? — Сталин!
А кто за Сталиным? — Мы все!

Фашисты — в чаянье победы —
Вопят истошно в дикий глас:
У них-де «рыцарские деды».
Но были деды и у нас!

Фашистам русские уроки
Изрядно следует учесть.
Об Александре Невском строки
У самого у Маркса есть.

Как били немцев новгородцы!
Пусть, испытуя грозный рок,
Фашисты, внуки-полководцы,
Припомнят дедовский урок.

Напомнить «внукам» не пора ли,
Сколь дух их «дедов» был геройск.
— «На-по-ле-он!!» — И «деды» драли,
Любую крепость отпирали,
Завидя взвод французских войск.

Не с немцев брали мы примеры,
Когда в «Двенадцатом году»,
— Какой грозе создав барьеры!—
С наполеоновской карьеры
Сорвали пышную звезду.

В войне последней — кто порочил
Наш всенародный героизм?
Втянул нас в бойню, нас морочил
Наш распроклятый враг — царизм.

И все ж не сбились мы со следу,
Найдя врага в его норе,
Не величайшую ль победу
Мы одержали в Октябре?

Не на шестой ли части света
Нет больше рабского клейма?
Вот почему победа эта
Фашистов сводит так с ума!!

И коль они в безумье яром
Нам заявить рискнут: «Война!»,
Мы им покажем контрударом,
Как наша родина сильна,
На героизм какого рода
Она способна в дни похода —
Всего советского народа
Несокрушимая стена!!

1937

1941—1945

УТРО ПОД МОСКВОЙ

В небесах бои ночные
Красных ратников,
Это соколы стальные
Бьют стервятников.

Из боев не все бандиты
Возвращаются —
Мессершмитты в мусоршмитты
Превращаются.

Под Москвою утром галка
Удивляется:
Что ни ночь, то мессерсвалка
Прибавляется.

1941

ДРАЙ ПЕТУК!

Баллада

Офицер фашистский роту
По-фашистски просвещал,
Мародерскую работу
Ей на фронте обещал:
«Птис ви есть хотель? По-русски
Знайте слов немножка штук:
Энтен — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Офицер фашистский роту
Мародерству обучал,
Не смягчая ни на йоту
Основных его начал:
«Мародерство есть без шутки
Блакароднейший наук.
Гензе — гуски, энтен — утки,
Вместа гуски — драй петук!

Грабьте птис в любой колхоза,
Птис во всех дворах гуляйт.
Всех мужик пугайт с угроза.
Не боится? Застреляйт!
Змело требовайт закуски,
Вирийвайт ее из рук.
Энтен — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Но советская пехота
Немцев встретила на честь:
Полегла почти вся рота,

Остальным хотелось есть,
Отощалые желудки
Натерпелись адских мук.
Гензе — гуски, энтен — утки,
Вместа гуски — драй петук!

Ворвалися мародеры
В украинское село,
А «по-русски» разговоры
Позабыли, как назло.
Кто-то вдруг припомнил фразу
После дьявольских потуг.
По дворам фашисты сразу
Заорали: «Драй петук!»

Ели, пили, веселились...
Сном закончив пьяный пир,
В ту же ночь переселились
Немцы все в загробный мир.
Партизаны, из засады
Налетев, как сонных мух,
Их избили без пощады:
«Вот вам, гады,
Дрей петух!»

В Киле, в Гамбурге, в Берлине
Слез не выплакать очам.
Мародеров семьи ныне
С дрожью слышат по ночам:
Кто-то дверь легонько тронет,
Постучится — тук, тук, тук!
И всю ночь надрывно стонет:
«Драй петук!..
Драй петук!
Драй петук!..»

1941

ПОБЕДА

Народная сказка

Жил да был на белом свете,
На прекраснейшей планете,
Молодой петушок,
Золотой гребешок.
Перья красные на нем
Цветом спорили с огнем.
На приволье,
На раздолье
Рос и креп он с каждым днем.
Его росту и красе
Удивлялись люди все:
«Вырос, глянь, какой петух!
Ух, ты! Ух!» —
Удивлялись люди вслух.

Но негаданно, нежданно,
Самовольно, самозванно,
Словно злой, нечистый дух,
Вдруг петух явился черный,
Голос дикий, нрав задорный.
Стал он с красным воевать,
Стал он красного клевать.
Красный бьется,
Не сдается,
Наседает в свой черед
Замечательно.

Только черный верх берет:
«Заклюю тебя,— орет,—
Окончательно!

Жить на свете — знай ты, хам,—
Только черным петухам.
Всем же прочим — карачун!»—
Черный так орал драчун.

Глядь, а красный в эту пору,
Сил набравшись для отпору,
У врага от гребешка
Не оставил корешка,—
В ход пустив стальную шпору,
Рассудительно, без ору,
Он задире вышиб глаз,
Оглушил его в два счета
И по черепу с налета
Стал долбить злодея — раз!
Раз!—Раз!—Раз!—Раз!

Тут и весь, ребята, сказ.
Вот как дело вышло чисто.
Победитель голосисто
На своем родном току
Всем — соседу, не соседу —
Про свою борьбу-победу
Возвестил: ку-ка-ре-ку-у-у-у!

Сказ простой. Чай, всем понятно,
Что скрывается под ним?
Поучительно. Занятно.
Самому читать приятно.
А не только вам одним!

1941

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святую,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, нелегка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1941 г.

НЕСОКРУШИМАЯ УВЕРЕННОСТЬ

1912 год

В Неве крушился лед весеннею водой.
Прилива свежих сил в себе почуяв соки,
Рабочий класс отважно рвался в бой.
Его морочили, грозя ему бедой,
Поддельные друзья и ложные пророки.
Под стягом Ленина вступала «Правда» в строй,
В ней гневно Сталин молодой
Чеканил пламенные строки.
Его искусная и твердая рука
Не оставляла мест живых во вражьем бреде,
И каждая его чеканная строка
Звала уверенно к сраженьям и — победе!

1942 год

Мы с «Правдою» прошли тридцатилетний путь.
Враг новый силился ногой нам стать на грудь,
Уж нашей гибели предсказывал он сроки.
Не захлестнула нас, однако, вражья муть:
Мы сберегли свои, не сникшие ничуть,
Неиссякаемых народных сил истоки,
И в «Правде» — перед «днем рождения» как раз —
С волненьем сталинский читали мы приказ,
Сурово-строгие, торжественные строки.
Весь мир их прочитал, волнуясь в свой черед.
Страх вызовут они в фашисте-людоеде.
Они внедряют в нас, в бойцов и в весь народ,
Неукротимое стремление — вперед,
Несокрушимую уверенность — в победе.
Не могут не громить врага — в любой нужде,
При временной любой невзгоде —
Народ, уверенный в вожде,
И вождь, уверенный в народе!

1942

В борьбе извечной тьма и свет.
Где — тьма, там гаснет мысль, там ужас озверенья.
Где — свет, там разума и красоты расцвет,
Там гениальные рождаются творенья.
От века не было и нет
У тьмы и света примиренья.

Две силы спор ведут о мировой судьбе.
Культура с варварством столкнулися в борьбе,
Досель невиданной, смертельной:
Враг человечества напомнил о себе
Фашистской дикостью и злобой беспредельной.

Он не скрывает, нет, остервенелый враг,
Своих чудовищных, звериных аппетитов:
Он превратил бы мир в казарменный барак!
Свирепая мечта взбесившихся бандитов —
Не дымный, ладанный средневековый мрак,
А тьма пещерная эпохи троглодитов.

Кровавым заревом пылает небосвод.
Необозримое сверкает лоно вод
Его зловещим отраженьем.
Весь мир — культурный мир!— встречает новый год
С суровым мужеством, с железным напряженьем.

Родная сторона, ты с варварством в бою.
Жестокий дав отпор фашистскому зверью,
Ты расчищаешь путь культуре, счастью, благу.

Пред миром всем, громя разбойную ватагу,
Раскрыла ты всю мощь народную свою,
Всю беззаветную отвагу!

С какою яростью фашистская змея
Осуществляла план, созревший в людоеде!
Но крепко спаяна советская семья:
Ни на единый миг не дрогнула твоя
Несокрушимая уверенность в победе!

С великим Сталиным, великий мой народ,
Приветом боевым ты встретишь новый год,
Уверенный, что он, свершив свой оборот,
Овеян славою крылатой,
Войдет в историю твою — из рода в род —
Всемирной, праздничной, победоносной датой!

1942

НАРОДНЫМ ГЕРОИНЯМ

Сестры наши и подруги,
Вашу доблесть и заслуги,
Ваши подвиги — дела
Свято чтя, страна родная,
Честь геройству воздавая,
Лавром славы обвила
Мрамор вашего чела!

Сестры, мы ль бесславно сгинем?
Солнце знает в небе синем,
Что мы боремся — за свет!
Враг упрется — опрокинем!
Горы встанут — горы сдвинем,
Продолжая путь побед!

Вам, народным героиням,
Братский праздничный привет!

Март 1943

ЗВЕЗДЫ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В честь победителей и мастеров войны
От имени родной страны,
Всех городов ее и самой дальней хаты,
По всей Москве гремят и вдаль разнесены
Салюта мощные раскаты,
И звездной россыпью, распространяя свет,
В ночную синь небес взвились огни ракет.

Незабываемо-волшебная минута
Сменяется другой. И пушки уж молчат,
Но в сердце музыкой победною звучат
Раскаты гордого салюта!

Уж нет огней ракет, но синий небосвод
Весь в звездной россыпи, бессмертно-величавы,
Свершают звезды в нем свой лучезарный ход,
И сердцем чувствует восторженный народ:
То — звезды вечной нашей славы!

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход,
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идет походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в свое начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
— *Победа* — лозунг и пароль!

1 января 1944 г.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Какая жуткая картина разоренья
В местах, где изгнана фашистская орда!
Как много приложить нам надобно труда,
Чтоб вновь восстановить сожженные селенья,
Колхозы, фабрики, заводы, города!

Труд этот начался в размахе небывалом:
Вновь исправляются пути и провода,
С машинами, с материалом
В сожженные места стремятся поезда.

Отрадно знать бойцам на суше и во флоте,
Что наш народ — семья одна,
Что, весь в хозяйственной и фронтовой заботе,
Наш тыл не ждет, пока окончится война:
Восстановительной работе
Спешит на помощь вся страна!

САЛЮТ МОСКВЫ

Москва, восторженно немая,
Прильнула к радио, словам вождя внимая.
Слез радостных двойной алмаз
Исторг из благодарных глаз,
Столице в сердце проникая,
Вождя торжественно-волнующий приказ.

Звучат слова. Они бессмертны и крылаты.
Кремлевские часы бьют полночь. Блеск огней.
Москва приветствует бойцов: гремят над ней
Орудий пушечных громовые раскаты.

На улицах — московский люд.
Всех охватил восторг великий,
И раздаются всюду клики
В честь победителей: *салют!*

ПОБЕДНАЯ ГОДОВЩИНА СТАЛИНГРАДА

Привет наш городу, герою-исполину!
Его приветствуют сегодня стар и млад.
Победную свою сегодня годовщину
Справляет славный Сталинград.
Повергнувши врага в бесславия пучину,
Сил дрогнувших его он возвестил закат.

Отсюда началась — в лучах всемирной славы —
Предсказанная нам в словах вождя пора:
Курск катастрофу нес для вражеской оравы,
Ее приблизили герои переправы
Через излучины и омуты Днепра!

Наш боевой триумф, боями утвержденный,
С днем каждым возрастал, как ни был ворог лют,
И вот — весь слушал мир, как бы завороженный,
Гул исторических минут,
Когда от вражьего кольца освобожденный
Дал город Ленина родным бойцам салют!

В день сталинградской годовщины
С какою гордостью мы думаем о том,
Кто к подвигам ведет советские дружины,
Кто нас мечом снабдил надежным и щитом,
Кто окрылил нас всех идейно,
Кто наших сил родник расширил во сто крат,
Чье имя светлое мы чтим благоговейно,
Приветствуя его созданье — *Сталинград!*

1944

В КРЫМУ

— Что это? — Гитлер взвыл,
глаза от страху жмуря.—
Потеряны: Сиваш, и Перекоп, и Керчь!
На нас идет из Крыма буря!

Не буря, подлый гад, а — смерч!

12 апреля 1944 г.

ПОДВИГ

Несчетным голосам, теплом согрета майским,
Внимает родина, могучих сил полна,
Чутьем испытанным, заботливо-хозяйским,
Значенье голосов распознает она.
От зеленеющих Карпат к горам Алтайским
Двойной доносят гул — работа и война.

Колхозные поля пропитывает влага,
Кормя и зернышко, и свеженький росток.
Стихийна в пахарях к трудам весенним тяга.
В колхозной кузнице усердный работяга
Стучит без устали веселый молоток.

Заводы, рудники, железные дороги
Стремятся перекрыть вчерашних цифр итоги.
Юг, север, запад и восток
В могучий творческий включилися поток!

В морях идут бои за честь родного флага.
На суше — пушек гром, с площадок взлетных ввысь
Стальные соколы взвились.
Труд и военная отвага
В едином подвиге слились!

1 мая 1944 г.

СЛОВАМ ВОЖДЯ ВОСТОРЖЕННО ВНИМАЯ...

В час самый ранний Первомая,
Словам Вождя восторженно внимая,
Прильнула к рупорам родная вся страна.
Смысл слова каждого продумала она.
Приказ Вождя есть директива,
В которой важен каждый слог.
Звучат в приказе два мотива:
Событий прошлого итог
И дней грядущих перспектива.

Сомнений нет: враг проиграл войну,
Зверь раненый ползет в свою берлогу.
К такому ль он готовился итогу?
Враг должен быть добит и за свою вину
Не шерстью, выдранной в его хвосте и в гриве,
Не ребрами и не спиной,
Ответить должен — головой!
Об этой ли мечтал он перспективе?
Но для того, кто нес культурной нашей ниве
Смертельный яд и смрадный гной,
Она не может быть иной!

Напрасно враг хитрит, внушая сателлитам,
Своим сподручникам-бандитам,
И прочему — иному дурачью,
Что пусть победы нет, одначе
При этой явной неудаче
Он может все-таки войну «сыграть вничью»!
Вничью! Уж не подстать врагу, отставив ногу,
В победную рядиться тогу.
Кого обманет этот вид?

Но все же враг уйти от кары норовит.
Зверь раненый ползет в свою берлогу.
Берлога не спасет. Зверь будет в ней добит!
    Все это так. И это нами
Подтверждено вчера салютными громами
Москвы и наших всех славнейших городов
В честь исторических побед и достижений
    Героев наших двух фронтов —
На поприще труда и на полях сражений!

2 мая 1944 г.

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

Шумят детишки на реке,
Одни купаются, другие
Нашли приют на островке,
Тела их бронзово-тугие
И целомудренно-нагие
Блестят в воде и на песке.
Как жизнью, как детьми своими,
Залюбовалось солнце ими.
Приветно с берега реки
К ним наклонились тростники.
Во всей природе столько неги!
Отрадна летняя пора.
Цветите, юные побеги!
Расти, родная детвора!

Оберегая ваше детство,
Своей мы жизни не щадим.
Мы величайшее наследство
Любовно вам передадим.
Храня его, в его защите
Вы, превратясь в стальных бойцов,
Бессмертной славой завершите
Путь героический отцов!

КРЫСЫ ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ

У крыс фашистских зреют планы,
Иные крысы уж в пути:
Упаковавши чемоданы,
Через моря и океаны
Они спешат в такие страны,
Где б и следов их не найти.

Но подлым крысам быть в ответе!
Будь это остров, или мыс,
Иль Аргентина на примете,
Такого места нет на свете,
Где б не нашли немецких крыс.

Природа что-нибудь да значит.
Зря крыса там себя дурачит:
— Шмыгну в кусты или под мост! —
Где крыса голову упрячет,
Там крысу выдаст — длинный хвост!

1 декабря 1944 г.

РУСЬ

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг, и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.
Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Она — поборница свободы,
Ее овеяны теплом,
Находят братские народы
Защиту под ее крылом.
Несокрушимою державой,
Объединясь в одну семью,
Словами песни величавой
Мы славим *Родину* свою!

Мы приближаемся к порогу
Неомрачимо светлых дней.
Нам *Ленин* указал дорогу,
И *Сталин* нас ведет по ней.
Крепя ученья их основы
В работе мирной и в строю,
Мы насмерть стать всегда готовы
В борьбе за *Родину* свою!

1 января 1945 г.

ЛЕНИН — СТАЛИН

I

Весь тунеядческий убрав с дороги класс,
Лишив былых корней разнеженное барство,
Он, выявив всю мощь многомильонных масс,
Неисчерпаемый народных сил запас,
Советское стал строить государство.

Он строил не один: на славной борозде
С ним рядом шел за общим плугом
Тот, кто бессменно был всегда, во всем, везде
Его соратником и беззаветным другом.

Не стало *Ленина,* до срока он угас,
Сраженный роковым недугом.
Но продолжали мы творить его наказ,
Руководимые его великим другом;

Он ленинским путем повел к победам нас,
Он нашу мощь крепил и в самый тяжкий час,
Отбив напор врага, отмстив его коварство,
Спас знамя *Ленина* и этим самым спас
Родное наше государство!

21 января 1945 г.

II

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!

Путь грядущих поколений
Этим словом освещен.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощен.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы — отважно, беззаветно! —
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово — наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!

22 марта 1945 г.

МОСКВА — ВАРШАВЕ

I

Освободителям Варшавы наш салют!
Сегодня наши пушки бьют
Торжественный сигнал блистательной эпохи.
То перекличка двух столиц,
То — в зимнем небе — блеск зарниц,
Победы зреющей всполохи.

Варшава! Враг терзал ее не год, не два.
Казалось, черная над нею смерть нависла.
И вот — Варшава вновь свободна и жива,
И плещет радостной волной пред нею Висла!
Торжественно ее приветствует Москва,
И родственно звучат ее слова,
Великого исполненные смысла!

Нет, не о розни вековой,
Не о разладе, им обеим ненавистном,
О дружбе говорят они о боевой
И о союзе бескорыстном!

Да будет же на долгие века
Их связь сердечная крепка,
И да покроется неомраченной славой
Союз Москвы, творящей подвиг свой,
С соратницей своею боевой,
Демократической свободною Варшавой.

II

Дрожа, спасаясь от расправы,
Бегут фашистские удавы.
В Варшаве немцев больше нет!
Освободителям Варшавы
Наш гордый, боевой привет!

Охвачен паникою дикой,
От вас бежит фашистский зверь.
Пред Польшей вольной и великой
Вы распахнули настежь дверь:
— Смотри! Свободна ты теперь,
И в Вислу радостно глядится
Твоя прекрасная столица! —

Всей Польше шлем мы братски весть,
Что мы поможем ей расцвесть
И засверкать волшебной новью.
Тому порукой — наша честь
И дружба, спаянная кровью!

17 января 1945 г.

«НА БЕРЛИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ»

> Войска 1-го Белорусского фронта, после месячной осады и упорных боев, завершили разгром окруженной группировки противника и сегодня, 23 февраля, полностью овладели городом и крепостью *Познань* — стратегически важным узлом обороны немцев на Берлинском направлении.
>
> *(Приказ Верховного Главнокомандующего)*

Круша клыки во вражьей пасти,
Под Сталинградом и под Минском
Мечтали наши чудо-части
О «направлении Берлинском».

Что рисовалось в отдаленье,
Теперь сбывается реально:
Нам о «Берлинском направленье»
Возвещено официально!

В предсмертных судорогах змеи
Шипят в гнезде своем змеином.
Дрожат фашистские злодеи
Пред русским фронтом-исполином.

Творцы побед, сыны отваги,
Слились в стремлении едином:
— Вперед! Вперед! Пусть наши флаги
Взовьются гордо над Берлином!

26 февраля 1945 г.

СЛАВА НАШЕМУ НАРОДУ!
СЛАВА НАШЕМУ ВОЖДЮ!

1

«Сорок первый», черный год.
Гитлер ринулся в поход.
«Я,— кричит,— Наполеон!
Из России душу вон!
Смерть советской всей стране!»
Гитлер скачет на коне.
Осрамившись под Москвой,
Гитлер поднял шалый вой:
«Чтобы я да чтобы мы!..
Вся беда из-за зимы!»

2

Год настал «сорок второй».
Воздух был весной — сырой,
Летом — страшная жара.
— Гитлер скачет от Днепра
К Дону, к Волге... Тут он, гад,
Лоб расшиб о Сталинград!
Распоролися все швы!
Конь лишился головы!
Дать пришлося задний ход!

3

«Сорок третий» год идет,
Потеряв Кавказ, Кубань,
Видит Гитлер: дело — дрянь.
Но орет: «Свое возьму!

Тут мы всыпали ему,
Дали жару под Орлом!
Вот был немцам костолом!»
Уж не едет Гитлер вскачь.
У него дела хоть плачь:
После нашего огня
Лишь осталось полконя!

4

На четвертый год войны
Гад не чувствовал спины
И не чувствовал боков,
Весь распух от синяков.
Ленинград его ушиб.
Чуть под Минском не погиб.
Тут — «котел», а там — разгром.
Очутился за Днестром.
Из России — псу урок!—
Еле ноги уволок.
И Дунай уж позади.
Будапешт трещит, гляди,
Польша вся — была, сплыла.
А уж в Пруссии дела!..
От коня осталась треть,
Просто не на что смотреть!

5

«Сорок пятый» год. Ура!
Гитлер ищет, где нора.
Жмут его и там, и тут.
Палачу пришел капут.
Проиграл войну, прохвост!
От коня остался хвост.
Не осталось и хвоста!
Мы — в Берлине! Красота!
Отстояли мы свободу!
Красный май сулит погоду
К урожайному дождю.
Слава нашему народу!
Слава нашему вождю!

1 мая 1945 г.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Вождю, бойцам, стране родной,
Народу, вставшему за Родину стеной,
Поем восторженно мы славу!
Победа куплена великою ценой.
Враг не осилил нас преступною войной,
И отстояли мы Советскую державу!

Враг сломлен: сокрушен его военный пресс,
Посрамлена его военная кичливость.
Победу празднуют гуманность и прогресс
И мировая справедливость!

Как радостно звенят сегодня голоса!
Как солнце щедро шлет в столице, в селах, всюду
Весенний яркий свет восторженному люду!
Победный алый стяг взметнувши в небеса,
Ликует Родина. Живой воды роса
Упала на ее поля, луга, леса.

Победной гордостью полны — ее обличье,
Ее могучая краса,
Ее суровое величье!
Как многоцветен, как богат ее убор!
В победно радостный, единый, братский хор
Слилось народностей ее многоязычье!

Былинным нашим кузнецам,
Ковавшим мощную броню родным бойцам,—
Волшебную броню по ковке и по сплаву,—

Душевной красоте советских матерей,
Вскормивших сыновей — бойцов-богатырей,
Чьей бранной доблестью гордимся мы по праву,—
Народным подвигам в работе и войне,
Вождю народному и всей родной стране
Мы возглашаем гордо славу!

9 мая 1945 г.

ФЕЛЬЕТОНЫ И ЭПИГРАММЫ

1926—1930

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

Большая торговая площадь. Деревянный помост. На помосте торговый комиссионер по продаже «вольнонаемных» рабов. Рядом с ним, шеренгой, — «продающиеся». Вокруг помоста громадная, тысяч в десять, толпа: покупатели, любопытные и т. п.

Комиссионер

Эй, честные господа,
Подходите сюда!
Товар лицом.
Полюбуйтесь этим молодцом!

Голос из публики

Рубаху-то с себя он пропил, видно?

Комиссионер

Слов нет, парень выглядит не солидно:
Одет не по последней моде.
Пролетарий в некотором роде.
Всего на нем штаны да поясок.
Одну рубаху променял на хлеба кусок,
А другой рубахи не нашел в комоде,—
Да не в рубахе дело.
Полюбуйтесь на это тело:
Сложение Геркулеса,
Широкие плечи, могучая спина...
Не пьяница, не повеса...

Голос из публики

Какая цена?

Комиссионер

Кто больше даст, тот и купит!
Товарец, можно сказать, еще сырой,
А вот вам второй.
Первому не уступит.
Годен ко всякой работе.
Служил добровольцем во флоте.
По случаю побед и одоления
Ищет работы и прокормления.
Отличался. Имеет ордена.

Голос из публики

Какая цена?

Второй голос из публики

Да у него как будто нога не в порядке!

Комиссионер

Годится, чтоб ходить по огородной грядке.
Чай, ему не придется танцовать по паркету.
Особой беды нету.
Нога повреждена на войне.
Сойдет за здоровую вполне,
Хоть и не имеет настоящего вида.

Первый голос из публики

На кой нам ляд такого инвалида!

Второй голос из публики

Наплачешься с такой покупкой!

Комиссионер

Зато продается с уступкой!
Третий! Третий! Третий!
Без всяких таких междометий.
Парень хоть куда.
Фигура маленько худа,
А вообще все исправно,
Стукнуло двадцать лет недавно.
Еще не в полном соку.
Претерпел всего на веку.

Отца на заводе придавило лебедкой.
Мать померла, болела чахоткой.
Парнишка к работе внимателен,
В еде не взыскателен.
Может, теперь не всякому понравится, —
Он на хороших хлебах поправится...

Второй голос из публики

Да на нем кожа одна!

Первый голос из публики

Какая цена?

Второй голос из публики

Он же шатается от малокровия!

Комиссионер

Согласен на любые условия!..
Четвертый! Четвертый! Поглядите!
Тоже скажете: калека?
Да его хватит на два века.
Сколько, мил-сдари, дадите
За этого распрекрасного молодого человека?
Этот — и остальные прочие —
Клад, а не рабочие!
Все бывшие солдаты.
Постой, дуралей, куда ты?

Четвертый, отойдя в сторону, закрывает глаза руками, плачет.

Возмущенные голоса рабочих из толпы

У, сволочи!
Отольются вам наши слезы!

Проходящая мимо дама с лорнетом

Какие... странные... курьезы...
Не похоже на правду, собственно говоря,—
А между тем все правда в моем фельетоне[1]:

[1] Заимствовано из американской газеты «Нью-Йорк Кооль». См. газ. «Правда» № 229, 1921 г., отдел «За границей».

Происходило описанное девятого сентября
Тысяча девятьсот двадцать первого года в городе Бостоне,
В «великой северо-американской демократии».
Друзья, когда кто из эсеров или меньшевистской братии
Закатит вам на митинге «демократическую» истерику,
Пошлите его в... Америку!

13 октября 1921 г.

НОВАЯ «АНГЛИЙСКАЯ БОЛЕЗНЬ»

По слухам, министр финансов С.-А. Соед. Штатов Меллон имел свидание с Черчиллем. Однако содержание их беседы содержится в тайне.

Из газет

Точно два прожженных вора,
Выбрав час для разговора,
Обрядили дельце тайно.
Интересно чрезвычайно!
Много ль тайны в этой тайне?!
Дело было просто крайне...

С деликатнейшим поклоном
Стал Черчилль перед Меллоном.
Сели. Грустная картина.
Тянет холод из камина.
«Уж простите, что прохладно.
С угольком у нас неладно».
«Ес! — Меллон отрезал сразу: —
Будет уголь без отказу».
«Мистер... вы...»
«Ну, что вы! Что вы!
Мы всегда для вас готовы.
Другу друг всегда поможет.
Но меня весьма тревожит, —
Промычал американец:—
Нездоровый ваш румянец».
«Лихорадка... Хуже сплина...»

«Вы бы приняли хинина...»
«Принимал».
    «Удвойте дозу».
«Спать не в силах без наркозу...
Бред... Москва... И сборы... сборы...
Чуть лакей, спустивши шторы,
Электричество потушит,
За-ды-ха-юсь!.. Кто-то душит!»

11 сентября 1926 г.

«ТРИУМФАЛЬНЫЙ ПУТЬ» ИЗМЕННИКА

«Таймсу», сообщают из Гонгконга, что в числе пассажиров французского парохода «Шенонсо», отплывающего в Европу, находится и Чан Кай-ши.

Из газет

Героем был, пока не превратился в гада.
И вот — изменнику награда:
Скрипит Фортуны колесо,
Добился Чан Кай-ши надежного приюта:
Заместо Пекина — каюта
На пароходе «Шенонсо»!
За плату или так его французы взяли?
И привезут куда? Маршрут узнать нельзя ли?
Охота проследить карьеру подлеца
До самого конца!

7 сентября 1927 г.

НЕЛЬЗЯ ЛИ НАОБОРОТ?

«Томас и Бевин, — пишет консервативный «Спектейтор» от 10 сентября, — охотно признали, что интересы труда и капитала — одинаковы». А потому — путь открыт для «мира в промышленности». И, повторяя избитые фразы об участии рабочих в прибылях и даже в «управлении», орган крупной капиталистической партии восклицает: «Идеалом нашей индустрии является: каждый рабочий должен быть капиталистом» (!).

Вот идеал, так идеал!
Рабочие весь век — с глухой тоской... в желудке —
О жареной мечтали б утке,
А толстогубый Капитал
Её тем временем спокойно б уплетал!
Вот новость! Мудрецы в толк одного не взяли:
Рабочие — они... такой чудной народ:
Они свое твердят: «*Нельзя ли,*
Чтоб стало все... наоборот?»

18 сентября 1927 г.

ЧТО ВЕРНО, ТО ВЕРНО

Что касается России, то она на деле пытается разрушить цивилизацию во всех государствах мира, а в то же время предлагает разоружение.

Из речи Дж. Хикса

Что верно, то верно.
Признаемся нелицемерно:
Ведем и будем вести агитацию
И добьемся — будьте спокойны! —
Что весь мир угробит «цивилизацию»,
Порождающую... войны!!
Не завидую, мистер, вашему положению.
Подошли вы к роковому силлогизму:
«*Коммунизм ведет к разоружению,*
Разоружение — к коммунизму!»

1 марта 1928 г.

ТОЖЕ АМЕРИКАНСКИЙ РЕКОРД

Сенат штата Арканзас запретил преподавание во всех без исключения учебных заведениях штата теорию дарвинизма.

Из газет

Доллар против дарвинизма!
Арканзасский янки горд:
Хоть по части *кретинизма*,
А поставлен все ж рекорд!

16 ноября 1928 г.

ПЛЕТУТ ПАУТИНУ

Англия, Соединенные Штаты, Голландия и Бельгия образовали консорциум с капиталом в 5 миллионов фунтов стерлингов для постройки железных дорог в Китае.

Из газет

Полюбуйтесь, напор на Китай каков
Империалистических пауков!
Что — полные расчетливой тревоги —
Они строят не железные дороги,
А плетут для Китая стальную паутину,
Легко понять, вникнув в эту картину:

По сообщениям «Шунь-Тянь-Шибао», в округе Суйюань повсеместно открылись базары, на которых продают девушек. Девочки моложе 10 лет продаются за 10—20 долларов, 15-летние — за 40 долларов.

«Вечерняя Москва»

Девочки! Дети! Оскорбленные тела!
Угнетенный народ! Генералы самодурные,
Города и деревни, разоренные дотла!..
Еще будут в Китае большие дела!
Вы просчитаетесь, хищники культурные!

18 ноября 1928 г.

ПОСАДИЛИ

Во время пребывания президента Гувера в Буэнос-Айресе там было арестовано не менее 1000 человек.
Из газет

Вот где порядки! Не пойму!
Приехал Гувер. Гость. Хозяева — к нему.
Парад! Ура! Салют! Сто махинаций прочих!
И попросили — *сесть*... не в кресло, а в тюрьму,
Не гостя, а — своих рабочих!

22 декабря 1928 г.

НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОС

В районе Панамского канала начались большие маневры американского флота, в которых участвуют 174 боевые единицы. Объект защиты и нападения — Панамский канал.

Из газет

«Пакт Келлога» — и вдруг маневры, дух войны...
Канал Панамский... Тьфу! Дойдешь до обалденья!
Ну, разъясните ж — мы темны! —
А с чьей же это стороны
Ждать нужно на канал Панамский нападенья?

2 февраля 1929 г.

ОЧ-ЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО!

В Бирмингаме на предвыборном собрании во время выступления известного «твердолобого» Оливера Локер-Лемпсона произошла свалка между сторонниками рабочей и консервативной партий. Лемпсон оказался избитым. Стычка закончилась вмешательством полиции.

Из газет

Бирмингам!
Шум и гам!
Спорят очень шумно.
«Твердолобый шулер!»
«Хам!»
Бац!
Совсем недурно!

То-то будет шерсть лететь,
Как сойдутся тесно!
Из Москвы на них глядеть
Оч-чень интересно!!

25 мая 1929 г.

ПОДЛИННО ЧЕРНЫЙ

> Американский миллиардер Кип-Райнлендер возбудил дело о разводе, возмущенный тем, что жена его скрыла наличие в ее роду негритянской крови.
>
> *Из газет*

Видали? Сцена недурна.
Миллионер взбешен! Он гневно сдвинул брови!
Он не выносит «черной» крови, —
Он, совесть чья черным-черна!

15 июня 1929 г.

ОТКРЫТИЕ, ПОДУМАЕШЬ!

Агентство Рейтер сообщает: «Выступая с речью в Чинфорде (близ Лондона), бывший министр финансов консервативного правительства Черчилль сказал, что наличие антисоциалистического большинства в парламенте свидетельствует о том, что страна приняла правительство Макдональда лишь с оговоркой».

Черчилль! К чему кривить душой?
Совсем не нужно быть особой очень зоркой,
Чтоб обнаружить вдруг такой секрет большой.
Ну да, «социализм»! Конечно, *с оговоркой!*
И в оговорке весь секрет.
Социализм! Да вы в уме ли?
Да как вы заподозрить смели?
Да обыщите весь рабочий кабинет:
Социализма в нем, не то что... духу нет!

16 июня 1929 г.

А ПОД БОКОМ...

С момента вступления в силу плана Дауэса Германия получила в Соединенных Штатах займов на общую сумму в 1 158 000 000 долларов.

Бриан в раздумии глубоком
 О «Пан-Европе». План высок:
Набаловавшися теперь германским соком,
Потом сосать «пан-европейский» сок!
А как очнется он да кинет трезвым оком,
У Франции взамен Германии, под боком,
 Глядь, «Пан-Америки» кусок!

18 сентября 1929 г.

СОЮЗ «ПО ГРОБ ЖИЗНИ»

В итоге первой переписи населения Ватиканского государства папских подданных оказалось 450 человек.

Не государство — ерунда:
На полверсты кругом граница.
Но от него вреда, вреда!
Так много яду в нем хранится!

Фашизм подходит неспроста
К поганой папской этой куче
И с заместителем Христа
Не зря дружит фашистский дуче.

Фашизма с папством темный брак
Свершен с расчетливым цинизмом.
У них один — смертельный! — враг,
И он зовется — *коммунизмом!*

28 мая 1929 г.

ЧУВСТВУЮТ ГРОЗУ

Американская полиция открыла авиационную школу. К пулеметам и пушкам полиция сможет прибавить воздушные бомбы для подавления забастовок.

Из газет

Итак: полиция — в эфире,
А забастовщики — внизу.
О социальном пишут мире,
А шкурой чувствуют — грозу!

21 ноября 1929 г.

«ПРОЦВЕТАНЬЕ»

Обследование рабочей статистики в САСШ установило, что до 20 проц. продавцов газет в 8 крупнейших городах САСШ моложе 10 лет. Есть газетчики 7, 6 и даже 5 лет.

Из газет

Чуть не грудных детей шатанье,
Ребячий труд, самопитанье...
И уверяют нас вруны,
Что это значит — процветанье
Сверхбуржуазнейшей страны!

31 января 1930 г.

ПОВЕСТИ
ПОЭМЫ

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ...

(Из повести)

Часть третья

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

«Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие».

Отчего — и не понять! —
Трудно денежки менять?
Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли.
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит все из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона,
И готовятся кнуты

Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота.
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обнищала-де казна,
Сила ж вражья все грозна.
Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать деньжаток на расход.
Пусть поможет кто, чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядов горы,
А в строю, само собой,
Тьма народу... на убой.
«Ну, теперь нас, немцы, троньте!» —
Укрепились мы на фронте
(Словно турок на колу!)
Глядь: расхлябались в тылу.

V

В деревне

У Прокофьевны в избушке
Дух — пробить не впору пушке,
А народ все прет да прет.
Любопытство всех берет,—
Слух прошел, вишь, в околотке:
Зять приехал в гости к тетке.
Васька — парень с головой,
Он в трактире — половой.

А трактирчик-то столичный,
Ходит люд туда различный;
Тот словечко, этот пять,
Всех послушать — все узнать,
Станешь умным без науки.
Ваське, стало, карты в руки.
Окружил его народ,
Смотрит Ваське жадно в рот.
«Что, брат, деется на свете?»
«Кто грешит и кто в ответе?»
«Скоро ль кончится война?»
«Все выкладывай сполна!» —
Обтерев о скатерть ложку,
Закрутивши козью ножку
И спросивши прикурить,
Стал Васюха говорить:
«Есть чем, братцы, похвалиться,
Есть чем с вами поделиться.
Как припомню, словно сон.
Был на-днях я средь персон,
Милость чья нам столь потребна:
После царского молебна
Сам святой митрополит
Речь сказал, как бог велит,—
Про врагов и супостатов,
Про зловредных демократов,
То-бишь, всяких бунтарей
Против бога и царей.
Несть бо власти, аще... аще...
За царя молитесь чаще!
После, выйдя на амвон
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять иною долей,
Подстрекать землей и волей...»
«Ты скажи нам... о себе!—
Поднялся тут шум в избе.—
От земли ты, что ж, отрекся?!»
Тут Васюха сразу спекся,

Поперхнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
«Ну-тка, скажь нам, мил-зятек,
Что про землю ты ответил?!»
Васька живо дело сметил:
В двери шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы
Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
«Ой вы, ноги мои, ноги,
Не споткнитесь средь дороги,
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!»

Вася в питерской харчевне
Всем трезвонил о деревне:
«Ох, уж эти мужики!
Ох, и что за чудаки!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала... как меня!»

Разоренные

Воробушек воробушку:
«Чирик, чирик, чирик!»
Один был первогодочек,
Другой уже старик.

Сел старый, пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфырился:
«Жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

«Жив? Много ль жить осталося?» —
Промолвил старина.
«Да как же! Бают, дедушка,
Вот кончится война!»

«Ох, кончится — не кончится,
А все разорено...
От холоду да голоду
Подохнем все равно».

VI

На столичном рынке

Бог знает, что творится
Средь рыночной толпы:
«Сижу без дров, сестрица!»
«Ни фунтика крупы!»
«Заплачешь, хоть не плакса!»
«Грабиловка!» — «Обман!»
«Какая ж это такса?»
«Поход на наш карман!»
«Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!»
«Бери-ка чином выше»
«Гнетут со всех сторон!»
«Порядки!» — «Тише, тише!»
«Чего-й так?» — «Фараон!»
«Эй, р-рас-хо-дись, орава!»
«Родимые! Берут!»
«Брысь! Не имеешь права!»
«В участке разберут!!»

Кочующие дармоеды

Басня

Бывают случаи — не выдумать нарочно.

На станции глухой,
А именно какой, не помню точно,
Две мухи встретились с блохой.
Ну, разговор пошел, понятно.

Знакомство новое в пути всегда приятно.
«Положим,— скажут,— не всегда!» —
Бывает разно. Спорить неча.
Но в этом случае была, однако, встреча,
Как встреча.
Шел разговор простой: откуда кто? куда?
Какие и про что идут на свете слухи?
Как, мол, здоровье и дела?
Блоха, вишь ты, в Москву скакала из села.
Обратно, из Москвы в село, летели мухи.
«Ох, мушки,— плакалась блоха,—
Еще ли ваша жизнь в Москве была плоха?
Пивали сладко вы и сытно там едали.
Что ж вы в деревне не видали?
Ведь я, поди, сама бегу не от добра.
Дни нынче сытые в деревне стали редки.
Такая выдалась пора —
Чуть не подохла напоследки:
Авось поправлюсь я в Москве!»
«Подправишься,— вздохнули мухи,—
Держи карман. Да мы-то две,
Мы от чего бежим, скажи!.. От голодухи!»

Что город, что село —
Повсюду стало тяжело.
Не жаль мне мух и блох, клопов и таракашек,
Беду их за беду большую я б не счел,
Но жалко мне рабочих пчел
И трудовых мурашек:
Их жребий особливо крут,
Когда у них последнее берут!

VII

— Голод! — голод! — голод! — голод! —
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.
Богатеи наживались,
Кровью нашей упивались;
Умножая свой доход,
Бедный грабили народ; —

На пирах и на обедах
Сладко пели о победах,—
Чьих? Над кем? Секрет простой —
Богачей над беднотой!
  Богачи — чужие, наши —
У одной разъелись каши.
Та ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбою на борьбу
Посылают... голытьбу!

VIII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.
  Затрещали-зазвенели
Телефоны у властей:
«Вызвать войско всех частей!»
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный — знай, пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап —
Генерал лихой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
«Мы — не ели!»

IX

У царицы сердце мрет,
В страхе злом она орет,
Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит, —
Чтобы часу не терял
Да скорее усмирял.
   Новый «друг» по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
   «Лучше б дома я сидел!»

X

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице сущий ад;
Если царь прибудет лично,
Может, все пойдет отлично.
   Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел,
Если ж очень нужно будет,
Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полувзводом
Воевать с родным народом.
Перед тем, как выходить,
Велел ружья разрядить.
«Братцы милые, по людям
Все равно стрелять не будем!»

Вышел весь Волынский полк.
С усмиреньем тот же толк.
Роты улицами ходят,
Да порядку не наводят.
Повстречавши москвичей,
Столковались без речей.
«Мы, ребятки, не замаем...» —
Был ответ им: «Понимаем!»

XII

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирять народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
«Пехотинцы — подлецы,
Пусть работают донцы!»

«А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?!»
  Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — пикой шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
«Вся надежда лишь на вас!»
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ... свинцом!

XIII

Царь читает донесенье:
«Усмирили в воскресенье».
«Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!»
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилася ошибка.
Царь в тревоге. Ночь. Темно.
«Питер?» —«Нет». —«А что же?» —«Дно».
«Ехать дальше!» — «Нет нам хода.
Петроград в руках народа!»
«Двинуть фронт на эту тварь!»
«Фронт с народом, государь!»

XIV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.
Уничтожит трупы — тленье,
Имена сотрет — забвенье.
Марья, Дарья, Клим, Пахом —
Зарастем все лопухом!
  Но не все забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не раз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынесть бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Недобитый в первой схватке,
Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!

Нет царя и царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

XV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся,— все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,
А кругом ни стать, ни сесть.
«Был на почте?»
    «Письма есть»?
«Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!
Сто печатей на письме!
Вот: Прохватову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты все плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!»

XVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то ж:
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.
Поднялся в лавчонке вой:
Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было.

Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому внимает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Обронивши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась,—
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отличился, пишут, внук:
Есть «Георгий», нету — рук!
Деда еле держат ноги.
«Вот... дождались мы... подмоги!..» —
Фрол в письме корит жену:
«Очень тяжко мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно».
Бьет молодушку озноб:
«Фрол придет — загонит в гроб!»

XVII

«Гады! Псы, едят их мухи!»
«Кто?»
«Известно! Ходят слухи:
Предстоит опять набор!»
«До каких же это пор?!»
«Что ж, Ерема? Снаряжайся.
Тетка Дарья, не пужайся,—
Ты ведь то́ уразумей,—
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вести,—
Вдруг нашелся. Будут вместе,
Рядом, значит — сын с отцом!» —
С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,
Еремей Босой с укором
Власу молвил: «Не шути,
Скоро, что ль, на сбор итти?»

«Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно
Всех — не знаю, врут аль нет —
До пятидесяти лет».

XVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:
«Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.
Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!»
«Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори,—
Бунт большой в уезде, что ли?»
«Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!» — «Да ну?!
Что ж полиция?» — «Поди ты!
Фараоны перебиты».
«Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?»
«Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, в бубны бьют,
Песни вольные поют!»
«Слушай, нет ли манифеста?»
«Не сойти мне, братцы, с места,
Бают — вправду или зря,—
Будто кокнули царя,
Всех министров заковали,—
Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.
За народ мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой власти присягнул!»

XIX

У Назаровой у лавки
Не продрать руки средь давки.
Разговоры, споры, шум.
«Стой! — кричит кузнец Наум. —
Надоть нам без проволочки,—
Чтоб разведать все до точки,
Чепухи ж не городить,—
Верхового снарядить.
Пусть не медля в город лупит
Да газет для нас накупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?»

XX

Спать ложились вечерком.
Утром, глядь — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела,—
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались, кто куда,
«Представители народа».
Барам новая погода —
Не погода,— костолом.
Баре плачут о былом.
«Незабвенная утрата!
Доживем ли... до возврата?!»

XXI

В бывшей Думе — толчея.
Сразу видно,— сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здраво!—

Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад,—
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсер —
Ладит всяк на свой манер.
Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком,
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
«Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лоск,—
Богачи — как мягкий воск;
По-хорошему, без спору,
Столковаться б с ними впору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам иного ждать раненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не дозрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры,—
Без указки, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной воле,
Так не сладишь с ними боле:
Всё разделят — разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...»
«Нет, нужна народу палка!» —
Так эсер с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

XXII

Получив нежданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи страною правят,
Богачи опять нас давят,
Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для нас куют,
Тюрьмы новые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!
Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни землицы,
Ведь земля — не рукавицы:
Взял, да сразу и надел.
«Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дудят солидно: —
Уж с земелькой... подождем!
Всё законно проведем
С нашим, дескать, всем стараньем —
Учредительным собраньем.
А пока, мол, ни-ни-ни!
Лямку старую тяни!»

Песня о земле

Ой вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да беззаконные:
Отбирать свои полосыньки исконные.
На помещичье добро ужо не зарьтеся,
А в соку своем, в поту, как прежде, парьтеся
Да, как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,—
Оно землю, даст вам землю... на могилушку.

Бабушка Ненила

В хвосте за хлебом

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.
— Батюшки!

«Вот свобода, так свобода,
Нету хлеба у народа!»
— Матушки!
«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.
— Батюшки!
Как по щучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.
— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу,—
Поработаем в усладу.
— Батюшки!
Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.
— Матушки!
Весь ты век жила убого,—
Потерпи ж еще немного.
— Батюшки!
За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю».
— Матушки!

XXIII

«Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!» —
Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:
«Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам не гоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседанье...
В Учредительном собранье.
А пока, мол... послужи.
Лезь, ребятки, на ножи!»

Его Величество — Капитал

Изобретательны на доводы
Лихие «рыцари ножа».
Нужны «законные» им поводы
Для оправданья грабежа!
Не важно поводов количество,
Один бы «право грабить» дал.
«Да здравствует Его Величество
Венчанный кровью Капитал!»

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
«Все залечим вам болячки.
Не порите лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!»
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

По бабушку

Басня

Дед-Мокша со снохой трудился на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вот ополдни молодка — ох да ой!
Забилася, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задергался на месте:
«Постой, кричит, постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!»

XXV

Богачи «со всем стараньем»
Учредительным собраньем
Козыряли, как могли.

Ведь оно еще вдали!
А пока там суд да дело,—
Знай, орудовали смело
И, втирая всем очки,
Не играли в дурачки,
А вели игру иную:
Посадивши одесную
Демократов пять аль шесть
(Тоже ведь «ручные» есть!),
Не брала чтоб нас обида,
С ними стряпали для вида
Деловую колею,—
Гнули ж линию свою!
Ставить начали заторы,
Заводить везде раздоры
Да натравливать народ:
Деревушку — на завод,
На рабочего — солдата,
Чтоб пошли все брат на брата
И, устроив Вавилон,
К богачам пришли в полон!

Рабочие — солдатам

Солдаты!
Вы — наша кровь и наша плоть.
И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
Кто сеет злую рознь средь трудового люда,
Тот истинный Иуда!

Солдаты!
На смену хищникам, державшимся за трон,
Иные хищники спешат со всех сторон,
Мешая закрепить восставшему народу
Отбитую свободу.

Солдаты!
Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.

Солдаты!
Не отделяйте же от нас своей судьбы,
Не покидайте нас в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты, наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отрава,—
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуять стал орел двуглавый,
Первой жертвою орла
«Правда» бедная была.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя
Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

Под знамя «Правды»

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что — кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — итти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украсьте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда «Правду» ненавидит,—
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат,—
«Правда» скажет, кто горбат.
Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил, примерно, строчку —
Снял с мильонщика сорочку!

«Бука»

Буржуазно-колыбельная песенка

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.
К «Правде» ручек не тяни:
«Правда» — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибытка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

«Караул! Грабеж! Разбой!» —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады.
Растерзать бы «Правду» рады.
Но за ней — большевики:
Все народные полки.
«Правду» тронь неосторожно —
Напороться этак можно.
Надо бить наверняка.
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,
Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать все, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсеру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки местами втер.
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь:
«Нам поможет только ложь!»

«Как у питерских господ...»

Предвыборная песня

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки калачи.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Едят сладки калачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Им на выборы итти,
А дела-то не ахти!
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти.

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батраки
Да солдатские полки.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей во-всю калит.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Богачей во-всю калит:

«Ой вы, баре-господа,
Мироедская орда.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!»

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех листы.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист,—,
Все стоит: «социалист».
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй:
Подружнее голосуй!
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы!

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.
То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

«Кто посеял, кто пожал» —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады,
А пролезли к власти — гады.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой «режим»:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребятки!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли,
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Все расскажет и укажет,
По губам медком помажет:
«Наступил твой час, Фаддей.
Все — твое. Бери — владей!»
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
«Что же это, братцы, значит?

Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать,
До каких же пор нам ждать?»

II

«Что вы! Что вы! Что вы! Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая худа?
Власть, ей-богу, хоть куда!
Ей, несчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.
Вот управимся с войной,
Все пойдет на лад иной!»—
Так измученному люду
Языком плескали всюду
Разбитные господа.
Этой сволочи тогда
Расплодилося без меры.
Все, изволите, эсеры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-нибудь,
Иль учитель-математик,
Иль паршивый адвокатик:
«Братцы! Я, да вы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля и воля,
Но помещичьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет всё у мужика!
Дайте срок — создать законы,
Вас ведь, братцы, миллионы,
А земельный-то запас
Не ахти какой у нас.
Так, с плеча, рубить не гоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля и чья земля?
Посмотреть на векселя,
Кто владелец настоящий —
Не мужик ли работящий,
Что поля и барский дом

Приобрел... своим трудом?
Тут не место хваткой лапе,
«Отобрал — и дело в шляпе».
Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать?

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина,—
Образцовая картина!
На научный все манер,
Всем хозяевам пример,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все утроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Садит сад, болото сушит,
Сам себя работой душит:
Эконом и агроном —
Все стоит на нем одном!
Рассудите-ка толково,
Коль помещика такого
Из именья мы пугнем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего:
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросаться,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,

Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.
Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:
Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп, вместо грабежа,
Да рассрочка платежа,—
И придумать лучше трудно!
До чего все выйдет чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой весь обиход,
Мы — страдальцы за народ,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что,— в тяжелый час,
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном собраньи —
Мы уверены в избраньи! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, все уладим!
Обкорнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.
Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.
Рассудите, обсудите,
Да в эсеры все идите!
По полтине членский взнос».—

Кум Фаддей повесил нос.
Кум Фаддей в затылке чешет:
«Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, ирод, гнет?»

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсеровски поет,
Всем подписочку сует.
«Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и воли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтиннику, ребята,
Не ахти какая плата.
Записался — и шабаш!
Просто все, как «Отче наш».
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсеры в добрый час
Всё обтяпают за нас!»
Крякнул Тит с лукавой миной:
«Эх, рискну-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела».
Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:
«Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?»

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь «небесного отца»,
В Спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.

«П-сс! — зовет пономаря,—
Помяну-ка, что ль, царя?»
Пономарь глаза таращит:
«Бес тебя, должно быть, тащит
За язык, отец Ипат.
Церковь, глянь, полна солдат.
Зададут такого звона:
Стащат за косы с амвона!
Помяни царя, не лгу,—
Я из церкви убегу!»
У попа засохло горло:
«Впрямь их, иродов, наперло.
Фронт, поди-кась, обнажен.
Ну, сидели б возле жен,
Возле Марьи да Натальи,—
Нет, народ мутят, канальи!
Речи их, чертей, слыхал?»
Поп отчаянно вздыхал.
Не молился, что-то вякал,
Службу кое-как отбрякал
И айда скорей домой:
«Ну, и время, бож-же мой!»

IX

Загорелы, бородаты,
Фронтовой народ — солдаты
Вдоль по улице идут,
Речи разные ведут.
Мужикам те речи в диво.
«Очень, братцы, уж правдиво!»
«Говорят: газетам верь.
Как же верить им теперь?
Что про ленинцев трубили?
Будто немцы их купили.
А вот унтер Мышаков
Хвалит как большевиков!»
«Вот что, милые, обидно:
Ведь конца войне не видно».
«Дисциплину тож в частях
При теперешних властях
Укрепляют так, что любо:

Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу —«Сволочь! Под расстрел!»,
Гонят силой в наступленье,
Отказаться — преступленье.
Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
За спиною нашей храбры!»
«Взять их, гадов, всех под жабры!»
«Обломать им хохряки!»
«Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсером как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!»
«Пропадай моя полтина!
Пров Кузьмич, все ты, скотина:
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!»

X

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,—
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам один лишь путь:
Петлю туже нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
«Ежли б немцев мы побили,
Показали им кулак...
Все б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пардону!»—
И пошла-пошла писать.
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсером,
Словно дама с кавалером.

XI

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.
Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а все ж...
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
«Лезьте, братцы, на ypy!»

Барыня

Окопная

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
— Барыня, барыня,
Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ль кончится война?
— Скоро ли то, барыня,
Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
— Эх ты, горе, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Истомилась, исстрадалась,
Век с тобою не видалась,
— Ох, барыня, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
— Нету ладу, барыня,
Все трещит, сударыня.

Без тебя пошло все врозь,
Все хозяйство расползлось.
— Расползлося, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам паек —
Холостой хлебать чаек.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождалися мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали взашей,
Что кормились кровью нашей.
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежалися в испуге.
— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот каки у нас дела:
Революция была!
— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпиши скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
— Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж, Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я, дело, братцы, сметил,—
А я женушке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война.
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,—
Ну ее, сударыня.

Бойня начата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезь нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на ножи,
Так ты всем и расскажи.
— Рассуди-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело, с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходоки,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, все за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: «Гут!»,
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскачаться.
— Раскачаться, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать все наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет споро.
— Вот как споро, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут,—
Тут войне-то и капут.
    — И айда-те, барыня,
    По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
    — Что-то будет, барыня?
    Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
    — Наше дело, барыня,
    Верное, сударыня!

Постоим за нашу долю,
За земельку да за волю!
    — Постоим уж, барыня,
    Отстоим, сударыня!

Так-то, женушка-жена,
Скоро будешь не одна.
    — Не одна, слышь, барыня,
    С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяина домой.
    — То-то, моя барыня,
    Заживем, сударыня!

Остаюся жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
    — Эх, барыня, барыня,
    Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец,
А кто пел, тот молодец!
    — Размолодчик, барыня,
    Удалец, сударыня!

Приказано, да правды не сказано

Солдатская песня

Нам в бой итти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой итти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой итти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

XII

«Лезьте, братцы, на уру!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?
Камень где сыскать удобный?»
Был тут план придуман злобный:
«Кто ведет войну с войной?»
«Большевик, не кто иной».
«Немцам в руку?»—«Ну, понятно!»
«И, должно быть, не бесплатно».
«Большевик-де, ходит слух,
Где-то в банке, даже в двух,
Брал немецкие червонцы!»
Так боролись оборонцы
С политическим врагом,—
Замутила все кругом
Разолгавшаяся свора.

Вор кричит: «Держите вора!»
С честным видом подлецы
Прячут так свои концы!

XIII

Все читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии вели,
Ваня бился на мели.
За эсеров подав голос,
Все ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнуться — сам не знал куда.
«Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут собственно опасность?
Привести бы это в ясность.
Клим... Куда девался Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?»
Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.
Глаз мужичий все же меток.
Все читать — Ванюше лень.
«Правду» ж брал он каждый день.
«Вот, поди ж ты... пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть мне скажет кто другой:
Чем неправ Яким Нагой?»

Письмо Якима Нагого

(помещенное в № 79 «Правды» 24 июня 1917 г.)

Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!

Пишу я вам послание,
Пишу-то не умеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая — крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась-измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,
В тоске великой маемся,
Надежою питаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятушек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас ученее,
Они-де нас смышленее,
У них-де крепче головы,
Им все там больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,
Рабочего-крестьянского
Извечным нашим ворогам
Мирским всем захребетникам,—
Не выдать нипочем!
Но вести все приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,

Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбилися,
Так потеряли головы,
Так разошлися с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые, лукавые
Пришлися всем вам пó сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Очнитеся, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой:
Кому вы так доверились,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные,
Огульно положилися?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?
Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали,—
То напоследки сядем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,

Господским потаковщикам,
Объевшися посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Все теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелося,
К тому ли вы стремилися,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А нынче та опричнина,
Приняв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж поднимает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагайками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения,
— Не дай господь — насилия! —
По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталося
И у других осталося,
Чтоб нареканий не было
От черни околпаченной,
Найпаче ж от господ, —
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики,
Все ироды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,

Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси,
Они не ждут — готовятся,
Они не остановятся,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыханья не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая
Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам-нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплоховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали,
Его — по вашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики
Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеянной войне;
Еще, вишь, недостаточно
Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, вишь ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишилися

Последних животов;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас по миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года воевали вы,
Три года вас мытарили,
Гоняли на убой,—
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды натерпитесь,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их мошны!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитеся, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитеся, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим ворогам,
Грабителям-насильникам,
Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху-мать родимую
И старого отца!
Единым горем вскормлены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решенье твердые,
Ряды сомкнувши стройные,

Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всенародную
Постойте до конца!

Писал сие послание —
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
А той деревни Босовой
Мужик *Яким Нагой.*

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли,—
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
«Ой вы, бравые донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У немытой, черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглеет с каждым днем.
Не поставьте ей преграды,—
Сами ж будете не рады!»
Отвечала старшина:
«Ваша голь хотя страшна,
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленье войсковое
Все ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!»

Атаманская нагайка

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает «гражданину»,
Стоящему за «временную власть».
Хлебнув свободы всласть,
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал раненько.
Нет, милый, нам с тобой свобода не с руки.
Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один: в казачьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила была нагайка.
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.
На царский зов она всегда неслась охотно,
Чтоб вольный дух унять в народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилося ей весьма вольготно,
Не то, чтоб, скажем, там какому батраку
Аль мужику,
Спадающему с тела
У своего куриного надела.
Но вот мы дожили до радостной зари:
Верх взяли бунтари!
Свалив грабительскую шайку,
Почал народ судьбу устраивать свою
И голытьбу сзывать в единую семью.
Да позабыл, вишь... про нагайку!
Нагайка ж исстари «вольна»,
И волю понимать способна лишь она.
Свободой новой ей мозгов не затуманить,
И вправе потому она «дуван дуванить»,
Судить нас, бедных, и рядить,
То-бишь— «порядок наводить».

Что ж? Это дело ей не внове!
Но... все ль нагайки наготове,
Чтоб двинуться в поход
На трудовой народ?
Не атаман ли тут толкует с атаманом,
Как войско с толку сбить предательским обманом,
«Казацкой вольностью» и мусором «свобод»?

Казаки, грустная моя побаска эта
Ужель останется без братского ответа?
Казаки, вам пора, пора глаза открыть:
Кто подбивает вас на каинову прыть?
Родные братья наши,
Вы не разделите с богатым общей чаши.
У трудового казака
Век не поднимется на бедный люд рука.

XV

«Что нам в пользу — то и гоже.
А попы ведь сила тоже! —
Порешили богачи: —
Две пудовые свечи,
Аналойчик да икона,
Да духовная персона...
«От Матфея» там «глава»...
Про смирение слова...
Раз писанье — значит свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...»
Богачи стучатся в дверь
К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
«Архиерей наш, архиерей,
Спаси, нас грешных, от бунтарей.

Трещит Расея!
Прошло блаженство.
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей.
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!»

«В оковах пастырь...
В разброде стадо...
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей»,—
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он «Биржевке» строчить статью,
В высоком стиле галиматью:

«Не надо злобы!
К чему бунтарство?
Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать.

Без отреченья,
Без примиренья,
Без подчиненья
И без смиренья
Не избежать нам лихой беды!»—
Твердил епископ на все лады.

Коря сноровку
Социалистов,
Стриг под «Биржевку»
Евангелистов.
Ведь это ж, отче, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи все ясно, святой отец,
Твоих статеек какой конец?

XVI

Клевета — большое дело.
Клевету весьма умело
Богачи пустили в ход,
Чтобы с толку сбить народ.
Всюду шнырили оравы
Ловких сбытчиков отравы,—
Подрядились в «языки»
Все заштатные шпики.

«Контрразведчики»

«Вечор девки, вечор девки
Пиво варивали».
Два шпика у Малой Невки
Разговаривали:
Шпик 1-й. «Ты скажи, скажи, бродяга,
Где ты маешься,
И каким ты, лярва, делом
Занимаешься?»
Шпик 2-й. «А я, братко, живу гладко
Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!»
Шпик 1-й. «Царь небесный! Пресвятая
Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?»
Шпик 2-й. «Ну, шпиками — не шпиками.
Шпик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется,
По-иному наше дело
Привечается.
С похвалой в газетах многих
Отмечается.

В буржуазную газету
    Лишь заявишься,
Сразу, братец мой, в почетный
    Угол ставишься.
Так и льнут к тебе писаки,
    «Куш» подсовывают,
В десять перьев твои враки
    Разрисовывают.
Битый час проврешь им, точно
    Неприкаянный.
Прешь про ленинцев нарочно
    Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
    Умилительно!
Как за все потом заплатят,
    Удивительно!»

Два шпика пошли, обнявшись,
    Вдоль над Невкою.
Вот вся песня,— остановка
    За припевкою.
А припевки после спеты
    Были разные.
Затянули все газеты
    Буржуазные:
«Миру, вишь ты, «Правда» рада.
    Показательно!»
«Разгромить всю «Правду» надо
    Обязательно!»

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты,—
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда...
Вот пошел поход откуда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
«Правду» стал корить... «изменой»!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать,
Сам эсер, кряхтя до сроку,
Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде напрямик
Лез в объятья меньшевик.
Связь погромная готова.
Разгромили «Правду» снова!
Был приказ властей таков:
«Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловредную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!»
Написать приказ не штука,
Да искать попробуй, ну-ка!
«Как тут быть?» — «Хватай гуртом,
Разберемся уж потом!»

XVIII

Меньшевик, эсер, ликуя,
Ловят за полы буржуя:
«Счет сведя с большевиком,
Заживем теперь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?»
Но буржуй рычит медведем:
«Человек я, что ж — прямой:
Камертон-то будет мой!»
«Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на все готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь серчать!»

XIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.

Вот комедия была!
Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские «вожди».
От козла удою жди!..
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебезя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсеров брали корчи,
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

«Л и б е р д а н»

Подхалимский танец

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцовали Либер с Даном,
Взявшися за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!

Милюков кричал им «браво»
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!»
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцовать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
Доупаду либерданцы
Дрыгали ногами.
«Либердан!» — «Либердан!»
Что же, вы, ребятки?
Баре сели в шарабан.
— Живо, на запятки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванин взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевистский арестован.
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим!.. Голубчик!.. Узнаешь?..»
«Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял.—
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюше подал руку:
«Вот, прочти-ка эту штуку!»
«Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

Разрыв-трава

(Большевистская сказка, переданная Климом Ване)

Батрак Лука не спал ночей,
Одолевали парня думы:
«Люд бедный, городской,— в когтях у богачей,
Деревней правят толстосумы.
Куда ни кинешься, все нет для голытьбы
Иной судьбы:
Какой-то чорт ее трудом и сыт и гладок,
А ей — на все запрет и ко всему заслон.
Что ж это за такой закон?
И кто завел такой порядок?
По праздникам не раз, положим, поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:

Не зарьтесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет всех богачей расплата...
Слеза в глазах, и крест — в руках,
И голос — с этакою дрожью,
А явно отдает от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках,—
Поди-кося, не все там по закону божью!
Вот батрака возьми — к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, и голова на месте,
А в жизни я меж тем не знал такого дня,
Когда бы не был я рад смерти, что невесте.
К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?
Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
Но если б строиться я возымел охоту,—
Замок-то есть, да нет ключа!
И камни, и леса — всё в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившися на свет,
Все лучшие угодья
Нашел я где? В руках дворянского отродья!
Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль, овечье ли то стадо —
Все, все присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне? За что мне браться надо?
И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль, утверждено законом?!»

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.
В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
«Жив, — порешил он так,— не буду,—
Для счастья общего не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»

В ночную темь, по рвам, по кочкам, по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старою сосной,
Три круга очертил и с верою живою
Платочек разостлал перед разрыв-травою.
Покрылся у Луки холодным потом лоб,—
То в жар его всего кидало, то в озноб,—
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.
Ждал, твердо веруя, что есть,
Есть сила дивная в волшебном, тайном цвете!
О, если бы ему с собой тот цвет унесть,—
Перевернул он все б на свете!
Прибравши клады все к рукам,
Он их бы роздал беднякам,—
Всем, кто морит себя работой подневольной,
Кто множит прихотью чужой число калек,
Кто к счастью весь свой скорбный век
Бредет, кряхтя, тропой окольной.
И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной уж не согнешь горба;
Под небом все — твое: вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
В трудах и в радостях друг с другом в общей доле
Жить на своей на полной воле!»
Упал в слезах Лука перед разрыв-травой,—
На сердце стало парню худо,—
От духоты ночной кружилась голова.
Тут — ровно о́полночь — в лесу свершилось чудо:
В короткий миг разрыв-трава
Пред парнем бледным и безгласным
Вся расцвела цветеньем ясным,—
И, словно звездочки, стал за цветком цветок
Роняться тихо на платок.
Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.

Идет. А сердце ёк да ёк.
И вот — отколь взялось и где все раньше было?
Лес грозно зашумел, зверье вокруг завыло,
Вверху закаркало лихое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:
«Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь нам
прежнее житье!»
«Зальются кровью наши клады!»
Сжимая узелок дрожащею рукой,
Лука все шел, а за Лукой
Неслися вихрем ведьмы, черти:
«Брось узел!» — «Чьей ты хочешь смерти?»
«Прольется кровь!» — «Народ восстанет на народ!»
«На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!»
Творя молитвы и заклятья,
Лука все шел с узлом вперед.
А вой все рос: «Куда ты?»
«Куда ты?»
И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощай! За клады нас всех гонят умирать!»
Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
Покрылось поле все кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
«Ты нашей гибели виной!»
Тут наважденье вмиг все, как рукой, убрало.
Глядит Лука: никак уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!
Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке как стеганет с размаху!
Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.
Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит — перед ним нет ни врага, ни цвета:
Все тот же темный лес, и никого кругом;
Все та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,

Пытаясь нас сразить не силой — клеветою,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?
Пусть заклеймила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели,—
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что все еще в руках у нас разрыв-трава:
Вождями нашими указанные цели,—
Что, наподобие Луки,
Мы духом не падем, надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть все решит борьба!..

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слыхать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
«Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем, как след.
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, волокита!» —
Толковали так и сяк:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
«Не томи ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропадал!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво.—
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши всё деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Все выходит, как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

V

Был я в ихнем совещанье,
Даже плюнул на прощанье!
Всё про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.

Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на все махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают всё до нитки;
Жгут помещичьи дома,—
Вот она, какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Все спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

VI

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло: —
Рвань там всякая мутит!»
«Ладно. Спрячься! — молвил Тит.—
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсеров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На «порядке» помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То-бишь, «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,
По указочке б жила,

Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,
Слушать бредни надоело,
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VII

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалася наукам,
Благородным всяким штукам,
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц,—
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня:
«Кто такой? Зачем? Откеда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют,— промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда,—
Чуда, бунта — все равно:
Бунтовать бы нам давно!

VIII

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться.
Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,

Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна,—
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получат,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло, как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё — своя родня,
И родня, сказать не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень не глупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!
Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода,
Дел партийных — миллион,

Тож Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,
Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».
Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

X

Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
«Вот-де, я не раскусил,—
Хоть кой-что смекаю смутно,—
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж все народ каков?
Не подстать ли он, к примеру,
Толстозадому эсеру?..»
«Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь,—
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон.
Но чтоб был на все закон!»
«Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.

Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

XI

«Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост,—
Остается только хвост;
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Все придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорбь, нужда, болезни, муки,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет
И... без бою все возьмет,
Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй — холодный труп:

Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок!
Ну, какой отсель урок?»

XII

«Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так, примерно: —
Ждать, чтоб этот капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти,—
Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать,—
И задержка, мыслю, в малом! —
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!» —
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!» —
Кто-то даже так вскипел,—
«Стеньку Разина» запел!

XIII

Дали тут мне книг три пуда.
Маша...
«Дрянь она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу.—

Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здеся!»
И, поклона не отвеся,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый».
Поп глядел как очумелый:
«Что стряслося, говори?»
«То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы,—
Небылицы — ерунда! —
Нет, все правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое...
Дня нельзя провесть в покое:
Жди несчастья каждый час.
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасенься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
«Знамо, надо донести!»

XIV

Похороны

У буржуев шумный пир,
  Ну, и пир.
— Всех повесить, кто за мир! —
  Кто за мир?
Поднялся веселый крик,—
  Ну, и крик:
— Умер, умер большевик! —
  Большевик?
— Со святыми упокой! —
  Упокой?
— Шевелит мертвец рукой! —
  Ох, рукой!
— Большевик открыл глаза! —
  Ой, глаза!
— Неужель опять гроза? —
  Да, гроза!

Барские слезы

Побывальщина

Как во славном было городе, во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дому ли того да против Смольного
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалося:
Все богачества мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горюшко мое ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилося,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!

Чтоб ты в землю без остатку провалилося!
Что пригрело ты смутьяна неуемного,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконой чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтеся над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Все пойдет по-стародавнему, попрежнему:
Не владеть крестьянам пахотью помещичьей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

XV

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!

Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж все наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудеть хочу я сам!»
Адвокатик, взвывши матом,
С просьбой слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гул:
«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.
Канителить неча зря.

Погуляли без царя!»
Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный,
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо по делом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою*!

Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо.
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

Прощание

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

19 25 октября / 7 ноября 17 г.
Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки;
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду.
Да, на чем я кончил, кстати?
Пров Кузьмич скулил у бати,
Поминая бабкин квас:
«Жди несчастья каждый час!»
«Жди несчастья». Ненароком
Оказался Пров пророком:
Скоро впрямь стряслась беда,
Вроде «Страшного суда».
В день «Косьмы и Дамиана»

Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропило тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
«Братья! — речь повел с амвона,—
Сообщу вам злую весть:
Дней тому примерно шесть,
К нашей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой переворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы,
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Все, как есть, отменено.
Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — равно —
Все теперь уравнено,
Все, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!.»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:

За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«*Большевистском Октябре*».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю итти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про «Ивана» сказ народный:
Дескать он «дурак» природный,
Потому «дурак» большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит,—
Не боярам, не царям,—
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,

Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелося:
«Умных» много развелося —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема, ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно,
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы сто̀им без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намедни
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То-бишь с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.
Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.

Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не все ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинет
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу —
Но... помещичью землицу,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть, как хочет, нами правит.
Нам — землицу! А права...
Это все нам трын-трава!»
Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него — назад оглядка.
Он устал от «беспорядка».
Не дают ему жевать
То, что он успел «урвать»;
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы,—
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа.
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребятки,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?
Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.
Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.
Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чортово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,

Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалося оно,
Нынче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужающий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик,
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотавшийся кутила,
Золотушный князь, барон,—
Прут на нас со всех сторон!

Это всё — шмара людская,
Злая сволочь городская.
Много этой гнусной тли
Мы на-нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.

Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том все тлиное геройство,
Чтоб порхать по всем углам.
Набиваясь по делам
К паукам на хлебосольство,
То-бишь в первое посольство
(Иль, по-нашему, притон),
Тля пищит со всеми в тон
И ведет со всеми танец,
Будь японец то, германец,
Англичанин иль француз,—
С чортом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб итти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?
— Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей,
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно,
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе

И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрушим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917 —7 ноября— 1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,—
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!

— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они... Видите? Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилося вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!.
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье,—
Это — мое!!.
Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье,—
— Это мое!!.

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканьем конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Р-ысью... в атаку!
    — Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
    — Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их, растак!!.

— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
        — Татарщина!..
            — Азия!..
— Хамы!..
    — Мерзавцы!..
        — Скоты!..
            — Подлецы!..
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Всыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
        — Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть средь рабочих убитые?
— Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!..
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?
— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
Снова.
Бьет роковая волна...
Гнется гнилая основа...
Падает грузно стена.
— На!..
— На!..
— Раз-два,
Сильно!..
— Раз-два!
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!.
Грянул семнадцатый год.

— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
Кто там виляет умильно?
К чорту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!
— Е-ще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,

Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!.
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!

. . . .

Главная улица стонет
Под пролетарской пятой!!.

ЭПИЛОГ

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Годы мучений, борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся.
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1922

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

Поэма

1

Вошла и сказала ему: «Саламат!»
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы — хоть картину пиши.
«Якши!»

Жена у Мирзы — его третья жена —
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин узбекских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым,
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.

2

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмурившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,
Мимо — страшно сказать! — «Комсомола»,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады
Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
«Ну-дыр-бай бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-са-ляра бер-ды!..»

Дома, сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза:
«Пр-ро-клятый!!»

3

«Велик алла!
Велик алла!» —
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в «Комсомол»,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.

«Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакалья кровь?»—
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.

И отвечала ей Зайнет:
«Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Узбекским девушкам и женам!»

А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану.
Зайнет спаслася от неволи!

4

Год тяжкого труда — по дням и по ночам —
Прошел, как светлый сон, для боевой беглянки.
С какою верою живой ее речам
Внимали бедные дехканки!

На фронте — шла она в разведку и в секрет.
И басмачи не раз бранились бранью злобной:
«Поймаем — пуля в лоб! У красных больше нет
Другой разведчицы подобной!»

Рвалася к подвигам — и тем была жива,
Всегда — на скакуне иль полковой двуколке,
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

5

Хмурый Мирза в Фергане
В грязной сидит чайхане,
Полон замыслом темным.
Дал, не скупясь, он монет,
Кун за убийство Зайнет,
Двум убийцам наемным.

Был их ответ: «Потерпи.
Мы уж разыщем в степи
След твоей комсомолки!»
Ночью напавши на след,
Смяли узбеки Зайнет,
Словно дикие волки,

Рвали, оскалив клыки,
Жилы из левой руки:
«Будешь вечно калека!»
В шею, дробя позвонок,
Острый вонзили клинок
Два преступных узбека.

6

Прошло пять месяцев. Ферганская больница.
Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый струп.
Нет, не кошмарный сон ей снится,
Она — калека, полутруп.

Блуждает взор, и речь Зайнет звучит невнятно,
Слух острый притуплен, трясется голова.
Врачи дивятся: «Непонятно,
Как ты осталася жива!»

Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой.
Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
И в комсомолке однорукой
Зажегся вновь бунтарский дух.

«Комуниверситет трудящихся Востока»
Зайнет мерещится во сне и наяву.
У гроба нового пророка
Она сказала: *«Я живу!*

И ты — живешь во мне заветами твоими.
На родине моей — в кишлак из кишлака —
Дехканкам темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твое родное имя
Моя последняя рука!»

7 марта 1925 г.

Пояснение некоторых слов:

Саламат — приветствие.
Якши — хорошо.
Калым — выкуп за невесту.
Ичкерь — внутренний двор.
Дехканки — крестьянки.
Чайхана — чайная.
Кишлак — деревня.
Паранджа — лицевое покрывало.
Кун — награда за месть.

Д. Б.

ЧУДЕСНОЕ ПИСЬМО

Курица — не птица, а баба — не человек.

—

Чем больше жену бьешь,
Тем щи вкуснее.

—

Всем бита, и об печь бита,
Только печью не бита.

Старые пословицы

1

Как в Чапаевском колхозе
Куры роются в навозе,
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки.
А петух-то, петушок
Вскинул важно гребешок,
Сам собой красуется,
Всем интересуется —
И коровушкою Машкой,
И собачкою Кудлашкой,
Задремавшей в конуре,
Вешней радуясь поре,
Черной кошкой
И хаврошкой,
И жучком, и малой мошкой:
Он — хозяин во дворе.
Он, куриный повелитель,
Муж-владыка и родитель
Всем хохлаткам,
Всем куряткам.

Наблюдает за порядком
«Ко-ко-ко!..
Ко-ко-ко!..»
Прогневить его легко.
Если что-нибудь случится,
Кто в ворота постучится,
Скрипнет где-нибудь запор,
Ворон сядет на забор,
Петушок распетушится,
Он храбер, на все решится,
Закричит он на весь двор,
Крыльями захлопает,
Ножками затопает.
«Кто там? Кто там? Свой иль вор?
Кто такой,
Кто такой
Нарушает мой покой?
Захочу,
Настою
На своем приказе я!
Затопчу,
Заклюю!
Что за безобразие!!!»
Накричал,
Замолчал,
Быстро успокоился
И, пока
С пустяка
Снова не расстроился,
Позабывши о враге,
На одной стоит ноге,
На одной стоит ноге
В яркокрасном сапоге
С крепкою опорою,
Боевою шпорою.
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки,
Роют мусор торопливо,
На хозяина пугливо
Смотрят, сузивши глаза:
«Ну, гроза!»

2

Два дяденьки, Пахом с Егором,
Коротким обменялись разговором.
«Что, брат Егор?»
«Что, брат Пахом?»
«Гляжу на курицу. Не быть ей петухом».
«А бабе мужиком.
Сказать ты это хочешь?»
«Хоша б и так».
«Гляди, не ошибись грехом».
«Не ошибусь. Вот ты — за баб ты зря хлопочешь.
Что сталось с бабами! Перевернулся свет!»
«Вот бабы приберут к рукам ваш сельсовет,
Так ты по-бабьи залопочешь».
«Кто? Я? Ну с этим, брат, еще мы погодим».
«Потом увидим».
«Поглядим.
Пустые все твои нахвалки.
Не выйти бабе век из-под мужицкой палки».
«Наслушался, Пахом, каких ты дураков?
Пословица не зря идет от стариков:
У баб мозги из пакли.
Бей шубу, будет потеплей,
Бей бабу, будет помилей.
Сам прежде, вспомни-ка, ты говорил не так ли?»
«Был прежде дураком».
«А нынче стал умен?»
«Не я один».
«Мужик втесался в бабье стадо.
Подумать, до каких мы дожили времен!»
«Получше прежних, думать надо».
«Да я... Коль с бабами своими я ошибусь...»
«Не ошибись».
«Не ошибусь!»

3

Пахом ошибся. Гроб! Убила!
Его вдруг баба загрубила:
«Иду в колхоз!»
«Я то ж иду!» —
Дочь задудила в ту ж дуду.
Пахом за палку в лютой злобе:

«Вы это что? Взбесились обе?
Да кто я в доме? Пес? Урод?
Меня хотите — в оборот?
Да я вас, чортовы наседки!»
Глядь, у порога, у ворот
Соседи сбились, и соседки
Шумят, чума их забери:
«Брось, дядя, палку!»
«Не дури!»
Пахома вежливо, без свалки,
Сгребли три пары дюжих рук.
Жена — с соседками... Нахалки!
Танюша, дочь, среди подруг.
Пахом — осмеянный, без палки
(Смеялась даже детвора!)
Ушел сердитый со двора.
Вернулся к ночи. Лег, не евши.
Такая злость!
Такая злость!
Кряхтел на печке, разопревши.
Про бабу думал: сучья кость!!
На дочь ярился, на Танюшку,
Угрюмо лежа на боку.
«Пропала жизнь ни за понюшку,
Ни за понюшку табаку!..»
Он муж, отец... хозяин вроде...
А уваженья ни на грош.
И нет сочувствия в народе.
Выходит, он же нехорош...
Бунтует баба... Дочь — заноза...
Ей ни во что указ отцов...
Ужели мне в конце концов
Не отбрыкаться от колхоза?!.
Хр-р-р-р!.. Стал похрапывать Пахом.
«Хр-р-р-р!.. Порастай, хозяйство, мхом!..
Хр-р-р-р!.. Дали бабам своеволье...»
Пахом ругался сквозь дрему.
Ворочаясь, как на уголье.
Проснувшись, вглядывался в тьму,
И все мерещилось ему,
Что домовой скулит в подполье.
«Скулит!.. Известно почему!..»

4

Потерял Пахом охоту
Приниматься за работу.
Женка с дочерью одни
Выполняли трудодни,
Все наряды отбывали,
От других не отставали,
Становились впереди.
У Пахома ком в груди.
Он слоняется понуро,
На людей глядит он хмуро,
В двор уходит от ворот,
Коль завидит, как народ,
Особливо парни, девки,
Жадно слушает припевки
Озорного паренька,
Балагура-шутника,
Силуяна-гармониста,
Как засвищет он в три свиста,
Как Пахому он вдогонь,
Растопыривши гармонь,
— Чтоб те, чорту, впасть в сухотку!—
Загорланит во всю глотку:

Как весна-то верх взяла
Эх, да над морозами,
Три деревни, два села
Сделались колхозами.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела!
Сделались колхозами.

В нашем доме кавардак,
Спорят стены и чердак,
Спорит ложка с черепком,
Спорит баба с мужиком.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Спорит баба с мужиком!

Вот так раз!
Вот так два!
Бабе муж не голова,
Баба-сельсоветчица
Мужу не ответчица.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Мужу не ответчица.

Все девчоночки у нас
Настоящий ананас,
干ряники медовые,
Четырехпудовые!
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела
Четырехпудовые.

Только я один зачах
На девических харчах.
Мне бы к прянику охота,
А у пряничка работа.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела
Замечательные!

Как за тракторным рулем
Сидит девка королем,
На слова задириста,
Очень бригадириста.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Очень бригадириста,

Ходит дядюшка Пахом
В настроеньице плохом,
В настроеньице плохом,
Весь обросший лопухом.
Фу ты,

Ну ты,
Вот дела:
Весь обросший лопухом.

Как у дядюшки Пахома
Заварилась каша дома:
Дочь, Танюшу, маков цвет,
Членом выбрали в Совет.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Членом выбрали в Совет.

Дочь, Танюша, маков цвет,
Девятнадцать Тане лет,
Девушка сурьезная,
Очённо занозная.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Очённо занозная.

Дочь отца — стыда в ней нету —
В сельсовет зовет к ответу.
Чтобы дочь, да чтоб отца!..
Дождался Пахом конца,
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Дождался Пахом конца.

5

У Пахома от досады
Сердце ходит ходуном.
Все он слышит из засады,
Притаившись за окном.
Озорному Силуяну
Уж загнул бы он ответ.
Хоть парнишка-то... не спьяну
Он горланит, что Татьяну
Членом выбрали в Совет.

И Пахом признать стыдится,
Что он дочерью гордится.
Повстречается Егор,
Будет новый разговор.
Дочь свою хулить не гоже,
А хвалить... обидно тоже.
Смех обидней, чем укор.
«Обсмеет меня Егор,
Петуха и кур вспомянет,
Скажет, дочь меня-де тянет,
Я ж — хочу аль не хочу —
Уж по-бабьи лопочу!»

Но Пахом и впрямь, одначе,
Стал смотреть на баб иначе,
Без ругни и воркотни.
У Пахома трудодни
Накоплялись, прибывали.
Мужика не узнавали.
Силуян порой чудил,
Что Пахом «перебродил»:
Превратясь «из квасу в пиво»,
Стал колхозником на диво.
У Пахома всё в дому
С новым ладом так сдружилось,
Что Пахому самому
Было чудно: «Не пойму,
Как все это так сложилось?»
День закончив трудовой,
Засыпал он всем довольный,
Позабывши, есть живой —
Иль ушел жилец подпольный:
У него под головой
Не скулил уж домовой.

6

Был домовой в былые годы
Персоной главною в дому.
Живя в грязи, в чаду, в дыму,
Свои жестокие невзгоды
Народ приписывал ему.

Ему почтенье выражали,
Его молили, ублажали,
С ним заключали договор,
Чтоб он берег и скот, и двор.
Но домовой всегда и всюду.
Нуждой измаянному люду
Так заворачивал дела,
Что, глядь, густая паутина
Бесхлебный закром заплела,—
Глядь, и того страшней картина,
Лихая выпала година,
Все подмела ее метла:
Во рву последняя скотина,
И двор весь выгорел дотла!
Народ испуганно судачит:
Хозяин был не к месту, значит,
Что не взлюбил-де домовой
Его фигуры горевой,
Что, как ни мало в том веселья,
Необходимо поскорей
Искать другого новоселья,
Где домовой авось добрей.
Чур! Заметися, след, порошей!
Шли погорельцы с жалкой ношей,
Тащили скарб последний свой.
Но беднякам нигде хороший
Не попадался домовой.

Томяся в горестном уделе,
Не понимал народ простой,
Что домовой на самом деле
Был только выдумкой пустой,
Плодом догадки суеверной,
Зло-беспросветной темноты,
Крестьянской страшной, беспримерной,
Непобедимой нищеты.
И лишь когда крестьянин бедный
На путь советский, путь победный,
Ногою твердою вступил
И за собою закрепил
Уклад зажиточно-колхозный
С ядром культурно-молодым,

Конец положен дням худым,
И домового призрак грозный
Пропал, развеялся, как дым.
И лишь порою гнусный запах,
Пахнув из темного угла,
Напоминает нам дела
Тех дней, когда на злых этапах,
В когтях двуглавого орла,
У темноты, у чорта в лапах
Деревня старая гнила,
Деревня та, где раздавался
И днем и полночью глухой
Казнимых баб истошный вой,
И, слыша это, извивался,
Злорадным смехом заливался
В подполье мрачном домовой.

7

Кто бабе битой, перебитой
В былую пору был защитой?
К попу металася она.
Но поп, увечья обнаружа,
Гнусавил бабе, что она
Судьбой на то обречена,
И церковь учит так, что мужа
Да убоится, мол, жена,—
Что наносить жене увечья
Не грех в иные времена,
Что, мол, природа человечья
Уж богом так сотворена:
Мужик блудлив, но особливо
Сословье женское блудливо,
Не прекращался с райских пор
У жен с мужьями лютый спор,
Винить мужей несправедливо,
Бывает так: смирен топор,
Веретено зато бодливо.
«Так мой совет тебе прямой:
Иди, голубушка, домой,
Напрасно с мужем не корися,
А претерпи и покорися!»

Ни в ком защиты и нигде!
«Да что ты, матка, помешалась?!» —
Галдел народ, когда решалась
Иная баба в злой беде
Искать заступника — в суде.
Я приведу здесь для примера,
Списав из «Русского курьера»,
Страшнейший — прямо на показ! —
Запротоколенный рассказ:

Жена одного зажиточного крестьянина Кременецкого уезда, Волынской губернии, обратилась в волостной суд с жалобой на своего мужа, обвиняя его в бесконечных побоях и истязаниях, состоявших в том, что муж морил ее голодом и холодом, привязывал раздетую донага к столбу на улице и просил прохожих бить жену, а в случае отказа — бил сам; иногда он клал ее связанную на землю и сверху наваливал целые груды бревен и камней, последствием чего у нее оказалась сломанною рука. Муж потерпевшей к разбору дела не явился, и, несмотря на это, волостной суд *признал мужа не виновным*, мотивируя свое решение тем соображением, что *муж бил свою жену*, *имея на то право*, *так как нельзя же допустить*, *чтобы жена не знала над собой власти мужа*.

Этим процесс не кончился. На следующий день муж принес в тот же суд жалобу на жену, и — по приговору его — *несчастную женщину высекли тут же на суде*, *публично*, *нещадным образом*.

(*«Русский курьер»*, 1879, № 51.)

Вот вам рассказ, верней — заметка.
«Курьер» — старинная газетка —
Писала с жалостью на вид.
Да с этой жалости что толку!
Суд — в завершенье всех обид —
Несчастной бабе взмылил холку,
Нутром судейским ощутив,
Что эту бабу защитив
При людях всех, не втихомолку,
Он тем — с обычаем вразрез —
Нарушит общий интерес,
Который весь в своем похабстве
Основан был на бабьем рабстве.
Поэт Некрасов не напрасно
Пророчил жизнь девице красной,

Как будет, мол, она «легка»:
«За неряху пойдешь мужика.
Завязавши подмышки передник,
Перетянешь уродливо грудь.
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.
И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, проявится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг».
Некрасов жизнь оплакал эту.
Да, жизнь была, куда девать!
Я счастлив тем, что мне, поэту,
Уж не придется так певать,
Что «баба» вывелась в народе,
А есть товарищ и жена,
И что битье жены — «не в моде».
Прошли лихие времена.
Погибло прошлое бесславно,
С ним — бабье рабское клеймо.
Вздохнули бабы равноправно,
Былое сбросивши ярмо.
Об этом к *Сталину* недавно
Пришло *чудесное письмо.*
И впрямь сказать, не чудеса ли
То, что *колхозницы писали*:

Дорогой наш друг, товарищ Сталин! Обсуждали мы на собраниях и беседах вашу речь на съезде колхозников-ударников, где вы коснулись и про нас, колхозниц. Вы сказали, что женщины в колхозах — великая сила, что колхозы дали нам возможность стать на равную ногу с мужчинами и что мы, женщины, должны беречь колхозы и держаться за них крепко. Истинная это правда. Так оно и есть. Колхозы сделали нас самостоятельными людьми, а до того мы были только бабами. Называли нас бабами неспроста. Были мы весь свой век — от рождения до смерти — в двойном подчинении и не имели собственного голоса. Работали мы не меньше, а больше мужиков, хозяином же был мужик, а не баба. Мужик был в угнетении и

в страшной бедности, а баба — вдвое. *Но пришла настоящая жизнь и для деревенской женщины. Дали нам эту жизнь колхозы.*

...Была раньше такая мода в деревне — бить жен. Редкий мужик не бил свою бабу... А теперь, куда делась теперь мода бить жен? *Была такая мода, да сплыла... Женщина теперь по всем линиям вполне самостоятельный человек.*

...Мы, деревенские женщины, которые были самые угнетенные из угнетенных в царской России, говорим вам:

— *К старому возврата нет!*

(Из письма т. Сталину от колхозниц Георгиевского района, на Северном Кавказе.)

КРАСНОАРМЕЕЦ ИВАНОВ

Героическая повесть
к пятнадцатилетию взятия Перекопа

Хотя писал я правду-матку,
Все ж привлекал порой угадку,
И опыт жизни, и чутье,
Когда отрывками, враскладку,
Вносилось медленно в тетрадку
Повествование мое.
Оно писалося заочно,
Не беспорочно в том, ином,
Оно в подробностях не точно,
Но очень точно в основном.

1

За Сретеньем через неделю
Сын у Лукерьи родился.
Мать просияла сразу вся.
Была пьяна она без хмелю,
Сказал ей как-то муж, Егор:
«Ты до каких же это пор
Все подносить мне будешь дочек?»
И вот — другой уж разговор —
Муж вышел весело во двор
И крикнул свекру: «Тять! Сыночек!»
У свекра, дедушки Луки,
Тепло по телу до онучек,
Во рту запрыгали пеньки,
Детишек любят старики.
Лука обрадовался: «Внучек!»
Что дальше? Поп и кумовья.

«Чей?» — справясь кратко о младенце,
Сгреб деловито поп Илья
Полтину, хлеб и полотенце,
Дар для духовного отца.
«Ну, как же нам наречь мальца,
Чтоб не висело имя гирей?..
Февраль... Десятое число...
Кто в святцах значится?.. Порфирий!»
Порфирию не повезло:
Кум от Порфирия отрекся.
«Хар-лам-пий...»
И Харлампий спекся:
Был забракован он кумой.
Как наиболее удобный,
Был признан Прохор — преподобный.
Вернулись крестные домой.
Стряхнув с себя в сенях порошу
(Ведь дело было-то зимой),
В избушке матери самой,
Лукерье, то-бишь, сдали ношу:
«Вот принимай сыночка Прошу!»

Так в книгу жизни без чинов
(Не в них крестьянская основа)
Был вписан *Прохор Ивано́в*,
Сынок Егора Ивано́ва
И внучек дедушки Луки.
«Ну, дедка, водку волоки!»
Стол застучал веселым стуком.
Обсели водку мужики.
Закуски всей — капуста с луком.
«Егор, с сынком!»
    «Хрен старый, с внуком!»
«Пошли господь ему деньки
Покраше наших!»
    «Дай-то, боже!»
«Егор, за Прошку по второй!»
«Лукерья, что ж ты? Выпей тоже!
Сынок-то выдался — геро-о-ой!»
В год первый нынешнего века
    (Для хронологии строка)
Так жизнь встречала человека,

Точней — мужицкого сынка.
Согласно прежним родословным
Был человеком он условным
Иль, выражаясь языком
У всех господ тогда обычным,
В мальцах звался он тем «щенком»,
Что, взросши, станет горемычным,
Забитым «серым мужиком».
Итак в деревне Камышевой,
Включенной в Жиздринский уезд,
Прилиты водкою дешевой
Рожденье Прошино и крест.
Над этой важной пьяной вехой
Качать ли скорбно головой?
Хмель был единственной утехой
Крестьянской жизни горевой.
Все нахлесталися, понятно.
В избушке стало неопрятно.
Под стол — сказать им не в укор —
Свалился дед, за ним Егор.
Кума и кум — она «под мухой»,
Он распьяным-пьяным-пьяно,
Икая на версту сивухой,
Поволоклись домой давно.
Уж ночь зловещею старухой
Глядела в мутное окно.
Раскинув тонкие ручонки,
Сморив себя в дневной возне,
На печке спали две девчонки
И братца видели во сне.
Лукерья — кто ж ее осудит!
Порыв такой незаглушим —
Гадала: «Сын!.. Какой он будет,
Когда он вырастет большим?»
Воспеты русские просторы,
Но в них тонул... крестьянский вой.
Есть деревушка под Москвой
Со старой кличкою — *Раздоры*.
Не кличка это, а печать,
Клеймо враждебности отпетой.
Могли б мы прежде кличкой этой
Все деревушки величать.

Раздоры, вечные раздоры,
Неумолкаемые споры
Из-за лоскутных дележей,
Картины мрачные разлада
Старосемейного уклада,
Когда у братьев, жен, мужей,
Отцов, детей — мозги мутило
И при разделах доходило
До потасовок и ножей.
Брат старший разорял меньшого,
Меньшой — палил его дотла.
Как все деревни, Камышева
Полна раздорами была.
Егор недавно был солдатом.
Вернувшись, не был принят братом.
Кондрат Егора отделил,
А заодно — без долгой речи —
Как добрый сын, еще свалил
Отца, Луку, ему на плечи.
Лишь в глупых выдумках слыла
Деревня дружной и единой.
Егор с Кондратом пуповиной
Был связан кровной, родила
Их мать одна (звалась Ариной).
И что же? Ненависть была
Взаимно братская — звериной.
Двух братьев трудно примирить,
Что ж про соседей говорить!

Людскому верить разговору —
Судьба гадает без разбору:
Кому плетет из роз венки,
Кому дает всю жизнь пинки.
Тот под гору, а этот в гору
Пошли у деда, у Луки,
Его родимые сынки.
Не повезло ни в чем Егору,
И тут не так, и там не в пору.
Егор валился в бедняки.
Судьба Кондрату ворожила:
Он — лютый выжига и жила —
Тянулся явно в кулаки.

К Егору в гости на крестины
Он не пришел и не был зван,
А дома лаялся: «Болван!
Всей пахоты полдесятины,
Ни справы нет, ни животины,
А он туда ж — плодить детей.
Лукерья тоже, словно кошка,
Рожать готова дважды в год.
Богатство в дом: сы-ниш-ка! Прош-ка!
Для дураков и то приплод!»

2

Я часть подробностей отброшу,
Не стану ими донимать.
Совместно маленького Прошу
Растили — дед, отец и мать.
Растили. Как тогда растили
По деревушкам детвору?
От груди на землю спустили,
Ребенок ползал по двору,
Потом он на ноги поднялся
И в рубашонке до пупа
За Жучкой по двору гонялся,
Потом — на улицу тропа.
Учила улица — не книжка —
Уму и крепкому словцу,
Лет в десять был уже парнишка
Во всем помощником отцу,
Прел на скамейке сельской школы
И, разобравшись в букваре,
Читал священные глаголы
В евангелье и псалтыре.
Слеглась в мозгу его окрошка
Из бога, ангелов, чертей,
Царя, царицы, их детей.
Сам поп сказал однажды: «Прошка
В деревне первый грамотей».

Скажу — хотя б скороговоркой,—
Что жизнь былая вдоль и вкось
Была покрыта черствой коркой,

Проплесневевшею насквозь
До затхло пахнущего чрева.
Но в «пятом» доблестном году
Вся корка — барам на беду —
Ломаться стала от нагрева.
Я эту речь к тому веду,
Что над деревней корка тоже
Большие трещины дала:
Мужик стал вдумчивей и строже
Вникать в российские дела.
Не затыкал ушей уж плотно,
Ловил рабочую молву
И вез из города охотно,
Хоть было страшно и щекотно,
Уже не сказку про Бову.
Был рад он книжечке хорошей
О светлой жизни, о земле,
О мироедской кабале.
Такая книжка перед Прошей
Раз оказалась на столе.
Что получилось в результате?
Забыв свои тринадцать лет,
Сынок безграмотному тяте
Стал разъяснять в убогой хате,
В чем корень всех крестьянских бед,
Сказавши правду, не навет,
О дяде собственном Кондрате,
Что он кулак и мироед.
Через неделю до Кондрата
Дошел про книжечку слушок.
Кондрат, взъярившись до кишок,
Охрипнув от густого мата,
Грозился «Прошке-сморкачу»:
«Ужо его я, супостата,
Мне подвернется, проучу!»
И до того вошел в горячку,
Такую волю дал нутру,
Что в кровь избил свою батрачку,
Аксинью, Прошину сестру.
Другая Прошина сестрица
Не от добра, как говорится,
Тож не росла в родном тепле,

Батрача где-то на селе.
Все шло в деревне, как обычно:
Бедняк мотался горемычно,
А мироед и живоглот
Себе наращивал живот,—
Те, у кого водился скот,
Спешили запастись кормами;
Встал урожай пред закромами
Стогами свежими, и вот —
В разгар уборочных работ —
Грозой, военными громами
Взгремел «четырнадцатый год».
Не так уж солнышко сияло,
Не так синели небеса,
Не так зарей кроваво-алой
На травы падала роса,
Не так над кровлями избушек
Вилися белые дымки.
На царский фронт, под жерла пушек
Пошли неволей мужики.
Егор... Недолги были сборы:
Война, как коршун, сразу — хвать!
Пошел Егор, как все Егоры,
За что-то с кем-то воевать.
Остался Проша с дедом, с маткой.
Ей — с поседевшей головой,
Склоненной часто пред лампадкой —
Пришлось недолго быть солдаткой:
Письмо из части войсковой
Ее сразило вестью краткой.
Лукерья сделалась вдовой.
Старик Лука походкой шаткой
Ходил, бродил едва живой
И вскоре помер. Дома, в поле,
Стараясь матери помочь,
Мужая с каждым днем все боле,
Работал Проша день и ночь.
Писать о том, что было дальше —
Писать о том, что знают все:
Воз вековой российской фальши
Шел на последнем колесе.
Еще ухаб, и возу — крышка,

Воз развалился. Дело — пас!
Не спас царя Распутин Гришка,
Буржуев Керенский не спас:
Им красных стрелок передвижка
Обозначала смертный час.
Пришел Октябрь. В стране Советов
Громами Ленинских декретов
Заговорил рабочий класс.

3

Деревня скоро раскусила
(Середняки и бедняки),
Чем нам грозила вражья сила
И что́ несли большевики.
Бело-эсеровскою корью,
Там, где болели этой хворью,
Переболели мужики.
Средь них пошла во-всю расслойка
На эту сторону и ту.
Кулак увидел: неустойка!
Уж ни угроза, ни попойка
Не укрощают бедноту.
Былому не было возврата,
Бедняцкий облик был уж нов.
Пошел на дядю, на Кондрата,
Племянник, Прохор Иванов.
Враги один другого жали
Поочередно. Шли толчки.
Кондрата сторону держали
Деникины и Колчаки.
У Проши крепкою опорой
Была рабочая Москва.
Верх стороне забрать которой
В боях решалось года два.
Был Проша полон гордой страстью,
Когда, дождавшися чреды,
Был призван он советской властью
В красноармейские ряды.
Лет девятнадцать — что за годы,
Но парень кряжистой породы
И крепкой воли, ставши в строй,

Свершал труднейшие походы,
Как самый подлинный герой.
И вот уж он под Перекопом.
Задорно глядя на Сиваш,
Смеялся он над белым скопом:
«Аминь! Конец приходит ваш!»
Чтоб, сброд последней тли дворянской
Лишив последнего гнезда,
Тем порешить с войной гражданской,
Из-под Варшавы из-под панской
Был переброшен он сюда.

Огретый нами по затылку,
Барон, как в щель поганый клоп,
Забрался в крымскую бутылку
И перекопской пробкой — хлоп!
Но, на барона хлынув лавой,
Наш красный фронт ударом в лоб
Свел счеты с вражеской оравой,
Неувядаемою славой
Покрыв советский Перекоп.
Тот полк испытанный, в котором
Был Проша,— честь завоевал:
Он вражий фронт атаковал,
Стремясь прорвать лихим напором,
Заходом в тыл, Турецкий вал.
Бойцов разил огонь шрапнельный,
Но — уж они на берегу.
Неотразим удар смертельный
По ошалелому врагу!
Уж вражий фронт не фронт, а каша.
«Эй, наша, братики, берет!»
Стал Проша, выйдя из Сиваша,
Готовый ринуться вперед.
Но в этот миг — пред самой целью —
Ему, чьим ранам под шинелью
Терялось точное число,
Белогвардейскою шрапнелью
На части сердце разнесло.
Стыдливо-скромный, как девица,
Но с дерзкой смелостью орла,
Он пал, как скошенная птица,

Раскинув руки — два крыла.
Угасли щек румянец нежный
И тела юного тепло.
Под утро тиною прибрежной
Холодный труп заволокло.
...Победа. Краткий отдых в поле.
Бойцы раздули огонек.
«Эх, не видать нам Проши боле!»
«Жаль. Был геройский паренек!»

4

«Правда» 25 августа 1935 г.

Армянск, 24 августа. (По телеграфу.) Кузнец колхоза «Красный полуостров» Иван Павлов, собирая картечь в обмелевшем Сиваше, обнаружил тело красноармейца, убитого белогвардейцами в бою под Перекопом в 1920 году.

Находясь в пропитанной солью тине, труп хорошо сохранился. На теле отчетливо видна шрапнельная рана в области сердца.

В одном сохранившемся документе сказано: «Дано сие удостоверение от сельского совета, А...вской волости, ...ской губервии, Прохору Иванову, который действительно мобилизован приказом Советской власти на действительную военную службу в ряды Красной Армии 1901 года рождения».

Тело бойца Красной Армии перевезено в Армянск.

Погибший в бою 15 лет вазад красноармеец Прохор Иванов похоронен с воинскими почестями.

Пятнадцать лет прошло — не мало —
С той исторической поры,
Когда, у гада вырвав жало,
Мы всё, что фронт его держало,
Из крымской выбили норы.
Незабываемое дело
Незабываемых сынов
Страны родной, громивших смело
Белогвардейцев и панов,

Дыханьем нашим овладело,
Когда твое нашли мы тело,
Красноармеец Иванов.
Ты — неизвестный — стал известным,
Убитый — снова стал живым,
Живым примером повсеместным,
Несокрушимо стойким, честным
Героям нашим боевым.

Живой твой образ — он повсюду.
Нет, не убито, не мертво:
В строенье жизни, равной чуду,
Передалось родному люду
Биенье сердца твоего.
Ты — соучастник в общей доле.
В сталеупорной нашей воле
Мы видим волю и твою,—
В потоке силы — в цехе, в поле,
В подземной шахте, в новой школе —
Мы видим силу и твою,—
В советском творческом обличье
Обличье видим и твое,—
В гигантском Сталинском величье
Величье видим и твое.
Враги вкруг нас шипят недаром:
Им сознавать невмоготу,
Каким — при натиске их яром —
Мы им ответим контрударом
По их прогнившему хребту.

Мы укрепляем нашу силу,
Мы все в работе — стар и мал,
Чтоб сбавить вражьим бандам пылу,
Чтоб дать отпор «свиному рылу»
И — при нужде — и в лоб, и с тылу
Атаковать «фашистский вал».

Стальные выковав доспехи,
Мы, если грянут вновь бои,
Сметем с дороги все помехи.
И эти новые успехи —
Успехи будут и твои.

Герой не гибнет, умирая:
Двойная жизнь ему дана,
И эта жизнь его вторая
Бессмертной славою полна.

Ты, в годы вражеской облавы
Гроза баронов и панов,
Боец простой и величавый,
Войдешь в блистательные главы
Летописанья нашей славы,
Красноармеец *Иванов!*

3 октября 1935 г.

КОЛХОЗ «КРАСНЫЙ КУТ»

Сатирическая поэма,
на истинном происшествии основанная[1]

> Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей — писателей, журналистов.
>
> *М. Горький* (см. «Красн. архив», т. 45).

> Почва средней и южной России, в особенности знаменитая черноземная полоса (insonderheit das berühmte Schwarzerdegebiet) значительно плодороднее, чем почва германской империи.
>
> *Рудольф Мартин.* «Будущность России».

> На чужой коровай рта не разевай: по зубам получишь.
>
> *Русская народная пословица.*

Часть первая

КИЕВ 1912 ГОДА

1

«В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай»,
Жандармами усатыми
С глазами тупо-рачьими
Просмотрены, проверены,
Из поезда из прусского
На пограничной станции
Сошедши на перрон,

---

[1] См. книгу — А. Вилков. «С немцами по России». Варшава 1912 г. Описание продолжавшейся с 25 мая по 10 июня 1912 г. экскурсии большой группы немцев.

В буфет для чистой публики
Толпою стоголовою,
Как шумный эскадрон,
Ввалились немцы тощие,
Подтянутые, чванные,
Все сто, как на подбор,
С военной прусской выправкой,
Лишь касок нехватало им,
Недоставало шпор.
На стойку на буфетную
Они — все сто — накинулись,
Вплотную к ней придвинулись,
Всю выставку съедобную,
И пышную, и сдобную,
В пучину стоутробную
Заглатывая сплошь,—
Жевали, сочно чавкали,
Давились бутербродами
Со всякой вкусной всячинкой,
Особенно со свежею,
Лежавшей влажной горкою,
Зернистою икоркою.
«Еще з икра, пожалюйста!..
Мит кавьяр, битте нох!»
Икре они, разнежившись,
Чуть не кричали «гох».
Разморенные русскою
Обильною закускою
И — особливо ходкою —
Казенной русской водкою
Назад пошли — шаталися,
В вагонах отдувалися:
«Закузка зер карош!»
В Варшаве немцы шустрые,
Пока вагоны прусские
Менялися на русские,
Подзакусили тож,—
Подзакусив, немедленно
По городу рассыпались,
Рассыпались, понюхали,
К гер-консулу немецкому
На пять минут наведались.

Гер-консул знал заранее
Прямое их задание,
Их подлинную роль.
Он им сказал напутственно:
«Наш долг...» — «Исполним в точности!»
«Ди унзре пфлихьт...» — «Яволь!»

2

От царского правительства
К туристам любознательным
Приставлен был «беглейтером»
То-бишь, сопровождающим,
Имевший чин и звание
Профессора варшавского,
Руссификатор яростный,
Прямою связью связанный
С жандармским отделением,
Мужчина представительный,
Пред немцами почтительный,
Знаток трех языков,
Субъект патриотический,
Махрово-монархический,
Приват-доцент Вилкóв.
Был дан Вилкову списочек,
В котором точно значилось,
Что гости — немцы видные,
Почтенные, солидные,
Чины-администраторы,
Средь них есть губернаторы
Регирунгсраты важные,
Ландраты, полицмейстеры,
Судебные чины,
Директора, советники
Различных департаментов,
А также и ученые
Большой величины,
Наук экономических,
Наук агрономических
Большие знатоки.
Цель этой всей экскурсии —
Прогулка двухнедельная,
Однакож, не бездельная,

А с мыслью основной,
С желанием естественным
Поближе ознакомиться
— Частично, разумеется,—
С Российскою империей,
С соседнею, великою
Славянскою страной.

3

Нюх потеряв критический,
Вилков патриотический,
Держась традиционного,
Штампованно-казенного,
Одобренного мнения
Насчет высокой честности
Почтеннейших гостей,
Не видел, а и видевши,
Тож не придал значения,
С чего бы это штатские
Особы, не военные,
А, проезжая Брест,
На крепость брестлитовскую,
На лагери солдатские
Все гости до единого
Глаза усердно пялили,
Привскакивая с мест,
Иные же пустилися
Биноклями обшаривать
Дороги и тропиночки,
Пригорки и ложбиночки,
Лежавшие окрест.
При этом всем, однакоже,
Буфет вокзальный немцами
Был осажден и тут.
Вагоны вновь загрохали.
Пред сном все немцы охали:
«Закузка рузкий... гут!»

4

В дороге за ночь выспавшись,
Наутро очутилися
Туристы наши в Киеве.

Таков их был маршрут.
Их университетскою
Почтили первой встречею.
Цитович, ректор, выспренно
Изрек им, сколь он горд,
Сколь счастлив от сознания,
Что крепнет связь культурная
Двух наций исторических,
Добрососедской честности,
Поставивших рекорд.
Доклад о роли Киева,
Святыни царства русского,
Прочел гостям внушительно
Свой немец, русский, внутренний,
Библиотекарь Кордт.
Гостей кормили завтраком,
Кормили, не скупилися,
Хоть брюхо завали!
А, накормивши досыта,
Их в «первую гимназию»
Гуртом поволокли.
Гимназия особая,
Господская, богатая,
С разборчиво подобранным
Составом ученическим,
Блеснула гимназистами,
Поставленными в строй
И строем исполнявшими
Гимнастику сокольскую,
Гимнастику военную
С ружейными приемами,—
Все это называлося
«Потешною игрой».
А принимал для важности
Смотр этот гимназический
И «молодцы!» орал
Не кто-нибудь с обшивкою
Серебряно-басонною,
А собственной персоною,
Весь в орденах и в золоте,
Командующий округом
Иванов, генерал.

Все немцы восхищалися
Гимнастикой потешною,
Не раз рукоплесканьями
Встречая одобрительно
Военно-гимнастический
Тот иль иной прием,
Но больше всё косилися
На бороду лопатою
У генерала важного
И меж собой шепталися
О чем-то о своем.
Потом гостям заменою
Приятнейшего зрелища
Явилось угощение
И вольное общение
Со всеми гимназистами.
Все гости, каждый с беленьким
Букетиком в руке,
Прощаясь, подивилися
Успехам гимназическим
В немецком языке:
Им гимназисты вежливо,
Зо артихь унд зо фейн,
Воспитанные нравственно,
Сказать умели явственно,
Помимо «гутен мóрген'а»,
Еще «овф видерзейн».

5

Отсюда на извозчиках,
В пролетках перекошенных,
Облупленных, ободранных,
С железным звоном, грохотом,
По рытвинам, колдобинам,
По выбитым камням,
Туристы-немцы, крякая,
От непривычки охая,
— Раз гость, терпи, не злись! —
До лавры до прославленной,
До крепости монашеской
За часик добрались.
Их встретил всех приветливо,

Рукою белой, пухлою
Наперсный гладя крест,
Монах слащаво-благостный,
Духовной полный важности,
Но внутренне изнеженный,
Сластолюбиво-чувственный
Сановный сибарит,
Печерско-лаврский, стало быть,
Отец-архимандрит.
Шагая тихой поступью
Сквозь две шеренги братии,
Перебиравшей четками,
Приросшими к рукам,
Про чудеса чудесные,
Про знаки про небесные,
Явления, целения,
Давал он объяснения
Гостям-еретикам.
Повел он их по трапезной,
По всем церквам и церковкам,
Потом привел в собор,
Где пел акафист, «радуйся
Невесто неневестная!»,
Откормленный монашеский
Многоголосый хор,
Где богомольцы падали
С придушенными стонами
Ничком перед иконами,
Где божии рабы
В порывах веры пламенной
О пол холодный, каменный,
Так головами стукали,
Трещали ажно лбы.
Увидя старушоночку,
Молившуюся истово
Пред образом Исусовым,
«О чем она так молится?» —
Вилкова, провожатого,
Спросил профессор Виденфельд.
Вилков на то ответствовал:
«О чем? Да обо всем:
И о грехах содеянных,

И о живой и умершей
О всей своей родне,
О сыне о солдатике,
О дочери припадочной,
О муже, скорбно кончившем
Житейский скорбный путь,
Об урожае будущем,
О захромавшем мерине,
О курочках и уточках,
Еще о чем-нибудь».
«Унд кейн гебетбух. Вундербар!..
А где ж ее молитвенник?»—
Спросил, дивяся, Виденфельд.
«Зачем он ей, молитвенник?» —
С сердечным умилением
И с неприкрытой гордостью
Сказал патриотический,
Махрово-монархический
Приват-доцент Вилков:
«Ища у бога помощи,
С глубокой, чистой верою
Взывая к небесам,
Народ наш неиспорченный,
Весь девственно-безграмотный,
Не по книжонке молится,
А пред престолом божиим
Несложно и бесхитростно
Творит молитву сам!»
Культурный немец, Виденфельд,
С большим вниманьем выслушав
Столь красочный ответ,
Такой народный, редкостный
Талант молитво-творческий
Уразумел по-своему:
«Так, так, народ безграмотный!
Зо, зо, анальфабет!»

6

Пошли туристы далее,
Все темные и душные
Пещеры обошли,
На чучела «нетленные»,

С усмешкой затаенною
Не раз перемигнувшися,
Таращили глаза.
На свежий воздух выбрались,
Залопотали радостно:
Пред ними Днепр серебряный,
За ним — просторы синие,
А рядом — монастырские
Цветущие сады.
Так радостно, так благостно.
Но благостность нарушили,
Вопя на все лады,
Разноголосо ноющей,
И плачущей, и воющей,
Голодной нищей калечи
Огромные ряды.
Безногая, безрукая,
Безносая, безглазая,
Крикливо неотвязная,
Отменно безобразная,
Оборванная, грязная,
В отрепье обовшивевшем,
В коросте и в гною,
Дощечками, тележками,
Тупыми деревяжками
И костылями брякая,
Косноязычно вякая,
Скулила, выла жалостно
Людская каличь всякая
В монашеском раю.
«По-да-а-ай-те, милосердые!..
Подайте Христа ради нам!..
Подайте нам, почтенные,
На радости, увидевши
Пещерные, нетленные,
Святые телеса!» —
Надорванные, хриплые,
Гнусливые и сиплые
Гудели голоса.
Насели густо нищие,
На немцев навалилися,
Гостей почтенных яростно

Тесня со всех сторон.
«Пошли все прочь отсюдова,
Халдеи окаянные!»
Глазищи оловянные
На нищих грозно выпучив,
Монах дородный палкою,
Огромной, суковатою,
Их тыкал во что по́падя:
«Вон! Вон отсюда! Вон!»
«Такого безобразия
Не ждал ни в коем разе я.
Все гости что подумают:
Порядок здесь каков!» —
Архимандриту на ухо,
Чтоб гости не заметили,
Так молвил со смущением
Приват-доцент Вилков.
Архимандрит насупленный,
Стоял совсем опешенным,
Косяся взглядом бешеным
На нищенскую рать:
«Что делать? Гады сущие.
Прорвались проклятущие!
Приказ был — их убрать».

7

Чтоб поскорей тяжелое
Исправить впечатление,
Отец-архимандрит
Повел гостей в гостиницу
Не в грязную, народную,
А в чистую, «дворянскую»,
Где был для них уж празднично
Огромный стол накрыт.
За выдержанно-постную,
За икряную, рыбную,
Грибную и фруктовую
Монашескую снедь,
За сахарно-цукатные
За сладости плодовые
За нежно-ароматные
За соты за медовые,

За квас хмельной, разымчивый,
За крепкие наливочки,
Вишневочки, сливяночки,
За вкусные селяночки
Казенно-провожатому,
Вилкову тароватому,
Уж не пришлось краснеть.
У разварной стерлядочки,
У балыка, севрюжины,
Икры — не меньше дюжины
Отборнейших сортов! —
Все немцы осовевшие,
Как будто год не евшие,
Пыхтели час, не менее.
Особое умение!
Сказать по справедливости,
Старались без стыдливости:
Ешь, пей, коли дают,—
Из-за стола стыдливые
Голодными встают.
Пилося немцам, елося
Наславу да имелося
К тому еще в виду,
Что к вечеру от города
В их честь банкет готовится
С оркестром симфоническим
И ужином отменнейшим
В великолепном киевском
«Купеческом» саду.

8

Со всякой точки зрения
Он стоил одобрения
Невиданно-диковинный
— Другого слова нет! —
Банкет, организованный
Красноречиво-лаковым
«Градским главою», Дьяковым.
Да, это был банкет!
Но мне его в подробностях
Описывать охоты нет:
У самого, мне боязно,

Вдруг слюнки потекут.
Недаром поздно, заполночь,
Когда в утробах вспученных
У них, едой измученных,
Плескалося, варилося,
Чорт знает что творилося,
Гостями сонно-вялыми
Уже под одеялами
Не то, что говорилося,
А бесперечь икалося,
Утробно выкликалося:
«Зак... кузка... рузкий... гут!!»

9

Весь день второй естественным
Был продолженьем первого:
Еда, осмотр, еда,
Осмотр, еда... Осматривать
Всё церкви приходилося.
Итти еще куда?!
Туристы заграничные,
На редкость энергичные,
С Вилковым, провожатаем,
Зашли в собор Софиевский,
Зашли в собор Владимирский,
Зашли в собор Андреевский,
Храм «десятинный» тож,—
Был монастырь Михайловский
Осмотрен основательно,
А в самую жару
На флагами расцвеченном
Колесном пароходике
Опять с банкетом, с музыкой,
С застольным красноречием
Катались по Днепру.
Наевшися, напившися,
Банкетных слов наслушавшись,
Под музыку военную
Туристы-гости с палубы
На город любовалися.
Церквей-то! Раз, два, три,
Четыре... Сосчитаешь ли?

Святой был город, подлинно!
Скиты, монастыри,
Соборы златоверхие,
Большие церкви, малые,
Церквей до чорта лысого,—
Куда ни посмотри,
Бесчисленные маковки
Зеленые и синие
С крестами золочеными,
С серебряными звездами,
Сплошная благодать!
А заводские трубы где?
Где корпуса фабричные?
Их что-то не видать!
Туристы умилялися,
Туристы удивлялися,
В гостях не к месту критика.
Но все же посмотрите-ка:
Скиты, монастыри,
Соборы златоверхие...
Так много чистой святости
И — никакой индустрии,
Зольх эйне рейне гейлихькейт
Унд — кейне индустрй!!
На это без стеснения
Давать стал объяснения,
Стал врать, как неприкаянный,
Казенный враль отчаянный,
Приват-доцент Вилков:
«Сие весьма значительно
И крайне поучительно,
Что церкви исключительно
В сиянии веков
На нас взирают благостно
С днепровских, святокиевских
Высоких берегов:
Богатства духа русского,
Не деловито-узкого,
А широко-душевного
Без привкуса плачевного
Борьбы с отцовской долею
Строптивых сыновей,

Жизнь близкая к идиллии —
Все это божьей волею
Сказалось в изобилии
Божественных церквей.
Уклад экономический,
Тако́й же идиллический,
Как он крестьянством строится,
Пред вами весь раскроется
Он завтра же с утра.
Когда по расписанию,
По вашему желанию,
— Ведь мы вам, чтя Германию,
Служить во всем обязаны —
Крестьянские по́казаны
Вам будут хутора.

Часть вторая

ХУТОРА 1912 ГОДА

Мы ехали по чернозему. Все немцы почему-то с завистью смотрели на наш чернозем.

А. Вилков. «С немцами по России».

Welchen reichen Ertrag würde — der fruchtbare Boden der Schwarzerde liefern, wenn er statt von Russen von Deütschen besiedelt wäre!

Die Zukunft Russlands von Rudolf Martin. Leipzig. 1906.

Какой богатый доход могла бы дать плодотворная почва черноземной полосы, если бы она была населена не русскими, а немцами!

Рудольф Мартин. «Будущность России». Лейпциг. 1906.

1

Туристы спали в поезде,
А утром очутилися
Уж в Харьковской губернии,
Где у Ковяг, у станцийки,
Их ожидало зрелище
Особо любопытное,
Российски-самобытное
Казенной красоты:

Почтовых троек линия
Пред ними растянулася
Почти на полверсты.
Кобылки, отбиваяся
От мухи надоедливой,
Потряхивали гривами,
Пускали в ход репейником
Забитые хвосты,—
И дыбясь, и брыкаяся,
Наполнив воздух ржанием,
Ярились жеребцы.
С обычным прилежанием,
С густым упоминанием
Родителей, святителей,
Всё так же, как бранилися
Их деды и отцы,
Бранились бородатые,
Нечесано-лохматые
Почтовые извозчики:
«Эй, осади!» — «Подвинь!»
Под расписными дугами
Смеялись хохотунчики,
Гремушки-грохотунчики,
Задорные бубенчики,—
Веселые, болтливые
Звенели колокольчики:
Динь-динь, динь-динь, динь-динь!
Туристы разместилися,
Уселися, поехали
Дорогою извилистой
Средь моря безграничного
Ржаного и пшеничного
С густым, высоким колосом
По самую по грудь.
Дорога безобразная,
Размоченная, грязная,
И вязкая, и тряская,
На взгляд немецкий — жуть.
Пред головною тройкою
Мотаясь суматошливо,
И криком и нагайками
Гоня с дороги встречные

Телеги с таратайками,
Ей верховые стражники,
Охальники и бражники,
Указывали путь.

2

Под конскими копытами
Грязь черная и липкая
Разбрасывалась в стороны,
Летела в немцев комьями.
То ль ехать, то ль слезать?
Чай, грязь — не мед, не патока:
Забрызжет — не слизать.
Грязищей весь забрызганный,
Турист, профессор Шустерман,
Сказал не без чудачества,
Что чернозем — чтоб полностью
Узнать его все качества —
Не только видеть, надобно
Еще и осязать.
Впрямь, было показательно,
Насколько осязательно
Воспринимался немцами
— Под видом бескорыстного
Анализа научного —
Вид чернозема тучного.
«Шварцэрде!» Немцы все
Шептали зачарованно,
Наслышавшиеся издавна,
С ребяческого возраста,
Об этой, нынче узренной,
О черноземной, сказочной
Пшеничной полосе.
«Шварцэрде!» — все вполголоса
Стонали сокрушительно,
И ни о чем решительно
У них уж речи не было.
Забыли обо всем,
С волненьем нескрываемым
Они с повозок прыгали,
Шварцэрде брали на руку

И растирали пальцами,
И сладострастно нюхали:
Так вот он — знаменитейший,
«Берюмте шернасём»!
Просторы неоглядные,
Зелено-серебристые,
Струистые, волнистые,
С цветистыми узорами
Окидывая взорами,
Они по временам
То крякали, то охали:
«Иметь швацэрде плохо ли?!»
«Такое б счастье нам!»
«Мы что бы тут устроили!»
«Мы б урожай утроили!»
«Будь это наше...»
«Швейг!!»
С военной односложностью,
С привычной осторожностью
«Цыц!» — цыкнул назидательно
(Начальник, уповательно)
Регирунгсрат, фон Цвейг.

3

Вела дорога в бывшее
Помещичье имение.
В последнее владение
(Последняя нора!)
Какого-то облезлого,
Век жившего дурачисто,
Прожившегося начисто
Дворянского бобра,
В именье разоренное,
Долгами оплетенное,
Бобром не от добра
Чрез банк земельный сбытое
Крестьянам и разбитое
Затем на хутора.
Вилковым вышесказанным,
Втирать очки обязанным,

Туристам объяснилося:
Крестьянам-де не снилося,
Что им за добронравие
По благости начальственной,
По мудрости столыпинской,
Такое счастье выпадет:
В руках у них окажется
Именье «Снежнов-Кут»,—
У каждого крестьянина
Вдруг будет хутор собственный!
«А хуторянин-собственник —
Прямой оплот законности,
В нем к смуте нету склонности,
Имеем факты точные:
Вот где устои прочные
Для отвращенья смут!
Есть хутора отдельные,
Взять тот же «Снежнов-Кут»,
Не образцы заочные.
— Что стоили досельные
Политики земельные! —
Вот реки где молочные
Сквозь берега кисельные
Спокойно потекут!»
Все немцы умилялися,
Устоям удивлялися
И говорили: «Гут!»

4

На хуторе на первом же
Роскошно-показательной
Заглавной иллюстрацией
К грядущим чудесам
Был — с преогромной свитою,
Своей администрацией —
Сам губернатор харьковский
(Звался он Катериничем),
Да, губернатор сам!
Напудренный, нафабренный,
При всех своих регалиях,
В мундире камер-юнкерском,
— Ну, хоть в парадный зал! —

С приветливою важностью,
С сановной авантажностью,
С изысканной любезностью,
С широким жестом этаким,
Гостям — «добро пожаловать!
Вилькоммен!» — он сказал.
Гостям и губернатору
(«Эк сколько их, начальников!
Все набрались отколь?»)
Старик, хозяин хутора,
По-оперному ряженый,
Причесанный, приглаженный,
С оглядкою — ох, боязно!—
Всем поклонился поясно
И преподнес хлеб-соль.

5

По хуторам поехали.
«Глядите, не утеха ли?»
Так немцам говорилося:
«Что нами заварилося!
Крестьяне как живут,
Чего тут набабахали!»
Все немцы дружно ахали
И говорили: «Гут!»
Ландрат, герр Шток, не выдержал
На языке на ломаном
Хваля «пшенис унд рош»,
Крестьянина угрюмого,
Степана Завгороднего,
Спросил: «Ваш жисть на куторе
Дофольно есть карош?»
Ответ был неожиданный,
Начальство покоробивший,
Вилковский брёх угробивший:
«Не жизнь, а благодать!
Живем — не ходим по миру,
Но милостыню нищему
Тож не с чего подать».
Лицо у губернатора
В одну секунду сделалось
Багровое, как медь,

Он рядом с ним стоявшему
Дежурному охраннику
Сказал: «Сырцов, заметь!»
Вилков герр Штоку с кислою
Собачьею оскалиной
Сказал про Завгороднего:
«Нет лучше хуторянина,
Мужик он преотменнейший,
При всем при этом блещущий
Народным остроумием:
Для красного словца,
Как говорит пословица,
Не пожалеет матери,
Не пощадит отца!»

6

С брезгливою опаскою
Входя в избушки жалкие,
На их убранство скудное,
На печи, образа,
Все немцы с изумлением
Таращили глаза.
Но, обходя избушечки
И голые дворы,
Все гости до единого
Сильней всего дивилися
Огромному обилию
Крестьянской детворы.
Поп — без попа обедни нет,
Был поп и тут в наличности —
Он рек, что многочадие —
Благословенье божие.
Крестьянская толпа
Ответила по-своему,
По-своему дополнила
Речение попа:
«Насчет житья отпетого
Не скажем ничево.
А дети... В части этого
Уж это мы тово!»
Семья была не малая

У мужика у хмурого,
Степана Завгороднего:
Сбиваясь на ночлег,
В одной избе теснилося
Десяточек ребяточек,
Да бабка, доживавшая
Свой горький вдовий век,
Да сам с женой — ровнехонько
Тринадцать человек.
Тут стало члену рейхстага,
Барону Киршенштейнеру,
Свое недоумение
Невмоготу скрывать:
«Да где ж они,— воскликнул он: —
Все спать располагаются?
В избе — одна кровать!»
«Где спать вы размещаетесь,
Наш гость интересуется?» —
Вилков спросил у бабушки.
«Нашел он что, твой немец-то,
Про нас разузнавать!
Где спим! — сказала бабушка
Задорливо, укорливо,
Вопросу неразумному
Дивяся не путем: —
Мы на печи, на лавочке
Да на полу разместимся.
Есть нечего, скажи ему,—
Хоть раз наесться б досыта,
А где нам спать, наевшися,
Уж место мы найдем!»

7

«Сплошное остроумие!» —
Сказали немцы вежливо.
Но рожу губернатору
Свело такой гримасою,
Как будто наступил ему
Кто-либо на мозоль.
«Я думаю, достаточно
Все гости находилися,

Осмотром насладилися.
К тому ж и мне пора уже
Свою исполнить роль,—
Сказал он так: — Покорнейше,
Прошу вас, гости милые,
Принять без осуждения
И от меня хлеб-соль!»
«Хлеб-соль» гостям он подлинно
Поднес по-губернаторски:
В дому былом помещичьем
Все было приготовлено
На диво, то есть всяческой
Превыше похвалы:
Под снедью первосортною,
Из Харькова доставленной,
Под дорогими винами,
Цветочными корзинами,
Ломилися столы.
Всем блюдам подаваемым,
Всем винам разливаемым,
Деликатесам, пряностям,
Пред каждою персоною
Положен был особенный,
Весь золотыми буквами,
Славянской вязью древнею
Узорно напечатанный
Напутственный реестр.
Гремел оркестр — из Валкова,
Из города ближайшего,
Пожарный, не ахтительный,
Не очень восхитительный,
А все-таки оркестр.
Застольным красноречием
Блеснули два оратора:
За словом губернатора
Взял слово немец Кох.
Держа бокалы узкие,
«Ур-р-ра!!» — кричали русские,
Кричали немцы: «Гох!!»
Все быстро нализалися,
В хмелю разлобызалися.
«Фотографа позвать!»

Снялись гуртом и группами
И снова — полутрупами —
Засели пировать.
Уж время к ночи близилось,
Давно уж солнце снизилось,
Уж ярко разливалася
Вечерняя заря,
А пир еще не кончился,
Всё тосты продолжалися
И выкрики отдельные,
Не все членораздельные,
По правде говоря.
«Внимание! Внимание!
За дружбу, процветание,
За кейзера немецкого,
За русского царя!»
Орали, обнимались,
Опять гуртом снимались.
Был пир — не описать!
Рекорд жратвы поставили.
Потом крестьян заставили
Пред немцами плясать.

8

Я не с пустой котомкою,
Возок мой не с поломкою,
А все ж я повесть комкаю,
К концу ее клоня.
От продолженья повести,
Скажу по чистой совести,
Я ухожу: мотня.
Картинно-карусельная —
Чем повесть станет цельная?
Поездка двухнедельная,
Я ж описал три дня.
Берет меня смущение.
Что́ стоит посещение
Хотя б одной Москвы!
Торгово-богомольная
Москва первопрестольная,
Осмотр ее, все случаи

Банкетов и жратвы,
Возьмут, сочтем за лучшее,
Огромных три главы.
Материал значительный,
Местами — помрачительный,
Но длиннотой грозит.
Итак, я заключительный
Теперь беру визит:
Все немцы-гости в Питере!
По самой лучшей литере
Устроен им прием.
Но мы осмотров питерских
С дворцов и до кондитерских
Опять же не даем.
Всем немцам отъезжающим,
Свершившим свой обет,
Событьем завершающим
Прощальный был обед.
Вот что на основании
Веденных дневников
Об этом расставании
С гостями из Германии
Писал доцент Вилков:

Прощальный обед прошел живо, весело, в приподнятом настроении. На обед были приглашены германский посол при русском дворе, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием А. А. Риттих, главный ревизор землеустроительного комитета А. А. Кофод и некоторые другие чины землеустройства. Были представители и немецкой колонии. Была прочтена телеграмма от председателя совета министров В. Н. Коковцева, где он высказывает сожаление о невозможности быть на обеде и пожелание, чтобы эта экскурсия содействовала взаимному пониманию одного народа другим. Официальные тосты произнесены были германским послом и товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. Сказал краткую речь и автор этих строк.

Очень остроумную речь в конце обеда произнес ландрат фон Реймонт. Он задался целью представить нашу экскурсию в цифрах. И пришел к следующим выводам: общий вес экскурсантов составлял при въезде в Россию 7239 килограмм и 222 грамма, при выезде же из России он равнялся 8287 килогр. и 391 грамм, так что прирост на каждого экскурсанта составляет почти 10,5 килограмм. Потребление икры

составляло в среднем на экскурсанта 7,52 килограмма, у некоторых же оно достигало 15,29 килограмм. Как последнюю цифру, оратор приводит процент экскурсантов, высказавших пожелание снова посетить Россию, причем по возможности с женами или другими родственниками. Таких экскурсантов оказывается 100%. Цифра эта вызывает шумные аплодисменты.

(Стр. 111—113 книги «С немцами по России»).

9

Дадим подсчет упрощенно:
Двенадцать дней пути,
А жиру-то нарощено
По пудику почти!
Уж с первых дней экскурсии
У немцев, с восхищением
Твердивших — и с отрыжкою,
А после и с отдышкою —
«Закузка рузкий гут!»,
Костюмы стали узиться,
Терять фасон, кургузиться,
Вдруг затрещат подмышкою,
То где-то ниже талии,
А то еще подалее,
Иль сразу там и тут.
Уже в Москве экскурсии
По номерам гостиничным,
Взяв двери на засов,
Пришлось заняться сразу же
Занятьем первой срочности —
Проверкой швов, их прочности,
Перестановкой пуговиц,
Расшивкой поясов.
Как немцы ни старалися
Держать свой внешний лак,
А в Петербург добралися —
Не знали сами, как.
Все стали толстопузые.
Костюмы их кургузые
С чужих казались плеч.
Пришлось, купив готовые,
Себя в костюмы новые,
Просторные облечь.

И то сказать упрощенно:
Двенадцать дней пути,
А жиру-то нарощено
По пудику почти.
Туристы разжиревшие
С Россией расставалися —
Ну, просто убивалися,
Хвалили всё, что видели,
Словами разливалися:
«Картина в общей сложности...»
«Какие здесь возможности!»
«Ах, этот чернозем!
Вот ключ к добрососедскому
Взаимопониманию!
Его с собой в Германию
На память мы везем!»
«Все, все без исключения, —
Поверьте нашим искренним,
Восторженным словам! —
В знак дружбы на прощание
Даем мы обещание
Вернуться вскоре к вам,
С детьми вернуться, с женами,
С друзьями и знакомыми».
«Приедем с агрономами
На срок...»
                «На срок любой!»
Чуть не сказали: «с кейзером
Вернемся, с нашей армией!»
Но это разумелося,
В мозгах у них имелося
Уже само собой.

Часть третья

УКРАИНА 1918 ГОДА

1

Прошло шесть лет ровнехонько.
К исходу шла всемирная
Жестокая война.
От немцев отбивалася
Уж не Россия царская,

А новая, великая
Советская страна.
Немецкие захватчики
На Украйну хлынули,
Пасть хищную разинули
И над страной, лежавшею
С ножом, ей в грудь водвинутым,
С военной оккупации
Разбойничьим ножом,
Над всею Украиною,
Войною разоренною,
Оравой разъяренною
Свирепо измывалися
И дико упивалися
Повальным грабежом.
Но сила-мощь народная,
Крестьянская, рабочая,
Была не вся истрачена:
Страна была охвачена
Пылающим повстанческим
Народным мятежом.

2

Вот тут-то и случилося,
Такое приключилося
В районе «Снежнов-Кут»,
Выдумывать — не выдумать.
Раздался крик: «Спасайтеся!
Отряд немецкий!»
«Ироды!»
«Всех мужиков, объявлено,
У нас пересекут!»
Впрямь, в бывший дом помещичий,
На бывшее помещичье
Широкое крыльцо
Взошло — крестьяне ахнули! —
Военное, знакомое,
До ужаса знакомое
Немецкое лицо.
«Чтоб ты, когда здесь пьянствовал,
Винищем отравился бы,

Котлетой подавился бы!
Чтоб ты тогда издох!»
То был — вот в этом доме же
Лобзавший губернатора
И голосивший «гох»,
Тогда ландратом звавшийся,
А нынче оказавшийся
Риттмейстером, гер Кох!
Пред ним толпой понуренной,
Озлобленно-нахмуренной,
Немецкими солдатами
Вплотную окруженные,
Угрюмо напряженные
Стояли мужики.
Риттмейстер, брызжа пеною,
На них на всех набросился:
«Ви взе — большевики!
Ви, зволечь, бунтовайтеся!
Ви нэ повиновайтеся!
Ви клеба не показывайт!
Я будет вас наказывайт!
Шписсрутен!! Нашинайт!!»
Пороли перво-наперво
Крестьянина угрюмого,
Степана Завгороднего.
«Я знайт его! Я знайт!
Он недофольный з кутором?
Весь кож с него здирайт! —
Кричал так экзекуторам
Риттмейстер разъярившийся: —
Чтоб бризгал кров!.. Ол-райт!!»
Спина у Завгороднего
От пояса до ворота
Была вся сплошь испорота,
Уж больше места не было
Кровавым новым полосам.
Но злым, истошным голосом,
От крови охмелевшее,
Бранилося немецкое
Высокоблагородь,
По-русски материлося
И пуще все ярилося:

«Пороть! Пороть! Пороть!
Ви должен знать, каналия,
Ви все унд ваш поля
Принадлежает кейзеру!
Дас гренцлянд, весь Украина
Немецкий есть земля!!»

УКРАИНА 1936 ГОДА

Заторов нет у времени.
Года бегут, бегут.
Степана Завгороднего
Признай теперь — он жив еще:
Его в войну гражданскую
Не раз огрел помещичий,
Белогвардейский кнут,—
Он в годы предколхозные,
Ведя борьбу с кулачеством,
С вредительством и рвачеством,
Был беспощадно крут,—
Со дня весьма серьезного,
Дня первого колхозного,
Он состоит заслуженно
Бессменным председателем
Колхоза «Красный Кут».
Он горд спокойной гордостью.
С несокрушимой твердостью,
И мудростью, и честностью
Он, чтимый всей окрестностью,
Без крику, без угроз,
Сломив повадку шкурную,
Корыстную, блудливую,
На линию культурную,
Зажиточно-счастливую
Поставил свой колхоз.
Сбылося, что не снилося.
Как все здесь изменилося
От облика наружного
До радостного, дружного
Колхозного труда!
Дед весел. От Степановой
От беспросветной хмурости

Не стало и следа.
«Ушли от старой дурости!
Вот стали жить когда!»
Не вся ль страна советская,
Твердыня капитальная,
Насквозь индустриальная,
Не нищенски-голодная,
Могучая, свободная,
Без прежних барских пут,
Так стала непохожею
На крытую рогожею
Россию старопрежнюю,
Как на былой, на сникнувший,
Запущенный, загаженный,
Насквозь обезображенный,
На «Снежнов-Кут» помещичий
Стал непохож теперешний
Цветущий, крепко слаженный,
Силач машинно-тракторный,
Колхозный «Красный Кут».
Из всех детей Степановых
В живых осталось шесть.
Шесть сыновей Степановых —
Отцу большая честь:
Данило — в красных лётчиках,
Микола — в краснофлотчиках,
Микита — в кавалерии,
Омелько — агроном,
Антон с Петром — комбайнеры,
Отличные комбайнеры,
Почетный орден новенький
Сверкает на одном
За то, что он рекордную
Победу одержал,—
В Москве, в кремлевском здании,
Петру пред награждением
С сердечным обхождением
Сам Сталин руку жал.
Коль кто-нибудь при случае
Степану Загороднему
Иль скажет, иль прочтет,
Фашисты, мол, немецкие

Усиленно бахвалятся:
На области советские
Они вот-вот навалятся,
Хотят свершить налет,
Перекроить все заново,
Взять то, что потучней,—
«Так, так!» — лицо Степаново
Становится мрачней,
Ложится складка строгая
Промеж седых бровей,—
Рукой любовно трогая
Висящие над столиком
Портреты сыновей,
Он говорит с усмешкою:
«Бароны наезжали к нам,
Сначала в гости вроде бы,
А после с эскадронами.
Вот то-то и оно:
Выходит, что с баронами
Фашисты заодно.
Так, говоришь, куражутся?
Ну, что ж, пускай отважутся.
Средь удалых бойцов
Не худшими окажутся
Моих шесть молодцов.
И сам я попытаюся —
Где дети, там отцы,—
Я с Кохом поквитаюся
За горб исполосованный
Немецкими шпиц-прутьями,
За все мои рубцы!»

14 августа 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

БАСНИ

Кашевары
Стр. 15

В 1912 году в большевистской печати Ефим Придворов стал подписывать стихотворения псевдонимом «Демьян Бедный». После первого стихотворения Д. Бедного, помещенного в «Звезде», Ленин послал запрос: «Кто это у вас Демьян Бедный? Очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы».

Вскоре в печати появились басни Д. Бедного против ликвидаторов: «Кашевары», «Рыболовы» и др.

«Новый голос» — печатный орган меньшевиков-ликвидаторов, пытавшихся основать свою «партию», которую рабочие окрестили «Столыпинской рабочей партией».

Дом
Стр. 22

В 1920 году поэт написал к этой дореволюционной басне «Послесловие»:

На-днях, отдавши дань «очередным делам»,
Ушел я с головой в бумажный старый хлам:
Пред тем, как сбыть его на кухню для растопки,
Попробовал я в нем произвести «раскопки».
　　　　И до чего был рад,
Когда нашел пяток полузабытых басен,
Что мною писаны «сто лет» тому назад.
По скромности своей, конечно, я согласен,
Что басни — не ахти какой великий клад.
　　　　И все ж, считаяся со сроком
И с тем, какой я «дом» тогда имел в виду,
Вы скажете, что я в двенадцатом году
　　　　Был недурным пророком.
«Дом» — сами знаете: стряслась над ним беда, —
«Хозяин» и «жильцы» из благородной кости
　　　　Махнули кто куда,—
　　　　По большей части — к чорту в гости;

А уцелевшие, осатанев от злости,
Досель еще чинят немало нам вреда.
Но вырвав все клыки из их широкой пасти,
Мы барской сволочи вернуться снова к власти
Уж не позволим никогда, —
Ни им самим, ни их лакеям,
Всей «демократии» гнилой, —
Мы знаем цену всей работе их былой
И «учредительным» затеям:
В руке их — красный флаг, а белый — под полой.
Глупцами лестно ли нам быть в глазах потомков,
Быть осужденными суровым их судом?
Дом старый рушился. Но мы наш новый дом
Не станем строить из обломков.
Мы, «черные жильцы», дадим врагам ответ:
Как их искусные строители ни бойки,
Но скоро убедить сумеем мы весь свет,
Что дома лучшего не может быть и нет,
Чем дом советской стройки.

Лапоть и Сапог
(Стр. 26)

Номер 22 газеты «Невская звезда», где появилась эта басня, был конфискован, а редактор привлечен к ответственности «за напечатание статьи «Кадеты и аграрный вопрос» В. Фрея (псевдоним В. И. Ленина) и басни Демьяна Бедного «Лапоть и Сапог».

Басня направлена против столыпинских земельных законов, обязывавших крестьян выделять кулакам-хуторянам лучшую землю и разорявших маломощных крестьян и деревенскую бедноту.

Гипнотизер
(Стр. 28)

Басня помещена в «Правде» в связи с выборами в IV Государственную думу. В этой стихотворной предвыборной «прокламации» Д. Бедный высмеивает агитацию буржуазно-помещичьих партий за своих депутатов.

Затейник
(Стр. 32)

Басня разоблачает попытки буржуазии путем создания общедоступных «народных» увеселений отвлечь рабочих от боевых, классовых, революционных проблем.

Свеча
(*Стр. 36*)

Под напором революционных масс перепуганное царское правительство выступило в октябре 1905 года с манифестом, обещавшим народу, «незыблемые основы гражданской свободы».

Кроме «обещаний», рабочие и крестьяне от царя, конечно, ничего не получили. Басня «Свеча» высмеивает царские посулы. Редактор большевистского журнала «Просвещение», поместивший эту басню, был приговорен к крепости на один год. На суде прокурор так объяснил судьям вред «иносказаний» басни: «Под свечой с мачту автор подразумевал высочайший манифест от 17 октября 1905 года. Ведь он приписывает монарху заведомо обманные действия...»

Добряк
(*Стр. 48*)

Басня была помещена в газете «Путь правды» (№ 44) с эпиграфом: «А. И. Гучков внес в благотворительную комиссию городской думы заявление относительно представления срочного доклада о суммах, которые необходимо городу ассигновать на благотворительную помощь беспризорным» («Новое время», 22 марта), «Свыше 60 000 рабочих выкинуто локаутами за ворота фабрики» («Речь» — из передовицы).

В послереволюционных публикациях басни Д. Бедного отсутствует послесловие, которое было помещено в первом газетном варианте:

Когда сочувственным киваньем головы
Гучков, иль Милюков, иль типы в этом роде
Изображают скорбь о трудовом народе,
Я думаю: для нас не жалко им... травы!

1908—1916

О Демьяне Бедном — мужике вредном
(*Стр. 93*)

Стихотворение написано в 1909 году. Из-за цензурного запрета напечатано было только в 1911 году (в большевистской газете «Звезда»). Именем героя этого стихотворения — «Д. Бедный» — поэт с 1912 года подписывает свои произведения, и оно становится постоянным его псевдонимом. Свои ранние стихи поэт помещал в журнале «Русское богатство» за подписью Е. Придворов.

И там, и тут
(Стр. 99)

Это маленькое стихотворение является откликом на случаи массового отравления рабочих в Петербурге, особенно на свинцово-белильных фабриках. На бурные рабочие демонстрации протеста царское правительство ответило пулями.

Литвинов-Фалинский — царский чиновник, наблюдавший за «строгим» выполнением так называемого «рабочего законодательства», установленного заводчиками и фабрикантами.

1917—1920

Мой стих
(Стр. 100)

В этом стихотворении Д. Бедный, как и в ряде других стихов («Еще раз о том же», «О соловье», «Вперед и выше» и др.), говорит о призвании революционного поэта.

Революционный гудок
(Стр. 104)

Несмотря на то, что советское правительство в 1918 году заявило Германии о своем согласии подписать мир, войска немецких интервентов двинулись на Петроград.

Стихотворение «Революционный гудок» является призывом к петроградским рабочим отстоять завоевания Великой пролетарской революции.

«Правде»
(Стр. 106)

Д. Бедный начал работать в большевистской печати в 1911 году. Все лучшие произведения Д. Бедного были опубликованы в газете «Правда». Последнее его предсмертное стихотворение, напечатанное в газете «Правда» 9 мая 1945 года, посвящено празднику Победы.

В огненном кольце
(Стр. 108)

В 1918 году советская Россия была окружена «огненным кольцом» интервентов Англии, Франции, США, белогвардейскими бандами и прочими лютыми врагами молодой советской республики.

Песня деда Софрона
(Стр. 109)

Прообраз героя этого стихотворения Софрон Федорович Придворов — родной дед Д. Бедного. Софрон Федорович был дружен со своим внуком и часто беседовал с ним о положении русского крестьянства.

Коммунары
(Стр. 130)

Стихотворная подпись под агитплакатом, написавная автором экспромтом в Ленинградском совете, в Смольном.

День прозрения
(Стр. 144)

Днем прозрения поэт называет девятое января 1905 года, когда было убито и ранено более трех тысяч рабочих. На «Кровавое воскресенье», ставшее началом первой русской революции, рабочие ответили стачечным движением, принявшим необычайно широкий размах.

Труд
(Стр. 148)

Стихотворение посвящено субботникам, представляющим, по словам Ленина, «сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой труддисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни».

Манифест барона фон Врангеля
(Стр. 149)

Стихотворение, высмеивавшее барона Врангеля — «Крымского», написано было «в один присест».

У Фрунзе, помню, средь вагона
Махнул от имени барона
Красноармейцам — манифест, —

вспоминал Д. Бедный в стихотворении «Как мы его добили» (1928) в связи со смертью барона Врангеля.

1921—1929

«Владимирка»
(Стр. 153)

Владимирка — шоссейный тракт из Москвы на Владимир, по которому отправляли в Сибирь партии ссыльных. В настоящее время «Владимирка» переименована в Шоссе энтузиастов.

В тумане
(Стр. 155)

Стихотворение посвящено Ленину. Поэт изображает вождя, как и в отрывке «Земля, земля», капитаном, ведущим государственный корабль «средь густого тумана, средь бесчисленных явных и тайных преград, средь врагов, притаившихся где-то лукаво...»

«Новый курс» — поворот от политики военного коммунизма к новой экономической политике.

Осы
(Стр. 161)

Опубликовано в печати на следующий день после начала судебного процесса над контрреволюционной организацией правых эсеров, происходившего в Москве с 8 июня по 8 августа 1922 года.

Краснофлотцам
(Стр. 179)

Стихотворение написано в ответ на присвоение поэту звания почетного члена экипажа (марсового) эсминца «Сталин». В строке, говорящей о «фракционных минах», Д. Бедный намекает на свою борьбу в печати с троцкистской «оппозицией».

Никто не знал...
(Стр. 181)

Стихотворение написано к 56-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Обрывок «Манифеста». — 19 февраля 1861 года Александр II подписал манифест об отмене крепостного права, который являлся на самом деле обманом и ограблением крестьян.

Нас побить, побить хотели!
(Стр. 187)

Эта песня была опубликована в ноябре 1929 года одновременно в газете «Правда» и в газете Дальневосточной армии «Тревога». Музыку к песне написал А. Давиденко.

Песня посвящена дальневосточным красным бойцам. Она была написана поэтом в тот день, когда весь мир облетело сообщение о сокрушительном отпоре, который дали дальневосточные бойцы гоминдановским генералам-налетчикам, действовавшим по указке империалистических держав.

Диво-дивное, коллективное
(Стр. 189)

Стихотворение — подпись под агитплакатом.

Цветенье жизни
(Стр. 221)

Товарищ Сталин в своем отчетном докладе на XVII съезде партии отметил коренные преобразования, произошедшие в СССР за истекший период. Этот съезд вошел в историю, как «Съезд победителей». Стихотворение отмечает наши достижения.

К ответу!
(Стр. 233)

В этом стихотворении Д. Бедный требует призвать к ответу участников троцкистско-бухаринской банды, организовавшей убийство товарища С. М. Кирова, выдающегося деятеля партии и рабочего класса.

До новой встречи
(Стр. 237)

На II Всесоюзном съезде колхозников-ударников (1935) был принят разработанный под непосредственным руководством товарища Сталина «Примерный устав сельскохозяйственной артели», который народ назвал Сталинским уставом счастливой колхозной жизни.

Хэй! или «Доктор голода»
(Стр. 240)

Но я Испанией дышу — слова относятся к событиям 1936 года в Испании, когда революционный испанский народ боролся против двинувшихся на него фашистских полчищ Франко, Гитлера и Муссолини.

«Последние новости» — белогвардейская газета, выходившая в Париже.

Цветы и корни
(Стр. 245)

Прасковья Ангелина — колхозница-трактористка, возглавившая бригаду девушек-трактористок, освоила агрономические науки и стала активной участницей общественно-политической жизни страны, передовой советской женщиной, Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР. Очерки Паши

Ангелиной об ее жизни и труде получили широкую популярность в Союзе ССР и за его пределами.

Двуединая волна
(Стр. 256)

Де Брукер — бельгийский социал-демократ-соглашатель, поддерживавший враждебные выступления против СССР.

Ситрин — английский «рабочий» деятель, установивший связь с итальянскими фашистскими профсоюзами.

Растет страна
(Стр. 263)

Стихотворение напечатано в газете «Правда» в связи с опубликованием проекта Сталинской Конституции (12 июня 1936 года). Первоначальное название стихотворения: «Есть что оборонять».

Страна любуется
(Стр. 268)

Стихотворение посвящено первым, на основе Сталинской Конституции, выборам в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года. Уже в подготовительном к выборам периоде выявились могучее морально-политическое единство советского народа и всенародная любовь к своему первому кандидату, вождю народов великому Сталину.

1941—1945

Я верю в свой народ
(Стр. 278)

Стихотворение напечатано в момент напряженных боев под Москвой 7 ноября 1941 года. Германское информационное агентство объявило, что в этот день Гитлер войдет в Москву. Выражением уверенности и стойкости силы советского народа в победе над фашистскими захватчиками в эти грозные дни явился парад Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади, на котором выступил с исторической речью великий Сталин.

1942 год
(Стр. 280)

Новогоднее стихотворение, напечатанное 1 января 1942 года после декабрьских успехов Красной Армии, выявивших крах немецкого военного искусства.

Подвиг. — Словам Вождя восторженно внимая...
(Стр. 289, 290)

В 1944 году Красной Армией были одержаны исключительные победы. Первомайское стихотворение «Подвиг» выражает народное настроение в эти победоносные дни. Стихотворение «Словам Вождя восторженно внимая» написано под впечатлением первомайского приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

ЭПИГРАММЫ

Новая «английская болезнь»
(Стр. 308)

Меллон — американский миллиардер, прозванный «Финансовым королем САСШ». Занимал пост министра финансов в правительстве Кулиджа.

Нельзя ли наоборот?
(Стр. 311)

Томас — один из членов английской «рабочей партии», активно проводивший политику английского империализма, участвовавший в подавлении бастующих углекопов («черная пятница» 1921 года).

Что верно, то верно
(Стр. 312)

Джойнсон Хикс — английский консерватор, крайний реакционер, занимавший в консервативном правительстве ряд министерских постов, глава различных торговых фирм.

Посадили
(Стр. 315)

Гувер-Герберт — крупный американский капиталист, в 1929—1933 годах был президентом США.

Нескромный вопрос
(Стр. 316)

Пакт Келлога (1928) — международный договор, названный так по имени его инициатора американского государственного деятеля. Этот пакт, называвшийся о «запрещении войны, как орудия национальной политики», в действительности узаконивал колониальные захваты, империалистические войны и антисоветскую интервенцию.

Панамский канал — построен на территории республики Панама, являющейся фактически колонией США. Полицейская власть в Панаме также принадлежит США.

Открытие, подумаешь!

(Стр. 319)

Макдональд — вождь так называемой «независимой рабочей партии». Будучи главой первого правительства «рабочей партии» Англии (1924), проявил во внутренней политике полный отказ от борьбы с капитализмом, а во внешней отстаивал агрессивные традиции английского империализма.

А под боком...

(Стр. 320)

Пан-Европа — или пан-европейское движение означает космополитическую идею объединения государств Европы в единую федерацию якобы с мирными целями. С таким проектом в 1929 году выступил в Лиге наций французский премьер-министр Бриан, предложивший создать «объединенные штаты Европы». На самом деле целью всех этих «пан-европейских» союзов является организация единого фронта против СССР и борьба с революционной демократией в Европе. Эти планы снова ожили после второй мировой войны. По плану международного поджигателя войны Черчилля «Соединенные штаты Европы» должны действовать в тесном содружестве с «Соединенными штатами Америки».

ПОВЕСТИ И ПОЭМЫ

Про землю, про волю, про рабочую долю

(Стр. 327)

Это произведение отражает события 1917 года — как подготовлялась февральская и Октябрьская революции.

Поэма содержит в себе фельетоны, политические частушки, народные песни и злободневные эпиграммы.

Отдельные стихотворения, печатавшиеся в «Правде», поздней были поэтом дополнительно включены в поэму, изданную автором в 1920 г. в переработанном варианте.

Здесь печатаются части — третья («Февральская революция»), четвертая — («Демократическое надувательство»), пятая — («Большевистский октябрь») и «Заключение», написанное осенью 1920 года — в период решающих побед революции над белогвардейщиной.

Главная улица
(Стр. 404)

Поэма, написанная к пятилетию Октябрьской революции, рисует революционную волю и творческую силу рабочих масс, вышедших в 1905 году на «Главную улицу» для революционных боев и одержавших в октябре 1917 года окончательную победу.

Клятва Зайнет
(Стр. 410)

Поэма была опубликована 8 марта 1925 года в Международный женский день. Сюжет ее основан на фактическом материале, характеризовавшем в те годы положение восточной женщины в Узбекистане. Советская власть и советская культура покончили с пережитками, послужившими основанием для поэмы «Клятва Зайнет».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Басни Эзопа

1913—1916

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1916

1921—1929

1930—1940

ПОВЕСТИ И ПОЭМЫ

*Переплет и титул
художника Г. Мануйлова*

*

Редактор Л. Белов

Технический редактор Ж. Примак

*Корректоры В. Знаменская
и А. Сабадаш*

*

*Сдано в набор 3/V 1950 г. Подписано к печати 15/VIII 1950 г. А06533. Тираж 50 000 экз. Бумага 84×108 1/32. 7,7 бум. л. — 25,2 печ. л. + 1 вклейка. 20,23 уч.-изд. л.
Цена 14 руб. Зак. № 1544*

*

*Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.*

